В. Винник

Бесстрочная осень

Рассказы

Бессрочная осень

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Владимир Винник

Ссылка на публикацию

Содержание

Бессрочная осень 3

В утренний час.....9

Заветный дворик.....17

Наталья 28

В ожидании рейса.....35

Женино счастье 38

Память любящего сердца.....51

Стерва.....74

Гречанка.....82

Обломки.....96

Замужняя невеста 104

Компаньон..... 121

Настоятельница монастыря 126

Миг очарования 133

Бессрочная осень

В июне того года, когда началась война, они закончили семилетку. Они – это Маша Бурлак и Ваня Мазур. Еще в школе проявляли друг к другу симпатии, а повзрослев, им уже незачем было скрывать свои тайные мысли и чувства. И было

им уже невыносимо тяжело представить жизнь друг без друга. Война – какое странное слово, как при этом холодно становится на душе. Два года, два военных года пролетели в тягостных трудах. У Вани на колхозной ниве, а Маша, как хорошо успевавшая выпускница, была определена учителем начальных классов из-за нехватки педагогов, которых призвала война. Вот и вышло время её Ванечке идти на ратный труд – защищать Родину. На проводы собралось не так много народа, за два года войны люди попривыкли уже молча, каждый на своем дворе сопереживать тем, у кого уходил человек в солдаты. За вечерним столом на проводах он был объявлен Ваниным отцом её женихом. Они сидели рядом молча, ловя иногда взгляд друг друга, скрывая от посторонних свои чувства. Когда, наконец, гости, изрядно захмелев, запели «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты…», он склонился к ней и чуть слышно сказал:

- Хочешь, пройдемся немного?

От того, что скоро придется расставаться, может быть, даже навсегда, делалось тревожно и тяжко в их молодых душах.

- Ничего, Машенька, время быстро пройдет, и я вернусь. Вот уже два года как война, не может она, проклятая, продолжаться вечно? – успокаивая её, снял и накинул пиджак ей на плечи.

- Да, конечно, – безразлично отозвалась Маша, - все равно грустно и тревожно на душе.

Выйдя на улицу со света, в глазах было темно, и она настороженно держалась за него двумя руками. Но при лунном свете стали различаться силуэты хат и деревьев. Они приостановились, обернувшись, убедились, что одни, и он длительно поцеловал её в губы.

Они пошли к своему любимому месту, к озеру под вербу, и сидели в каком-то недоумении счастья. Он всегда одной рукой обнимал её, а другой держал за руку, и казалось, что слышно им было «перестукивание» их сердец. В сумраке было видно лучистое мерцание их глаз, когда они пристально после поцелуя всматривались друг в друга. Просидели так поздно, что не было уже ничего слышно на селе. Все погрузилось в крепкий сон. Один месяц был свидетелем их счастья, сияющий над верхушкой вербы, и блестела от него озерная вода.

- Пока буду воевать, буду помнить этот наш с тобой прощальный сентябрьский вечер, – трогательно сказав, отвел свой взгляд куда-то в сторону. Маша посмотрела на него, и он, почувствовав на себе её взгляд, обернулся и опять, обняв, поцеловал.

- А вдруг и правда убьют, и ты, наверно, сразу же забудешь меня.

У неё заблестели глаза и она испуганно посмотрела на него.

- Не говори больше так! – и прослезилась .

- Ведь в конце концов все забывается, нет такой боли, чтобы не проходила. Ладно, не будем больше об этом…

На следующее утро он и еще с десяток призывников, собранных с окрестных сел, погрузили на машину-полуторку, и они уехали. Она с каким-то отупением во взгляде долго смотрела на убегающую машину, чувствуя в душе горькую несправедливость и несовместимость между их отношениями и правдой сегодняшнего дня – война. Не зная, что делать дальше, разрыдаться или горько запеть «Не ходил бы ты, Ванек, в солдаты», подняв и удерживая рукой воротник пальто от прохлады, медленно пошла к школе…

Погиб он через два месяца, в ноябре сорок третьего года в Белоруссии. С тех пор прошло пятьдесят лет. Казалось бы, такая долгая жизнь, но ничего не осталось в памяти, что могло бы так тронуть ее душу, кроме того прошлого с Ванечкой, которое непостижимо ни умом, ни сердцем своей верностью даже ей самой.

Маша-Мария Ясоновна сразу после войны закончила педучилище и проработала в школе до выхода на пенсию. Много женихов сваталось к высокой, белокурой, голубоглазой, во взгляде доброй и в чем-то дерзкой Маше, но она не могла переступить через те свои чувства, овладевшие ею в ту, теперь уже далекую военных лихолетий осень, с ее Ванечкой. Так и прожила одна с мамой, за спиной которой сама толком не научилась хозяйствовать по двору и дому. Перебирая в памяти долгие годы, пережито многое, а вспомнить хорошего особо нечего: послевоенная нищета, школа. Как посмотришь на этих оборванных детей, сплошь безотцовщина. Казалось ей, что, несмотря на свои детские годы в душе, они уже вынесли всю горечь взрослых послевоенных лет. Дети приходили и уходили, а она все жила и живет тем прошлым, которое, как зимний буран, прошелся по ее трепетной любящей душе. И могла ли она думать в те счастливые для нее дни, что они станут единственной памятью и надеждой на всю оставшуюся жизнь. Это, пожалуй, все, что было в ее жизни, остальное суета-сует, тянущиеся чередой долгие годы, не принёсшие ей счастья, а только потери здоровья и старческого одиночества.

В тот год, когда уже не было в живых их матери, ее с братом-инвалидом забрал к себе его сын – племянник. Перед тем как им уехать к нему, она прошлась по селу, по тем памятным смолода для нее местам. Погуляла по выгону, потом пошла вдоль канавы, где была так же, как и прежде, натоптана тропинка к

озеру: «А вот и эта верба, под которой не раз сидели с Ваней, как ты постарела, голубушка». Она трепетно дотронулась до ствола дерева. Опять, как и тогда – осень. Солнце ярко светило, но сильно не припекало, а по краю воды уже плавали опавшие желтые листья.

Она села под вербу, под свисшими ее ветвями, и стала вспоминать. Сердце трепетало, и по душе прошла боль от того, что все ушло безвозвратно: «Рядом с вербой раньше стоял ряд крупных тополей, а сейчас их уже нет. И озеро не то, не поблескивает зеркалом его водная гладь, а поросло разной растительностью».

Жизнь совершенно бессодержательна и совершенно пуста стала для нее и похожа была бы на жизнь слепого червя, если бы не воспоминания о Ванечке….

Прожив у племянника зиму, они с братом решили не досаждать лишними хлопотами молодой семье и оформиться в дом престарелых. Через время, опять к осени, их просьба была удовлетворена, и им на двоих, как родственным душам, выделили комнату в доме-интернате…

Она пережила и смерть брата, оставшись совсем одна, наедине со своими мыслями о прошлом. Старость иногда заставляла ее задуматься и переосмыслить свою жизнь: «Уж был ли когда-то мой Ванечка? Был, как не было? Ведь была моя молодость и наша с ним любовь».

Наступила очередная осень – любимое ее время года, бессрочная осень в ее душе, с которой связано так много воспоминаний. И к тому же раньше начало осени всегда отправляло ее в школу, где, возясь с детьми, она хоть как-то отвлекалась от своего прошлого.

Она прогулялась по березовой рощице у дома-интерната, уже окрасившейся в желтый лист, и когда возвращалась, ее одолела сильная тоска. Войдя в свою комнату, минут десять простояла у стола, поглядывая вдаль на желтеющий лик берез. Ей нездоровилось: из-за всяких мрачных мыслей, полезших в голову, тяжело дышалось, и ослабли ноги.

Пятьдесят лет тянулись долго-долго, но как так вышло, что за все это время, находясь в гуще кипучей жизни, рядом с людьми, она ни разу не подумала о своем будущем, о простом женском счастье. Ведь неправильно, даже с точки зрения женской природы, да и безбожно замкнуться в себе и не попытаться больше обрести счастье и быть кому-то любимой и хорошей матерью. Тогда бы не было так горько сейчас заканчивать свою жизнь, когда была бы рядом любящая семья. Думая об этом, на ее душу лег такой тяжкий груз, что ей показалось, если она сейчас ляжет в постель, то больше уже не поднимется

никогда. Потом она все-таки легла, ворочаясь с боку на бок, несколько раз вставала с постели и пыталась выйти на улицу в рощу, чтобы легче дышалось, но всякий раз ее что-то останавливало, скорее всего, боль в суставах, и она возвращалась в постель. Сколько отчаяния и скорби было на ее лице. Она всю жизнь отдала воспитанию чужих детей, на то, чтобы обучить их грамоте, правильным манерам поведения и быть ответственными за свои поступки людьми. И теперь не понимала, откуда у нее эта невыносимая грусть, зачем столько мук под старость лет. Выражение лица было тревожное, точно она что-то упустила очень важное в этой жизни, а что, и сама не понимала. Ведь на свете нет ничего такого, что заслуживало бы этих страданий…

К ужину она не вышла, и через час после того пришла докторша с медсестрой.

- А мы к вам, – начала пожилая докторша, – пришли вас послушать. Здравствуйте! На что-нибудь жалуетесь?

- У меня сердцебиение, – докторша послушала ее.

- Сердце бьется как следует, – сказала она – все в порядке. Нервы балуют немножко, это так. Поменьше надо расстраиваться, побольше выходите к людям. Ужинать будете?

- Нет,…не хочу.

- Ну, тогда ложитесь спать. Сейчас сделаем укольчик и отдыхайте. Пока медсестра приготавливала и делала процедуру, докторша все смотрела на нее. Она давно была уже не Машенькой, а убогой старушкой, производившей впечатление существа несчастного, которое из жалости держали здесь.

- Часто это с вами бывает, эти недомогания, – спросила докторша, когда медсестра, закончив процедуры, вышла.

- Часто. Мне почти каждую ночь тяжело. Я, конечно, благодарна, что со мной здесь еще возятся. Уход хороший, – она затихла. Затем подняла глаза на докторшу и смотрела так грустно, что той показалось, она хочет поговорить с ней искренне по душам.

-Вы говорите, – сказала докторша. – У вас нет родных?

- Нет…так жизнь сложилась, что я одна.

- Война? – сочувственно спросила докторша. Мария Ясоновна качнула слегка головой.

- Все ждала, а потом и …. – она прервалась, – время мое ушло, – опять замолчала.

Докторша знала, что сказать ей: нужно поскорее оставить свое прошлое, которое по ночам приходит к ней. Для нее также было ясно, что так думает и сама Мария Ясоновна, но она так и не смогла переступить через свое, теперь уже призрачное прошлое.

Ночью ей мерещилась верба и Ванечка, и что-то темное надвигалось на нее, и все скрывалось в этой темноте.

Утром она не вышла и к завтраку. Приходили опять докторша с медсестрой, сделали укол и наложили компресс. Опомнившись от забытья, она соображала, что темное – это смерть.

Как-то несправедливо, что самое высокое чувство-любовь, которой она была верна все эти долгие годы, забрала у нее все, а жизнь человеку дается один раз. Вот и выходит, что ее жизнь прошла без пользы? Конечно, все на свете проходит и пропадает со временем: «Вот возьмёт меня смерть, и пропадут мои воспоминания о Ване»…

Весь день она провела в постели. К вечеру лицо горело от жара, но выражение было счастливое, точно она опять увидела вербу у озера и себя с Ванечкой под ней. Она глядела в потолок и, шевеля губами, чуть слышно шептала:

- А помнишь, Ванечка, – бредила она в жару, – как мы однажды попали в грозу и укрылись под какой-то одинокой вербой…Все мечтали, как счастливо заживем, когда кончится война. Мы тогда с тобой просидели до утра, и казалось, что так быстро прошла ночь, – она горько усмехнулась, – как моя никчемная жизнь без тебя…

Приходила опять докторша, что-то говорила, щупала пульс, трогала ладонью лоб, а Мария Ясоновна, продолжая что-то бормотать непонятное, впала в забытье. К утру она скончалась.

В утренний час

В Адлер я прибыл во второй половине августа. Августовскими утрами самые теплые воды в море – лучшее время для купания. Каждый день в рассвет, в течение недели, когда еще только начинало у горизонта подниматься зарево, вставал и, взяв приготовленный с вечера пакет, осторожно ступая, стараясь не хлопать дверью, выходил из квартиры, где проживал. Густая зелень деревьев на склоне гористой местности и множество всякого рода цветущих кустарников в

Голубых далях, придавали утреннему воздуху особую свежесть. Вот опять в очередное утро спешно бегу окунуться. Когда выйдешь из воды, то по мокрому телу, обласканному теплыми водами, негой проходит свежесть прохлады. По ту сторону волнореза к бережку подошла она, молодая женщина. Я заприметил ее еще двумя днями ранее. Появлялась утром всегда в одно и то же время и на одном и том же месте.

Она достала одеяльце и бросила на песок. Расстелив его, быстро разулась и стала раздеваться: скинула короткий голубой халатик, обнажив тело с хорошим загаром. Затем заправила свои русые чуть ниже плеч волосы в непромокаемую панаму-шапочку. Осторожно ступая по гальке, пошла к воде. Постояв немного, как будто дав мне немного ею полюбоваться, не спеша стала входить в воду, сначала по пояс, а потом, окунувшись тихо поплыла, сделав небольшой круг. Ее мокрое кофейного цвета тело блистало в утренних лучах и на редкость было прекрасно в своих формах. Выйдя из воды, я обычно, обтеревшись, сразу же уходил, но на этот раз поднялся на волнорез, присев, все больше тревожился видом ее великолепного загорелого тела, искоса поглядывая, пока она стояла, поправляя волосы.

Затем приподнялся, она повернула голову в мою сторону и вопросительно уставилась на меня, вроде как удивилась моему присутствию. Она навзничь легла на расстеленное одеяльце и прикрыла лицо белой шляпой с большими полями.

«С чего бы это? – вроде не время для загара», - подумал я и сошел с волнореза. Прихватив свой пакет с одеждой, направился к ней, не думая о дерзости своего поступка…

- Простите, – сказал сдержанно, не зная с чего начать разговор, – вы приходите купаться утром всегда так рано, когда нет практически солнца, а на вас такой великолепный загар.

- Спасибо! Шпионите за мной? – дала понять, что и раньше замечала меня. – Бываю дважды утром и ближе к двум пополудни, когда солнце, не так сильно печет, равнодушно, не глядя на меня, ответила она.

- Да-да, я тоже не люблю, да и по правде сказать, ненавижу ни жару, ни море. Зачем только поехал? А еще быть здесь целую неделю, хотя порядком все надоело – тянет домой.

- Домой всегда тянет, – безразлично отозвалась она. Я присел рядом.

- А вы, простите, откуда?

- Из Владика-Владивостока, – поправила себя, – педагог, – упредила следующий вопрос.

- А-а, понятно, школьный учитель, значит.

- Нет, на кафедре в институте.

- Боже мой, с моря да через тысячи верст опять к морю. Ладно, я из степи.

- Вы не понимаете, – раздраженно прервала она, – у нас другое море….

- А вы сами-то откуда, – уже сдержанно спросила она после небольшой паузы.

- Сибиряк из Омска, инженер и еще пишу понемногу, – посмотрел на нее, – меня Владимиром зовут.

- Очень приятно, Марина!

- Уже шестого числа улетаю, – зачем-то сказал я.

- А я третьего.

- Выходит, еще раньше, странно!

- Что странного?

- Да прибыли, наверное, почти одновременно, а познакомились только сейчас, перед самым отъездом. Грустно.

- Ну, мы не настолько знакомы, чтобы впадать в грусть.

- Так в чем же дело? – вырвалось у меня. Она, наконец, приподняла закрывавшую ей лицо шляпку и искоса молча оценивающе посмотрела на меня, как будто хотела убедиться, достоин ли я ее. У нее было красивое с правильными чертами лицо.

- Времени осталось мало, – глядя на нее, продолжил я, когда она опять прикрыла лицо.

- Да, времени мало. Так что если хотите меня соблазнить, соблазняйте.

- Вы серьезно? – удивился я.

- Серьезней некуда… Мы ведь взрослые люди, и не к чему здесь лишние обхождения. Сами говорите, время мало.

Я промолчал, от неожиданного поворота событий мое сердце нежно сжалось, и я соскочил с места.

- Нет, у меня были романтические встречи, – после недолгого обоюдного молчания начал я, – но чтобы вот так сразу, – зачем-то вслух произнес навязчивые мысли.

Она опять приподняла с лица шляпку и, глядя на меня, обидчиво сказала: «Я совсем не то, о чем вы сейчас могли подумать.» Затем вдруг поднялась и, ничего не говоря, собралась спешно уходить, небрежно бросая вещи в пакет.

- Простите, ради Бога, – начал оправдываться, - я не хотел вас обидеть, извините!

- Поступайте как знаете, – и стала выбираться на набережную.

Я молча поплелся за ней. Мы, выйдя из глубокого песка, поднялись на прибрежную мостовую. Еще слышны запахи ночного Адлера, ветерок с моря не успел разнести их куда-то вдаль по дорогам и сопкам. По отлогому берегу стали подниматься среди частных, как попало разбросанных строений. Остановились у места первобытного, у какой-то решетчатой калитки, сетчатого забора, заросшего цветущим кустарником, над которым со двора поднимались пальмы. Я с намерением пригласить ее вечером куда-нибудь провести вместе время взял ее руку, и блаженно замерло мое сердце при одной мысли: «Как вероятно, она нежна и хороша без этого голубого халата, без всего». Она отвернулась и, приоткрыв калитку, сказала:

- Возьмите бутылку сухого вина, - молча пожала плечами, – фрукты и приходите через час. Я пока приму душ. Поражённый, я удивился, но поспешил ответить:

- Хорошо!

И она пошла по вымощенной дорожке, скрывшись среди зеленых насаждений двора…

Когда в условленное время подошел к месту, где расстались, никого не было видно в узком проходе. С минуту постояв, засомневался: «Не было ли это обманной шуткой». Но еще через минуту по дорожке где-то среди зелени застучали каблуки и показалась она, в вечернем, судя по большому вырезу декольте, платье розового цвета. Я еще подумал: «Как идет ей этот цвет на фоне золотистых ее волос». Слегка улыбнувшись, как старому знакомому, отворила калитку и предложила любезно пройти. Ее снятыми апартаментами во дворе была пристройка-хижина под черепичной крышей, сдаваемая хозяевами в

летний сезон отдыхающим. Убранство было традиционно простым: кровать-полуторка, прикроватный тумбовый столик для туалетных принадлежностей, шкаф для одежды и круглый стол с двумя венскими стульями. А за клеенчатой ширмой был импровизированный душ, и все сияло чистотой и свежестью.

- А здесь вам не холодно по ночам, – оглядев жилище, спросил я, когда уже было неловко молчать. Она, пройдя немного вперед, из-за плеча:

- Вы думаете, мы замёрзнем?

Какая-то сила толкнула меня вперед, и я взял ее за плечо. Сердце трепетало от мысли близости с ней. Она повернулась лицом ко мне, и я, не устояв от соблазна, порывисто обнял ее, и мы слились в поцелуе…

Была обоюдная потребность в любви, и в оставшееся время мы жили в удовольствии, в каком-то наваждении. Спали мало, лишь немного под утро, хотя большую часть времени валялись в постели, и почти сразу же перешли на «ты». Когда в очередное утро проснулся, ее рядом не было, слышно было, как она возилась за ширмой, приводя себя в порядок. Затем вышла, вся пахнущая свежестью, с легкой улыбкой на лице.

В незастёгнутом халате, обнажив себя всю спереди, уже как своя, без тени смущения и стыда, подошла к постели и, склонившись надо мной, поцеловала в губы.

- Бедняжка, не выспался? Сейчас будем завтракать. Мужчина должен хорошо есть.

- Я…не люблю кофе, – поцеловал обе повисшие ее груди.

- Я знаю! Ты говорил уже, – она поднялась, – и потом, почему обязательно кофе?

- Ну, обычно утром в постель подают кофе.

- Во-первых, дорогой, – не всегда, а во вторых, это обычно делают мужчины.

- Буду иметь в виду, – уклончиво ответил я. Утреннее купанье мы проспали, да оно уже нам, наверное, и не к чему. Схожу за провизией, и посидим лучше в прохладе, а вечером немного прогуляемся и поужинаем где-нибудь.

- Хорошо! Ведь завтра мне уже улетать, надеюсь, ты не забыл?

- Я знаю! – воскликнул я.

Вернулся минут через сорок. Она помыла принесенные мною фрукты и в небольшой корзинке с орехами поставила на прикроватную тумбочку.

За все время, что были вместе, она ничего и не требовала: ни дорогих обедов, никаких развлечений, - и мы довольствовались тем, что я притаскивал в ее «хижину». Любимым нашим занятием было валяться в постели и болтать на темы, далекие от любви. Лежа подле нее, в этой тишине, овеянной легкой прохладой, мне и в голову не приходило, что будет через день, два, неделю, когда мы расстанемся, потому что мы не говорили о нашем общем будущем. Мы просто были близки и этим были счастливы за каждый проведенный вместе час. Достаточно было того, во всяком случае, для меня, что мы вместе любили, ели, говорили, что мне все было в ней доступно…

- А ты, оказывается чересчур разговорчива и довольно-таки смелая женщина, – вспомнив наше знакомство, улыбчиво сказал я, стараясь не обидеть, когда она, оголяясь, потянулась к корзине с фруктами.

- Если бы я не была смела, как ты выразился, мы не были бы сейчас вместе, – ответила, уповая на мою иногда склонность к молчаливости. Затем она достала из-под подушки какую-то небольшую книжонку и стала ее листать.

- А ты читала Мопассана? - зачем-то спросил я и поцеловал ее в мокрые от фруктов губы.

- Выборочно. До того иногда слишком все откровенно пошло, что стыдно читать…

Как только на долину стали опускаться сумерки, мы собрались прогуляться. Везде, где бы мы не проходили, по-прежнему было многолюдно и жарко, пахло морем, свежими телами идущих с вечернего купанья, зеленью, цветами. Одним словом, стоял запах, какой бывает на прибрежных курортах.

Мы поднялись на верх сопок «Голубых далей», поужинали на какой-то веранде, выпили по бокалу сухого вина. Затем не спеша побродили по вечернему Адлеру и вернулись ко двору ближе к полуночи.

Освежившись, заняли свое ложе, делая постель своими телами теплой.

Я пошутил, произнеся высказанную ею фразу в начале нашего знакомства:

- Времени мало, так что если хотите меня соблазнить - соблазняйте - и поцеловал ее в губы.

Она мило усмехнулась и, , выдохнув, обдала лицо своим теплом, поцеловав, тихо на ухо шепнула:

- Только не торопись…

Утром следующего дня прибыли в аэропорт, когда шла уже регистрация. Прошла регистрацию и она. Затем мы стояли в стороне молча, не проронив никто ни слова. Она с опущенными ресницами, а я с заботой не прозевать посадку.

Объявили наконец посадку – наше расставание. Я поцеловал ее руку, которой она провела по моей щеке, затем прижалась своей щекой к моей, и наши губы сплелись с той любовью, что запоминается навсегда. Пройдя контроль, она, не оглядываясь, скрылась в толпе улетающих. Выйдя из аэровокзала, стал у железной ограды и глазами искал ее в толпе пассажиров у самолета. Стоял, пока не вырулил и не взлетел самолет, скрывшись в гуще облаков.

«Вот моему южному приключению подошел конец», - подумал я. Но стоило мне отойти в сторону от этой бездушной железной ограды, как почувствовал какую-то образовавшуюся пустоту вокруг, и сердце трепетно сжалось. Такое чувство возникало во мне, только когда покидал отчий дом. От того, что ее не было рядом, становилось невыносимо дурно, и я не помню, как добрался до места, где квартировал. При одном воспоминании о времени, проведенном вместе, сердце сжималось такой нежностью, что я поспешил-побежал к тому месту, к этой заветной теперь уже для меня калитке, где были мы вместе, и стоял, в недоумении глядя на дорожку, ведущую в глубь двора. Но нет, уехала она…

«А что собственно произошло? – укорял сам себя за излишнюю впечатлительность. Подумаешь, что в ней такого особенного? Ну молода, ну красива, и только! Стоит из-за какой-то ….так расстраиваться?»

Чувство испытанных наслаждений ее женской прелестью было еще живо в моем воображении, и я устыдился своих этих слов, сказанных в ее адрес. И мной овладело сразу другое чувство-чувство ненужности своего пребывания больше здесь. Нужно было в оставшееся время заняться чем-то, отвлечься от всего этого. Но ровным счетом не хотелось куда-то идти и тем более проводить время в веселье. Уставший, прилёг средь белого дня, стараясь заснуть, но не мог, мысли о ней не давали покоя.

«Владик-Владивосток», - лезла в голову брошенная ею фраза. Я не был там никогда, но теперь это место на краю земли стало для меня чем-то родным – ведь там живет она. У нее может, есть муж, и даже ребенок – кто знает? И может, тоже будет вспоминать меня, нашу случайную связь, и при одной мысли о том, что мы никогда больше не увидимся, охватывало меня ужасом, и я впадал

в отчаяние. Но если бы вышло все по-другому, что было бы тогда?

От того, что терзал себя, разболелась голова, и уставший от этой запутанности, немного успокоившись, наконец заснул…

Это было лет двадцать пять тому назад. Я был тогда на юге последний раз в жизни.

Заветный дворик

1

Володя был тогда учеником четвертого класса, когда в один из теплых августовских дней поехали они с мамой-учительницей из села в город за покупками перед началом учебного года. Его школьная жизнь была довольно обычной, если не считать не совсем обычную его впечатлительность. Город совсем не то, что село: вокруг все ломится от богатства и многолюдства. С оживлением ходят люди по тротуарам и постоянно спешат куда-то, чему дивился мальчик из провинциальной глуши. Остановились у проживающей в городе бабушки где-то на Северных. На следующий день, собравшись ближе к полудню, сели в яркий желто-красный трамвай и пересекли недавно пущенный мост через р. Омка, – выйдя, перешли улицу и стали спускаться вниз под горку, где у самой почти крутизны оврага левого берега стоял большой деревянный дом, весь украшенный от карниза до наличников окон пышным декоративным убранством начала XX века, а у входа над дверью висела вывеска: «Ателье». Маме надо было обновить кое-что из своего гардероба, и она еще в предыдущий приезд оформила заказ. Пока она управлялась со своими примерками, уточняя детали, Володе было позволено спуститься вниз к речке. У воды сел на камень и стал глядеть на блески воды от солнца. По мосту опять шумно пробежал трамвай, и он, провожая его взглядом, невдалеке вверху на крутизне обрыва увидел стоящую во всем белом девочку своего возраста. Поднялся наверх, запыхавшись от подъема, и подошел к ней. Она смотрела ему в лицо своими голубыми глазами. Сверху крутой берег реки кажется неизмерно глубокой пропастью, и, глянув вниз, у него замер дух и прервалось дыхание. Она, почувствовав его легкий испуг, взяла молча его за руку, и они сошли вниз к воде. Гуляли, бросая камешки в воду, и уже без всякого смущения смотрели друг другу в глаза, он внимательно рассматривал ее соломенную шляпку, а она при этом мило улыбалась.

- Тебя как зовут? – наконец спросила она.

- Володя… Владимир, – как можно серьезней поправил он себя.

- А я Поля … Полина, – тоже засурьезничала. – А ты где живешь, в каком доме?

- Мы не здесь живем – далеко, надо ехать на трамвае. Я с мамой. Мама в ателье.

- А мы с мамой живем на набережной, вон там, – указала рукой куда-то вверх на стоящий невдалеке многоэтажный дом. – Там небольшой внутри дворик. Пойдем наверх, а то тебя будут искать.

Поднялись наверх.

- А вы и завтра приедете?

- Не знаю. Надо у мамы спросить.

Подошли к большому дому «Ателье» и сели на стоящую у входа скамью.

- Мне тоже здесь платье шили, – она встала и покружилась, демонстрируя обнову своего белого наряда.

Глядя на нее, у Володи возникло первое чувство к тому особенному, которому суждено было впоследствии владеть им всю жизнь.

Появилась мама.

- Придётся, сынок, еще завтра ехать. Не устал?

- Я с тобой тоже поеду.

- Ты же собирался с дедушкой завтра на базар.

- Нет, я с тобой, погуляю у речки.

- Ну, как знаешь. Пошли на трамвай. Мороженое хочешь?...

Он обернулся на ее провожающий взгляд, улыбнулся и кивнул головой. Она помахала ручкой.

Случилось с ним что-то совершенно необыкновенное. Приехав домой он был опьянён воспоминаниями о ней – о той нарядной, красивой, легкой в белом почти воздушном платьице и шляпке, которая с таким радостно-трепетным холодком вошла в его душу. Как никто в доме, он ждал следующего утра. И так и не решив для себя, о чем будет завтра говорить с ней, уморенный думами, уснул.

Утром проснулся, когда все взрослые уже были на ногах и позавтракали. Его пригласила и покормила бабушка. Затем на улице во дворе он чуть ли ни час мылся, чистил свои ботинки, наряжался, попросив у бабушки утюг. Когда почти в то же время, что и вчера, они с мамой сошли с трамвая и направились в сторону речки, он почувствовал, как у него леденеют руки и очень пылает душа от того, что скоро увидит ее. Мама зашла в Ателье, предупредив его быть осторожным у речки…

Она была уже на берегу. Он быстро спустился вниз, подбежал к ней, и стоял в растерянности, даже не сказав; « Здравствуй.»

Она подала свою беленькую маленькую ручку и с любопытством взглянула на него. Он почувствовал в себе что-особенное и в то же время ужасное, что не мог вымолвить ни слова. Впервые в жизни к нему пришла влюбленность, и он вообразил себе, что она тоже влюблена в него.

- А ты когда приедешь следующий раз?

- Не знаю. Мы живем в деревне.

- В деревне! – удивилась она.

Помолчав немного, он заметил, как она быстро переменилась в лице, видимо, предчувствуя расставание, может быть, навсегда.

- Пойдем, я покажу тебе наш дворик, – предложила она.

Они выбрались наверх и, не разнимая рук, зашагали к ее дому…. Постояв у арки, ведущей во двор, они потихонечку пошли обратно.

- Я как буду приезжать в город, когда буду уже взрослый, обязательно буду приходить сюда, ты так и знай.

Он стал рассказывать про деревню, где сразу за их усадьбой начинаются луга и нет никаких преград и границ – только поле и небо. А она все дивилась и никак не могла представить себе то, о чем он так увлекательно, с любовью к своему краю рассказывал. От его рассказов ее душа была в непрестанном напряжении и удивлении, а он все рассуждал уже с задатками видения своего будущего.

Подшучивая, говорил: «Подрасту, выучусь на инженера, буду работать, построю домик, женюсь.» Она вдруг, наверно, почувствовала весь ужас и всю низость подобного будущего, что даже нервно отдернула свою руку от него. Вся казавшаяся ей эта низость никак не шла к ее неземным воспалившимся чувствам к нему. Дальше они до самого «Ателье» шли молча, каждый думал о своем. Но

то, что у них появились чувства друг к другу, даже некая привязанность, это было очевидно. В тот день, когда они расстались и Володя уехал домой, – они еще не знали, что расстались навсегда….

Уже поздней осенью то ли от переживания от случившегося, вызванного их расставанием, то ли в силу еще каких-либо обстоятельств, но он первый раз заболел тяжелой болезнью – свинкой. Почувствовал в себе ослабление всех своих телесных сил – не было никакого желания жить как раньше жил, и даже к ней, так тронувшей его душу, у него не было желания любить. Но когда стал оправляться от болезни, начал приходить в себя, его опять все вокруг приводило в восторг, и хотелось жить тем всем земным, что его окружало. Правда, он теперь избавился не только от телесной, но и от душевной своей травмы. От пережитых им прошедшим летом чувств как будто не осталось и следа….

Шли годы и он быстро рос телесно и душевно. Жил теперь уже не одними чувствами – стал понемногу разбираться в том, что его окружает и, самое главное, стал не так восприимчив ко всему, как раньше. И на то, что с ним когда-то произошло, стал смотреть в известной степени спокойно, даже когда чувствовал себя неловко за свою эту слабость – впечатлительность.

Жизнь его в молодые годы ознаменовалась благодетельными переменами, расцветом его как личности. Верно говорят, судьба человека складывается случайно, в зависимости от окружающих его судеб. Так сложилось и судьба его молодости, определившая всю дальнейшую жизнь. Новизна бытия, связанная с первой самостоятельной жизнью – все это совершенствовало его во всем.

А что было дальше? А дальше была учеба, работа, трудом заработанная квартира, не было только женитьбы. Потому что не было большой любви, как когда-то на заре юности, были лишь влюбленности в женщин красивых и не очень, от которых родились у него две дочери, по иронии судьбы названные именами Любовь и Надежда. Это было настоящее помешательство, всецело поглощавшее все его душевные и телесные силы. Жил только минутами страсти или ожидания их. Это хотя и были счастливые моменты в его жизни, но совершенно лишенные глубоких чувств. Он вел жизнь трудовую, насыщенную событиями современного дня. Про свое одиночество перед друзьями – коллегами отшучивался: «Сложилось так, что я стал человеком казенным-не пригодным для семейной жизни».

Время шло, прошли не только годы, но и десятилетия. Он уже давно не Володя, а Владимир Николаевич, прошедший трудовую деятельность от рядового инженера до руководителя крупного предприятия.

Ушла его молодость. Да что собственно молодость! Ушла целая эпоха, а вместе с ней и все то, чем он жил эти долгие годы. В последний год перед уходом со службы разыскал своих дочерей, уже взрослых со своими семьями, и без всякого расчета на проявление милосердия и их дочернего внимания на его будущую глубокую старость, помог им материально. Удивительна была быстрота и безвольность, с которой он сошелся с дочерями, что так случайно свалилось на него, началось с такой счастливой легкостью, что не отняло у него нисколько душевных сил. Так в его жизни суждено было стать еще одному большому событию. Дочери, конечно, спасали его от чувства одиночества и он каждый раз при встрече с ними все больше убеждался в их искренности. Их отношение к нему было гораздо лучше, чем он мог рассчитывать.

Работу он уже давно бросил. Много времени проводил, уезжая в деревню, где остался стоять еще родительский дом. Охотился, рыбачил, а затем возвращался домой.

Он вынашивал лишь одну мечту: как возможно дольше пусть продолжается то, что началось в знакомстве с дочерями.

«Где все теперь то, что было когда-то?» - думал он, задавая себе вопрос, не теряя ни на минуту своего главного состояния – надежды увидеть свою большую любовь.

2

Владимир Николаевич в силу своего возраста, уже не обременённый никакими заботами и обязанностями, все более с каждым днем меланхолично впадал в рассуждение о смысле своей прожитой жизни, и все больше на память приходило то далекое безвозвратно ушедшее время, в особенности его детство. Не все ушедшее запомнилось, на память приходило лишь то, что пронеслось по его юному сердцу и затихло с годами, но осталось, по-видимому, там, где-то далеко внутри. И так неся все это в себе, как тяжелую чашу, он пронес это через всю свою жизнь. А случилось с ним тогда совершенно необыкновенное: впервые в жизни он почувствовал влюбленность к ней, этой девочке в белом платьице на берегу реки. Как забыть тот великолепный солнечный день, то необыкновенное летнее, светлое и все сливающееся с голубым небом, и ее, стоящую на крутизне берега, на фоне этого голубого неба.

- «Боже, как памятны мне эти солнечные дни из детства на набережной, – сказал он себе. – Ах, как давно все же это было. И жил ведь рядом, имел достаточно времени и возможности, и не велик был труд приехать и спуститься к берегу реки».

Но шли годы, проходили десятилетия. И вот уже нельзя было больше откладывать, хоть, может быть, и по-старчески глупо, но он все же решил: «Надо посетить то место, где некогда что-то тревожило мое сердце».

В один из погожих солнечных дней он пошел к мосту на набережной. Однако все изменилось на свете с тех пор, когда он был еще мальчиком. Река Омка уже не судоходна, а, просто превратилась в широкий ручей, и нет уже того солнечного блеска воды. На том месте во всю ширь развернулся рынок. Базар – как бы город в городе.

- «Боже как это было давно, – у него на глаза наворачивались слезы, – но я никогда не забуду того времени, какое это было несказочное счастье, когда она взяла меня за руку».

Была она неизменно весела, ласкова, очень ко мне добра и простодушно говорила мне: «Ты мне очень нравишься».

Помню, я вспыхнул жаром при первом же взгляде на нее, и не зная, что делать, от застенчивости равнодушно произнес: « мне пора…..»

У моста он опять поднялся на взгорье, пошел в город по тротуару. Его целью было побывать на той улице и во дворике – хотел взглянуть на все то, где когда-то появлялась она. Из шумной, заполненной транспортом улицы он вошел в небольшой тихий дворик.

Ему хотелось вызвать в себе воспоминания, а может даже грусть, и не мог на удивление. Ноги сами понесли по двору, и день был такой же солнечный, только тогда был конец августа, а сейчас начало лета. Все прочее было неизменно, разве что обилие застекленных балконов. Он присел на скамью возле детской площадки – песочницы и стал вспоминать, какой она была в то далекое их детство: ясный взгляд, светлые волосы, легкое белое воздушное платьице. То было время ничем не омраченного счастья, радости и восторженности двух, в сущности, еще детей, не понимавших толком о начале любви. А сейчас все было спокойно и омрачено печалью, как будто весь дворик сочувствовал ему в его воспоминаниях. Ему казалось, что еще миг, и она откуда-то появится, выбежит ему навстречу в своей соломенной шляпке и воздушном раздуваемом ветерком белом платьице. Он остановил свой взгляд на дверях одного из подъездов, поднялся и пошёл. Двери были резные, из настоящего тёса. «Стало быть, стоят давно, таких сейчас не делают,» - подумалось ему. Взялся за кованую железную ручку и, приоткрыв дверь, шагнул на площадку подъезда. Навстречу с внимательным и озабоченным взглядом спускалась по лестнице женщина, старше средних лет, но он не выказал к ней никакого внимания.

- Простите! – уже оборачиваясь ему вслед окликнула она, видя незнакомого с виду интеллигентного солидного мужчину.

- Вы не насчет покупки квартиры?

Он посмотрел на миловидную женщину и скороговоркой ответил:

- Нет, не знаю! А что здесь продают квартиру?

Женщина удивленно посмотрела на него, и он устыдился своей непрактичности.

- Да! – ответила незнакомка. – Здесь недавно схоронили пожилую хозяйку небольшой квартирки, и теперь ее племянники, наследники стало быть, продают ее.

- Ну разве только небольшую, то можно, – не зная, что ответить, с легкой улыбкой на лице Владимир Николаевич расположил к себе собеседницу, и она ответила тем же.

- Пожалуйста!...третий этаж седьмая квартира, у меня ключи. Я здесь по соседству, приятельница покойной, так знаете по мелким житейским делам. Наследники - люди молодые, – продолжила она, – состоятельные, занятые, да она и не нужна им эта жилплощадь. Вот оставляют ключи, если что, чтобы можно было засвидетельствовать покупателям.

- Сейчас, минутку, – сказала она, когда поднялась на площадку третьего яруса и вошла в квартиру напротив – седьмую.

- Вот, пожалуйста! – она вышла из своей квартиры с ключами в руках и не глядя на Владимира Николаевича, стала открывать дверь напротив. Окна квартиры выходили не во двор, а на набережную, где по ту сторону реки в сумерки всегда пряталось солнце. Распахнули дверь – квартира вся была озарена солнечными лучами.

- Проходите, пожалуйста! – женщина сказала таким миловидным тоном, как будто они были давно знакомы. – Да, меня зовут Мари Сергеевна.

- Очень приятно – Владимир Николаевич.

- Пожалуйста, Владимир Николаевич, смотрите, знакомьтесь, может, понравится… А это Полина Николаевна, бывшая хозяйка, в молодости, конечно, сейчас не принято развешивать в квартирах портреты, с некоторой иронией сказала Мари Сергеевна, видя, что Владимир Николаевич стал пристально рассматривать висящий на стене большой портрет молодой женщины. Он ничего

не ответил соседке, а только все внимательней, подходя ближе, стал рассматривать портрет в коричневой рамке. Ему показалось, что в ее глазах он увидел ее, ту девочку в шляпке….

- Вы были знакомы?…. Простите, я пойду, если что, я у себя напротив, – сказала она, почувствовав в его внимании к портрету что-то интимное.

- Благодарю Вас! – не отрываясь от портрета, ответил он и присел на старый кожаный диван, как только она вышла из квартиры. Затем он мельком глянул на дверь, и в его ушах совершенно четко прозвучал голос, сказанный накануне Мари Сергеевной : «…а, это Полина Николаевна, бывшая хозяй…..»

Он быстро соскочил с дивана, уставился опять на портрет, помня, что ту девочку из далекого детства тоже звали Полей.

- Поля! Ты? – вырвалось у него вслух и ему показалось на миг, что ее глаза с портрета «сказали» ему : «Я».

- Боже мой, стоя у портрета, глядел на нее в упор, – сколько лет прошло? Как судьба беспощадна к человеку, – его охватил озноб, все в голове закружилось, боясь не удержаться на ногах, медленно отступил назад и опустился на диван.

Покрасневшие глаза прошибли слезы, лицо сделалось хмурым, но не от усталости, а от беспомощности и растерянности. Минут через пять встал и заходил по комнате, глядя в пол. Что делать дальше он уже решил для себя, ему осталось только немного успокоиться. Успокоившись, приоткрыл дверь и громко позвал:

- Мари Сергеевна!..

3

По выходным дням сестры Любовь и Надежда, договорившись во времени, разом посещали отца, чтобы убраться, приготовить на неделю обеды или еще выполнить какие-либо дела по хозяйству. Они имели ключи от квартиры отца, потому как в последнее время Владимира Николаевича не всегда можно было застать дома – мог находиться на своей однокомнатной «даче». Вот в очередной раз управившись по хозяйству с делами, сестры, сидя на кухне, судачили…

- Странное что-то творится последнее время с отцом. Взять хотя бы покупку этой крохотной квартирки. Хочет побыть один? – Люба удивленно пожала плечами. Так он и так практически все время один, по крайней мере последние годы, что мы его знаем. Нет, конечно, недостатка в женщинах по всей видимости у такого

мужчины не было, это естественно. При таких его достоинствах, а главное, материальном положении, – она ехидно улыбнулась

- Уж не завел ли себе какую-нибудь бабку, прикурив сигарету закончила она.

- В семьдесят-то лет, я тебя умоляю, сестрица, – отозвалась Надежда.

- Не скажи. Это мы с возрастом становимся как увядшие хризантемы, к тому же ханжами и расчетливыми хищницами, мужики, если, конечно, настоящий мужчина, как наш отец, для них любовь свята и вечна.

- А что мы, Люба, собственно знаем про отца? Росли мы в разных семьях, у разных мам. Узнали друг о друге, когда уже сами мамами стали, когда он разыскал нас разными путями.

- Да, ты права! Во всяком случае, мы в его жизни не планировались. Наши мамы его просто использовали в угоду своих желаний, выдавая желаемое за действительное – не более того.

- Ты знаешь, а я его понимаю. Мужчине нельзя жить с женщиной не любя.

- Интересно, Надя! Что он думал и испытывал, когда узнал о нашем существовании, и что уже с годами подвигло его на этот шаг – разыскать своих бывших пассий по мимолётным встречам. Возраст? Раскаяние? В нашей материальной поддержке он не нуждается, скорее наоборот, вниманием был не обделён, раскаиваться ему не в чем. Если поразмыслить логически, оглядываясь назад, так сказать с вершины уже своего опыта прожитых лет, то не презрением и осуждением мы должны быть проникнуты к нему, а чувством понимания и уважения к его достоинству.

- Да, это так, Любаша. Не знаю как ты, а я бы не стала записывать его в грешники. Я рада, что у меня в моей жизни появился отец, и не нам судить, почему все так у него не складывалось с личной жизнью. Жаль, конечно, что наше детство прошло без его участия, да и он это понимает. Важно сейчас то, что хоть, наконец, мы вместе и надо молить Бога, чтобы это продолжалось как можно дольше.

- Вряд ли мы его, наверное, дождемся, Надя! Давай пить чай.

- Давай……..

Владимир Николаевич уходил в квартирку на набережной не только отдохнуть от суеты, он и дома сам наедине с собой. Там, глядя на портрет, чувствовал в себе даже некое духовное обновление. Он сидел на диване с книгой в руках,

оперевшись головой в подушку, а сверху был наброшен плед. Его стало клонить в сон, и оставив книгу, с грустью подумал: «Наверно, моих дней тоже не так уж много осталось».

И вот память дала ему то, что когда-то было для него дороже всего. Он задремал, и видится во сне ему, как солнце пробилось сквозь серость облаков, осветив лучами берег, и девочка стоит на крутизне берега. Вся в белом, словно распустившаяся ромашка. Она посмотрела на него, и он услышал ее теплый, ласковый по-детски голос: «Ну что же ты не приходил? Дорогой ты мой! Исчез куда-то. Я ведь тебя ждала, ждала – всю жизнь».

Он стал бежать к ней на подъем и не мог никак приблизиться – очнулся…..

Глядя на портрет, подумал: «Наверно, теперь уже скоро приду».

Наталья

Кто не мечтал хотя бы раз побывать на южном море и погреться под южным солнцем? А мне, представьте, выпало уже который раз, и все как-то не по большому желанию, а по случаю. Вот и теперь за активное участие в выборочной кампании, профсоюзом был премирован бесплатной туристической путевкой на море, в Сочи, куда и прибыл в начале августа.

Расквартировавшись, уже живя вторую неделю, все никак в этот раз не мог самоорганизоваться к более активному «отдыху», а так как-то по большей части время проходило в затворничестве: утром и вечером неизменное купанье в море, остальное время в тенечке на усадьбе, где квартировал. Но иногда, если выпадал денек, когда после завтрака солнце не так жгло, уходил и бродил бесцельно, конечно, по набережной и парку. Гулять выбирал всегда места безлюдные, порой дикие, будь то у моря или в парке среди огромных кипарисов.

В утреннее время всегда сильно пахнет цветущим кустарником, а когда глянешь вверх, то за вершинами веерных пальм видны стоящие в туманной дымке гребни гор. Бродил, всегда думая о своем: в наших сибирских краях, возможно, уже зачастили холодные дожди, а здесь стоит несусветная жара, и эта погода, с непривычки по нашему времени, действовала угнетающе. Да вдобавок, откровенно признаться, был немного не в себе. Время моего пребывания на юге шло к концу, а еще не было никакой интрижки, не завёл никакого романа, хотя здесь все как нигде лучше располагало к этому. Прям первый раз такое со мной….

В тот день я не пошел прогуляться утром после завтрака, как делал обычно больше недели. Весь день провел в затворничестве, лежал и между дремотой просматривал разную прессу. Даже не ходил обедать, с намерением после вечерней прогулки посидеть в каком-нибудь кафе, ведь скоро уже возвращаться домой. После шести часов вечера пошел бродить по набережной и, дойдя как обычно почти до безлюдного места, собрался было уже повернуть обратно, но увидел на берегу почти у самой воды парящую в воздухе модель «воздушного змея».

«Опять, наверно, они!» - подумал я.

Я их видел и вчера во время вечерней прогулки: молодая женщина, полулежа, находилась в раскладном кресле, а мальчик, подросток лет тринадцати, занят пусканием воздушной модели. Поскольку у меня было еще время и был неравнодушен ко всему, что летает, я сошел к берегу и, хрустя галькой, направился к ним. Причину моего вторжения в их уединение помог объяснить случай. Мальчик отвлекся на мое появление, и набежавшим резким потоком воздуха вырвало у него из рук леску. Летающую модель понесло вдоль берега, и мы уже вдвоем устремились за ней. Она пролетела у берега и, на наше счастье, сложилась почти у самой земли при снижении порыва ветра.

- Хорошо, что к берегу прибило. А если унесло бы в море ? – начал я свое с ним знакомство.

- В море не унесет, – со знанием дела ответил он.

- Почему так думаешь?

- Для запуска нужен только теплый поток ветра, а теплый всегда только с моря.

- Может быть. Мы тоже раньше увлекались моделями «воздушного змея» и самолетов. Правда, мы их делали сами из реечек и папиросной бумаги. А у тебя, я смотрю, фирменная модель, вся цветная, красота и только…Тебя как зовут?

- Серж.

- Как?

- Сергей, – он глянул на меня. – Сержем меня сестра называет.

- А, это с тобой сестра, а я подумал, мама! Ну, а я дядя Володя. Вы и вчера, смотрю, тут были. На отдых тоже приехали.

- Нет, мы живем здесь.

- Хорошее место выбрали для житья.

- А я здесь на отдыхе, через три дня уже улетаю. Ну что, Серж? Попробуем еще разок запустить, вроде как цел и не вымок. Давай, ты беги к воде с леской, а я подниму и выброшу на ветер.

Мы разошлись. Я подбросил модель, и потоком в воздухе эту оказию подняло вверх. По-мальчишески радуясь вместе с Сержем этому зрелищу, начинаю высказывать свои мысли вслух:

- Мы тоже, бывало, на полянке как запустим – радости, аж слеза прошибает. Смотри, Серж, куда его ветром бросает, так ты заходи, поворачивай напротив, и тогда он не упадет…

- Я знаю.

- Ну, я, наверное, пойду, Серж!

- Мы сейчас тоже уходим.

Мы, укротив «Воздушного змея», смотав леску, направились к его сестре. Серж представил нас друг другу, и на мое приветствие она, приподняв с глаз темные очки, молча кивнула головой. Молодой женщиной оказалась девушка Наташа. Несмотря на то, что немало времени они проводили у моря, на ней не было южного тропического кофейного загара. Полулежа в кресле, она от солнечных лучей спасалась зонтом. От плеч и рук до колен она прикрывалась легкой ярко-желтой тканью.

- Нам пора, Наташа, – обратился к ней Серж. Она молча встала с кресла, показав всю себя в одном купальнике. У нее было великолепное маленькое тело, еще по-детски нежное лицо. Вся ее красота гармонично вписывалась в этот оазис на берегу моря. Единственно, что не шло ей, так это мундштук с сигаретой, который держала в одной руке. Поправив шляпку-панамку на своей короткой стрижке с русыми волосами, от груди вокруг бедер обмотала себя желтой тканью и, взяв в руки сланцы, молча, не спеша пошла на набережную.

Сложив кресло, мы пошли за ней.

- Наташе сколько лет? – спросил я.

- Двадцать, она учится в пединституте, а я в восьмой класс перешел, мне четырнадцать…..

Мы вышли на набережную. Она все время шла на несколько шагов от нас впереди, будто специально давая собой любоваться, компенсируя этим свою молчаливость и неучастие в нашем мужском разговоре.

- Жарко! Пить что-нибудь будете, угощаю.

- Нет, лучше мороженое.

- Ну, давай мороженое.

- Нам с Наташей по две мороженки. По одной сейчас, а вторую дома, с чаем.

- Мороженое с чаем! – удивился я. Извращение какое-то.

- Наташ! - с насмешкой надо мной обратился к сестре, идущей впереди нас. Она не отреагировала на его обращение, вроде как не слышит.

- Да ладно тебе! С чаем, так с чаем! По мне так ешь хоть с хреном.

- Вы что правда ни разу не пили чай с мороженым? – с его лица ни сходила насмешка. У нас дома попьем, я приглашаю Вас!

- А сестра! согласна с тем, что ты приглашаешь в дом постороннего человека?

- Да, согласна! Мы ведь уже познакомились хорошо, значит не посторонний, – решил за двоих, поражая своей простодушной логикой.

- Ну, хорошо! Иди, бери свое мороженое к чаю.

Дал ему деньги. У первой же по пути мороженщицы, они тут на каждом углу в жару, взял мороженое и, довольный, дал мне и сестре по мороженке… Жили они, оказывается, недалеко от того места, где купались, в частном секторе. Старенький небольшой кирпичный домик, обнесенный сетчатой оградой, пристроен был у самого спуска к берегу. Судя по строению, стоит уже не один десяток лет, крытый черепицей.

- Вы с кем живете? – спросил я Сержа, когда Наталья открыла замок калитки.

- Вдвоем, – ответил он.

- Как вдвоем? – удивился я

- А, вы об этом! Нет, вообще-то живем с родителями в Ростове, а это дом нашей бабушки. Она умерла, работала здесь в санатории врачом, а дедушку мы не знали, он еще на фронте погиб. Мы с сестрой приезжаем сюда на месяц перед учебой отдохнуть, а в остальное время мама сдает отдыхающим через

туристическое агентство.

- Ну, теперь понятно, а то я уже подумал черт знает что.

Мы вошли в ухоженный дворик, весь в цветущих кустах, магнолия, гранат и море разных цветов, на клумбах.

Перед тем как подошли к их усадьбе, я испытывал какую-то неловкость из-за того, что для Натальи не взял букет цветов, но теперь, глядя на все это изобилие и многообразие цветов подумал: мой букет выглядел бы на этом фоне просто веником.

- За цветами ты ухаживаешь, Серж?

- Нет. Я только помогаю, когда сильно жарко, поливаю. Сейчас немного побрызгаем, – он взял шланг и, открыв воду, стал разбрызгивать ее по ухоженным клумбам.

- Цветы мама высаживает, и Наталья ей помогает.

- А отец что же, бывает здесь?

- Бывает, но редко. Он все время почти в пути. В депо, машинист тепловоза.

- Ну, понятно…

- Пойдемте чай пить, пригласила нас Наталья.

Мы вошли на веранду. И здесь все было заставлено цветами.

- Ты, наверное, приторговываешь цветами, а Серж? – подшутил я!

- Нет. Соседка, правда, которая смотрит за усадьбой, когда нас никого нет, срывает, может и продает?

На веранде тоже было душновато, хотя и в тени. Сбоку от входа стоял круглый стол, накрытый кружевной скатертью, и к нему приставлены четыре стула. На столе ваза с печеньем, сахарница. Наталья подала нам наполненные чашки и вытащила из морозилки мороженое, успевшее подзастыть, пока мы с полчаса возились с поливом цветов.

- Вот так это делается, смотрите! – Серж размотал эскимо и, держа за край палочки, стал периодически окунать его в горячий чай. Мороженое подтаивало, меняя цвет содержимого чашки…..

- Спасибо, Наташенька, за чай. Хорошо тут у вас, красиво, уютно, все по-домашнему, – она мило улыбнулась на мои похвалы. – Восемь часов, а жара не унимается. Ну, мне пора, отдыхайте. Ты был прав, Серж, чай с шоколадным мороженым - весьма забавный коктейль. Завтра утром идем к морю?

- Да! Только не раньше семи часов, Наталья раньше не встанет.

- Хорошо! В семь я у ваших ворот…..

На следующее утро мы пришли на берег уже вместе, на то же самое место, совсем пустое. Купались и лежали на песке, греясь на солнце. Запускали «воздушного змея». А Наталья, больше полулежа, находилась в кресле, которое мы ей установили. После купанья ближе к полудню пошли обедать на площадку у набережной и заказали по цыпленку-табака. Наталья, если на что-то надо было ответить или спросить, говорила и отвечала всегда кратко и сдержанно, не была болтлива. Она всегда при нашем разговоре смотрела как-то перед собой, не видя меня. Времени до отъезда оставалось уже мало, и я признаюсь, был рад нашему знакомству, даже в этом находил какое-то удовольствие думая: обойдемся на этот раз и без амурных похождений, зато все как-то хорошо, все как будто по-семейному. И казалось, не будет конца этому нашему мирному покою, и даже не думалось, что пройдут каких-то два дня, и все кончится – расстанемся навсегда.

Стало после обеда заметно припекать, надо идти хорониться в холодок, и мы, плотно пообедав, направились к своим жилищам. Я, конечно, вызвался их проводить. Подойдя к калитке, Наталья обернулась и, приподняв темные очки мило улыбнувшись, сказала: «Спасибо вам за компанию, за обед. Пока!» – и вошла во дворик.

Я, конечно, ответил ей любезностью:

- Несказанно рад был с вами провести время, Наташенька. Пока!

Серж присел на лавочку у калитки и с серьезным, даже с озабоченным лицом, как-то загадочно посмотрел на меня.

- У меня через неделю день рожденья, сестра, как приедем домой, обещала подарить мне спортивный велосипед. Стоит 97 рублей. Сестра ведь студентка, – тонко повел он, – чтобы купить велосипед, ей нужно продать…что-то свое, – он замялся. – У вас, есть лишние сто рублей, чтобы купить у нее….

- Что купить? – он молчал. – Я еще не знаю, нужно ли мне то, что вы хотите предложить.

- Нужно! – вскрикнул он и соскочил с места. – Это всем мужикам нужно. Я точно вам говорю,… не пожалеете.

- Ну хорошо! Только не надо так нервничать, мой юный друг. Посмотрим, может, и помогу вашему горю.

«Все ровно через два дня уже улетать», - подумал я.

- Сегодня, после десяти часов, приходите к нам, – уже спокойно пригласил он.

- Ладно, не расстраивайся, Серж! Приду. Пока, до вечера, дружище….

В условленное время подошел к их усадьбе. Во дворе сидел Серж. Увидев меня, соскочил и подошёл к калитке:

- Деньги при вас?

- Да!…Тоже мне, коммерсант, – усмехнулся я.

- Пойдемте, сестра уже ждет.

Мы с веранды, где пили вчера чай, прошли в дом. Внутри было прохладно, несмотря на то, что на улице еще не спала вечерняя жара.

- Вы сами там разберетесь, – он замялся, опустив глаза, и я открыл дверь в одну из комнат и вошел.

В комнате не был еще включен свет и отдавало легким вечерним полумраком. Через открытое окно дул теплый слабый ветерок, слегка волнуя шторы….

У окна, на кровати, нагая сидела Наталья и, поджав прикрытые легким пледом колени, смотрела в окно, держа на отлете двумя пальцами руки мундштук с дымящейся сигаретой….

В ожидании рейса

Конец 80-х годов, нелегкое время – «перестроечное», и чтобы что-либо порядочное приобрести из вещей, надо обязательно ехать в Москву? А из-за неимения там вида на жительство, приходилось покупать так называемые тур.путевки «выходного дня». За выходные дни, побывав во всех фирменных магазинах, типа «Белград», уже упаковавшись, зимним вечером сидя в своем номере в Измайлово, дожидался поздней отправки в аэропорт «Домодедово» - вылет за полночь. Чтобы скоротать оставшееся в столице время, подсчитав свои капиталы, спустился вниз в ресторан.

В зале было шумно, все торопятся попить, поесть по-дорожному. Официанты носятся с подносами как угорелые, воздух какой-то, пахнет непонятно чем. Спросил у проходящей с полным подносом официантки обслуживается ли тот-то свободный в углу стоящий столик и на одобрительный кивок ее головы скромно присел. Обратно она, уже идя с пустым подносом, подошла к моему столику.

–Здравствуйте, приятного вечера.

–Здравствуйте.

– Пожалуйста, выбирайте пока, я подойду, – подала книгу-меню.

– Нет-нет, – поторопился ее задержать, – мне скоро отправляться, принесите что-нибудь мясное и две чашки крепкого чая…

Она стала перечислять мясные блюда заученным тоном.

–Да, вот это, пожалуйста, – сказал я, когда она упомянула очередное блюдо. – И счет, пожалуйста, сразу, – добавил я.

–Хорошо, – и пошла.

Я огляделся вокруг и только тогда заметил, что за соседним столиком с видом полного спокойствия сидела молодая женщина.

Мне принесли тут же мой заказ, за который сразу же расплатился.

–Приятного аппетита, – сказала официантка и мило улыбнулась на полученные приличные чаевые.

Я не спеша жевал, поглядывая на соседний столик. Она с притворством листает страницы какого-то модного журнала, попивая кофе.

Она тоже стала поглядывать на меня. Я почувствовал на себе ее тайное любопытство, а она мое соседство и надеялась, по-видимому, что я вот-вот с ней заговорю. Но, поглядывая на нее, все молчу, хотя уже мысленно воображал ее в своих объятьях, ибо не нравиться такая женщина не могла. И она, как будто чувствуя это, чаще стала отрываться от журнала, вскидывая вверх брови, показывала свои красивые голубые глаза, а я все молчу. Она как-то нервно уже стала перелистывать страницы и, наконец, не выдерживает, достает из сумочки сигареты.

–Простите, – заговорила она сдержанно, – у Вас не будет прикурить.

–Извините, не курю.

–Жаль, – говорит она и опять взялась за журнал…

Затем она сняла норковую шапку, и русые волосы разлетелись по ее плечам, тонкие брови и аккуратно подведенные тени были по цвету глаз. Она привстала с места, сняла с себя поддевку – безрукавку, тоже из меха, и положила ее на спинку стула, миндально сверкнув от света своими выпуклыми острыми ногтями. Осталась в одной серой кофточке, из-под которой красиво выдаются груди сильной молодой женщины. Запахло от распущенных волос приятными духами. Она опять присела, поправив на себе кофточку. Я мучился тем, как придумать, чтобы обратиться к ней, и укорял себя за то, что не ношу с собой зажигалку:

«Сейчас все женщины курят».

Но вот подошел к ее столику какой-то лысый молодой человек и ища свободное место, взялся рукой за противоположный от нее стул.

–Вы позволите? – спросил он.

Она, не глядя ему в глаза, занятая своим журналом, сделала легкий кивок головой. Подошла к нему официантка, и он с заправской деловитостью завсегдатая этого заведения, надиктовал свой заказ без всякого меню. Можно было уходить, но не знаю, что удерживало меня за столом, и я медленно цедил уже остывший чай.

Через пять-шесть минут принесли ему заказ. Он, сидевший ко мне спиной, выпил рюмку и устремленно начал работать по тарелке ножом и вилкой. Затем выпил еще рюмку и раскраснелся, осмелел, закурил… и дал подкурить ей, стал говорить с ней что-то без умолку. Она небрежно что-то роняла ему в ответ на его рассуждения. Он продолжал говорить, по-видимому, предлагая ей выпить, а в ответ она пожимала плечами.

Я мысленно стал себя упрекать:

«Что тебе мешало с ней заговорить и сейчас на его месте был бы сам…»

Это милое, красивое существо. – Только представил, что через час-полтора, эта лысая скотина будет лапать и наслаждаться ею…

И когда был взведен своими рассуждениями до отчаян, она, вдруг погасив сигарету, встала, взяв сумочку, направилась, по-видимому, в туалет, поскольку оставила на стенке стула свою накидку. Какая-то сила подняла меня с места, и я, из-за его спины подойдя к ее столу, взял со стула накидку. На стуле лежала зажигалка:

–Извините, жена забыла, приятного вечера, – пошел вслед за ней…

–Девушка, – обратился, подойдя сзади, когда вышли из зала, – ваша накидка, пойдемте!

Она благодарными глазами посмотрела на меня, тихо проронив.

–Да, пойдемте, а то у меня скоро рейс…

Так все просто!?…

Женино счастье

1

Конец августа в том 1936 году выдался в степи на редкость ненастный, хотя и было еще тепло. Над степью то и дело тащились рыхлые облака, но чаще заволакивали все небо серые тучи. По дорогам уже нельзя было пройти без грязи по истоптанным скотом дорожкам. По такой проселочной дорожке в кожаных ботиночках шла учительница. Она с небольшим чемоданом и узлом, в котором было зимнее пальтишко и валенки, прибыла из областного центра и направлена РОНО в эту забытую богом деревушку под названием Решетиловка Одесского района.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая и никого не знала в этом чужом краю. Звали ее Женей – Евгенией Федоровной Пиньковской. Подходя к деревне, она увидела похороны и испуганно остановилась:

«Поскольку деревня небольшая, то все взрослые наверное идут за гробом» - соображала она. В гробу была маленькая старушка – учительница.

Сзади идущие оглядывались на Женю, шептались, и одна из женщин, наконец решилась подойти и спросить ее:

- Вы не новая-ли наша учительница, здравствуйте!

-Да, здравствуйте! – ответила Женя.

Они познакомились. Женщина эта была техничкой-истопником при школе. Она оглядела всю Женю, покачала головой, видимо подумав:

«Господи! Какая молоденькая, тихая, ей трудно будет первое время с ребятнёй».

- А прежнюю вот всей деревней провожаем в последний путь, – горестно сказала она, – такая задушевная была, такая сердечная и одинокая. Так вот и померла

без родственников. Ребятишки уважали ее, хоть иногда и пошаливали, – продолжала причитать женщина. Петя, – обратилась она к рослому, сзади идущему подростку, – это вот Евгения Федоровна, ваша новая учительница. На ключи, отнеси вещи в школу.

Подросток застенчиво поздоровался и, приняв ключи с вещами, направился к школе.

- Пойдемте, – обратилась опять она к Жене.

Они медленно пошли вслед за процессией. На кладбище все кланялись гробу, дотрагивались до него и до земли рукой. Женя тоже подошла к гробу своей предшественницы, посмотрела на высохшее лицо, на которое падали мелкие капли дождика. Наклонилась и дотронулась своей рукой до нее – высохшая она была, как восковая. Потом выпрямилась и тихо отошла. Она стояла рядом с этой познакомившейся женщиной, уже как со своей, и смотрела.

Слушала, как переговариваются люди, говоря добрые слова об усопшей, слышала ,как стучала по крышке гроба земля. Затем люди стали потихоньку отходить и расходиться с кладбища, а они вдвоем все стояли у свежего могильного холмика….

- Ну, пойдемте и мы устраиваться, мамзель! – усмехнувшись, не к месту пошутила женщина.

- Поговаривали, – уже в дороге продолжила она, – что была из бывших господ, сама-то не любила про себя рассказывать, откуда-то с какой-то Гатчины родом. Проживала и училась в столицах. Да где же она, эта Гатчина, одному Богу известно. Ехали беженцами вслед за белой армией на восток в гражданскую да туточки и застряли. Сначала в городу, да голодно больно в городе стало, вот и подалась учительствовать в деревню. Почитай, годов шесть – семь у нас прожила. Хозяйства не вела, – она усмехнулась, – бывало, загляну к ней, жилье-то учительское под одной крышей со школой, а она все сидит в кресле-качалке, прикрывшись пледом, и читает любовные романы. Кресло-качалку то по ее просьбе наш плотник Юхим смастерил, – не без гордости за земляка добавила она…

- Боже мой, а ручонки то у нее беленькие, детские, да и грех один такими руками за той же скотиной ходить. Задушевная была. Тихо жила и тихо померла, никому не желая зла за свою горькую судьбу.

Так за разговором и подошли к школе, где их, сидя на завалинке, поджидал подросток Петя. Школа представляла из себя простую землянку, разделенную

сенями с топкой на две половины. В одной был учебный класс для детворы, а в другой жилье учительницы, служившей и учительской со сложенными на полках стопками учебников и висящих на стенах в виде плакатов наглядных пособий. Самой ценной вещью из школьной утвари считался микроскоп. Тут же стоял письменный стол с четырьмя венскими стульями и железная кровать с периной и горой разнокалиберных подушек, натасканных, по-видимому, женщинами-родительницами. В углу вешалка у окна умывальник, а на стене часы-ходики. На подоконнике стояли две керосиновые лампы.

- Во-т, – протяжно произнесла женщина, – это и есть наша обитель, – она вздохнула, глядя на Женю, по-видимому, подумав: «Надолго ли к нам».

Они вошли во вторую половину-класс.

В классе в два ряда стояла дюжина парт, за каждую могло свободно сесть три человека. Полы деревянные выкрашены коричневой охрой, как и парты, только крышки парт черные.

- Вот прибрались малость, – женщина развела руками. – Вы да я, вот и вся наша дружная семья, – опять пошутила она.

Наступило тягостное молчание, каждая думала о своем.

- Знаете что! – вдруг спохватилась женщина. – Пойдемте ко мне, а то как-то с дороги и одной в первую ночь, да и день сегодня, сами видите какой-траур. А завтра все расставится по своим местам, приберемся, протопимся….

- Спасибо! – не дав договорить, поспешила ответить Женя, боясь остаться одной в первый раз в незнакомой обстановке, да еще после покойницы….

Начался учебный год. Учеников с 1 по 4 класс набралось около трех десятков. Все в одном классе, и каждому нужен свой подход и свое задание.

Было поначалу трудно, но постепенно Женя проявляла, где надо, строгость, где находчивость, – и все вошло в нужное русло. И стала она чувствовать важность своей работы и как была довольна собой, когда ребенок первый раз произносил по складам слова. И никакое слово не казалось ей таким ласковым, как произнесенное впервые устами ребенка слово «Родина». Она впервые в жизни почувствовала такую важность произнесенного этого слова детьми. С детства она верила в свое счастье и ждала его, но ожидание никогда не сбывалось. А вот сейчас пойдишь – сбылось!..

Уехала Женя из этой деревни на следующий год по окончании учебного года, крадучись, сказав, что надо продолжать самой учиться, стараясь не

расстраивать сельчан с их милой простотой и добротой. Уехала так, чтобы избежать конкретных расспросов и невыносимой тяжести расставания с людьми, ставшими уже близкими ей.

Прибыла она в родное село Новосанжаровку, где ей нашлось место в семилетке, и заодно поступила учиться заочно. Семилетка-совсем другое дело, это уже коллектив коллег, где всегда поймут и поддержат в трудную минуту. К тому же родное село. В степном краю нет особенных красот и богатств, кроме бескрайних лугов с озерами и ковыльной дали, да чистого океана воздуха, которые обладают большой притягательной силой. Она выросла среди простонародия, бегала как все босиком по росе. Любила и до сих пор не может без слез слушать малороссийские песни, от которых шла какая-то разрывающая сердце нежность. Во время уроков она часто подходила к окну и с умилением смотрела в степную даль. Трепетно билось сердце, глядя на эти сибирские степи, которые она не променяла бы ни на какие города, даже столицы...

2

С любовью к родному краю пришла к ней и любовь женская. Вместе с ней в родное село после учебы вернулся учительствовать и Саша Кожухарь, с которым она и раньше была знакома, но не проявляли они в то время друг к другу никаких симпатий. А став коллегами по работе, вольно или нет, стали чаще общаться, делиться своими школьными заботами и впечатлениями, даже в чем-то помогали друг другу. И так сами не заметили того, как возникла обоюдная потребность ежечасно, ежеминутно видеться и заботиться друг о друге. В этом проявлении заботы было что-то волнительное и нежное двум молодым сердцам. Что это, как не зарождение любви. И такой простой и желанной оказалась любовь, не понятная еще самим их душам, но была так чиста, так глубока, что своей опьяненностью давала какую-то горькую сладость. И тогда они впервые поверили, что пришла к ним единая, неделимая любовь и что они предназначены друг для друга, чтобы любить и желать. По окончании учебного года они уже были мужем и женой. Сашу, Александра Федоровича Кожухаря, назначили директором школы в д. Голубовка, и к началу следующего учебного года они покинули родное село.

Родилась дочь, а с окончанием учебного года он был призван в ряды Красной Армии. Женя вернулась в родное село жить к его родителям. Муж служил на востоке. Весной 1941 года ждали его возвращения домой. Но вместо этого пришло от него письмо, в котором сообщал, что ему присвоено звание техник-интендант 2 ранга и служить будет при штабе по военно-хозяйственному обеспечению дивизии в г. Комсомольске-на-Амуре. И заверял, что вскорости

пришлет вызов Жене с дочкой для проезда к месту его службы. И они с надеждой ждали от него вызова. Учебный год закончился, а вызова все не было.

Но вскоре объявили, что началась война с Германией. Вместо вызова через месяц пришло письмо короткого содержания. В письме говорилось, что их часть перебрасывают с востока на запад, на фронт, и будут проезжать через Омск ориентировочно в таких-то числах. Она решила ехать в город и жила надеждой встретить своего Сашу, чтобы сказать, как он ей дорог. Омск на то время был неуютен, до безобразия грязен, везде суматоха. Она томилась ожиданием, который день просиживая до полуночи в грязном вокзале, встречая все военные эшелоны, к которым гражданских лиц близко не подпускали часовые. Издали она вглядывалась в лица военных, сошедших на несколько минут на перрон. Но мужа не было среди них.

«Военные эшелоны проходили и глубокой ночью», - думала она и вздрагивала при одной мысли, что их эшелон, возможно, уже прошел. И она, отчаявшись уже встретиться с ним, ходила по перрону с думами, и эти думы ложились на душу непереносимой тоской. Так чередой прошли те дни ожидания, на которые ориентировал он ее на возможную, хоть и мимолетную встречу. Угнетенная и подавленная внутренний тоской, вернулась она домой…

Следующее письмо от него пришло осенью уже с фронта:

«Здравствуй, Женя» Привет всем домочадцам. Как жаль, что летом нам так и не удалось увидеться. Наш эшелон проследовал ночью без остановки от Новосибирска до Исилькуля. Пишу, сидя в землянке, здесь наш штаб. Если бы ты знала, как вокруг все противно, потому как условия жизни отвратительные, и еще потому, что можно погибнуть в любую минуту. Но самое трудно переносимое то, что вокруг везде только злоба, грубость, и мне кажется, командование, судя по настроению, толком ничего не понимает, что происходит и что делать дальше.

Но ты не беспокойся, я не жалуюсь, не я один в таких условиях, пишу об этом лишь потому, что чуткий человек не выдержит таких условий и сойдет с ума. Чтобы выдержать все это, нужно отупеть и перестать понимать чувство прекрасного – вот условия, в которых мы живем.

Особенно тяжело молодым ребяткам, вчерашним школьникам. Везде злоба, грубость-матерки, человек в таких условиях тупеет и по своим склонностям и поступкам становится просто животным, а человеческая личность не ценится и ничего не стоит. Человек на войне теряет свою цену, теряет свою осмысленную и одухотворенную жизнь – все это убивает война. Я здоров, чего и вам желаю.

Мысли о вас придают мне силы, чтобы выстоять все это.

Поцелуй за меня дочку. Низкий поклон родителям. Целую вас, ваш сын, муж и отец Александр. Снизу приписка: Мне писать пока не надо, поскольку постоянного места дислокации нет и письмо может затереться вовсе.

При первой же возможности дам о себе весточку снова…

Писем больше не было.

Первые месяцы войны были неудачными для нашей армии, поскольку по вине высшего политического руководства страны не были готовы дать должный отпор агрессору. Наши войска все пятились назад, неся большие людские потери. На фронтах царил хаос, не были должным образом согласованы действия разрозненных армий. В оправдание своих ошибок высшее руководство искало «виновных» за случившиеся, посылая своих эмиссаров по частям и армиям разбираться с войсками должным образом: кто не сумел сдержать натиск врача. В их часть тоже прибыл какой-то полковник из «центра», и за временные неудачи командование части со всем своим штабом было отдано под трибунал…

К концу лета 1942 года, почти через год после той весточки, уже с места отбывания наказания каким-то образом Александру Федоровичу, еще Саше, удалось дать о себе знать семье, по-видимому, через сочувствующих офицеров лагеря. Не вдаваясь в подробности случившегося он сообщал, что из-за неудач на фронте весь штаб осужден на десятилетний срок лагерей.

…Едва ли я выдержу этот срок, – говорилось в письме, – здесь люди показывают свое настоящее истинное лицо, и так гадко на душе, так физически противно это общество.

Удерживает и придает мне силы жить только одно – мысль о вас… Женя, дорогая! Кто знает, как все кончится, десять лет - срок немалый. Ты не губи свою молодость. Мне трудно и больно об этом тебе говорить, но если встретишь хорошего человека, выходи за него замуж. А со мной тебе лучше развестись, чтобы не сказалось мое заключение на твоей работе. Для меня же настали дни серые и тревожные…

Прочитав весточку с «фронта», она была в недоумении, ей стало так мрачно и даже как-то сонно. Так сразу много грез, так много глубокой тоски. Образ Саши преследовал ее. Всего лишь образ и небольшой клочок бумаги с убористым почерком – это все, что осталось от их большой любви… Она молча вышла из хаты и пошла в сад, ноги подкашивались. В саду долго сидела на засохшем

пеньке спиленной старой яблони, сломанной во время бури. Над садом кружились облака, вдали сверкала молния, и от этого еще тягостней и мрачней становилось на душе.

«Никто не знает, где он, – и на ее голубых глазах появился влажный блеск. – Еще вчера было все по-другому, какая-то надежда, а теперь…»

Она сидела среди сада, ей стало нездоровиться:

«Только в разлуке любовь бережешь как некую драгоценность, потому как твое сердце принадлежит человеку, который далеко от тебя».

Она заплакала и плакала напролет от безнадежности, нежности, от непонимания, что все же произошло и как недолго тянулось ее женское счастье. Между тем тучи заволокли все небо, полоснула молния, и гром грянул раскатами по всему небу. Гроза долго полыхала над степью с нетерпимой пугающей страстью, а она все сидела наедине со своими мрачными мыслями и смотрела в одну точку на лист яблони, трепещущий от ветра, и боялась, что его вот-вот сорвет, и улетит он от яблони навсегда, как от нее Саша. Она впервые за время их разлуки плакала навсхлип-тяжело, задыхаясь и стыдясь неизвестно перед кем своих слез. Гроза все еще ликовала, когда она привстала наконец, поправила косынку, мокрую от слез, и пошла к дому. Глядя на свою хату, ей невольно мысленно пришли строки Тараса Шевченко:

«…Не знаю,

Найдется ли у Бога зло,

Что в хате той бы не жило?» -

Свекр, накинув на себя свитку, вышел ей навстречу и, стоя у калитки сада, говорил:

- Разве мысленно ходить в такую погоду. Заходи скорейше в хату, дочка.

Ей ничего не нужно было сейчас, только покой и силы, поскольку на руках трехлетняя дочь. Она сослалась на здоровье, чтобы ее не тревожили расспросами и своим сочувствием.

И свёкр ни о чем больше ее не расспрашивал и только изредка поглядывая на нее, видел, как она украдкой вытирала слезы. Было в хате тихо и слышно, как где-то закравшийся в сенях сверчок издавал своеобразный звук и этот звук наполнял хату живым ощущением горя. Что делать? Чтобы прошло это горе, каждый из домашних молча задавал себе этот вопрос. Она не могла объяснить

себе, что случилось с ее мужем. Единственное, что сознавала в этом горестном состоянии, так это то, что у нее на руках их дочь и надо как-то жить дальше, а не плакать напролет от безнадежности что-либо поправить, хотя тяжелая боль все еще сжимала ей грудь. Она еще тогда не понимала и не знала, что это не какая-то временная, хоть и долгая разлука, а разлука навсегда. От отчаяния она думала:

«Ах, если бы можно было вернуть время назад и остановить его, чтобы никогда не приходил сегодняшний день», - но потом вздрогнула от этих мыслей, по-видимому, вспомнив о дочери.

Всю ночь, эту первую горестную ночь, гром то затихал, то усиливался, намереваясь вызвать дождь, но кроме полыхания синего пламени ничего не было. Она еще долго не могла уснуть и все смотрела в окно, в темноту, которую вспышками озаряла молния. К утру тучи раздвинулись-разбежались и пробилось солнце, и Женя, совершенно ясно оценив вчерашнюю горькую новость, могла уже держать себя в руках, думая о делах насущных.

«Какая жестокая несправедливость судьбы, – все думала она, – но надо как-то дальше жить». И она жила, отдавая всю себя школе и заботе о близких.

3

Пришла осень – начало учебного года.

«Дети и война – нет более ужасного противопоставления», - думала она, глядя на своих полуголодных и полураздетых подопечных. Работа в школе отнимала почти все время, некогда было заниматься собой. Удавалось ненадолго вырваться после занятий домой и опять возвращаться в школу, решая все хозяйственные и организационные дела. К концу каждого дня надо было проверять стенгазету, которую делали старшеклассники, с рисунками, лозунгами, с материалом о соцсоревновании и ударничестве и потом отправлять их на колхозные бригады: «Все для фронта, все для Победы!»

Уходила всегда последняя из учителей, когда уже наступали сумерки и в степи умирал закат, бледный и короткий, какой-то весь чужой – закат.

«Не такой как раньше», - и с тревогой и волнением шагая домой, думала она.

Осеннее время. В колхозе уборка урожая шла к концу, увозились последние обглоданные ветром сложенные снопы и скирды на колхозный ток. Со своими коллегами и школьниками с 12 лет и старше надо было после занятий идти подбирать павшие колоски пшеницы и ржи.

Вокруг села много озер. Разнообразие трав в лугах так душисто, что с непривычки туманится в голове. А между ними (лугами) вспаханы небольшие делянки колхозных полей. Но некогда любоваться всей этой красотой. Получив от объездчика задание, полуголодные дети как саранча бросились врассыпанную по всему полю, едва удерживаемые своими наставниками. В конце работы, выстроив детей в шеренги, всех заставляли перед объездчиком выворачивать карманы, – не утаил ли кто зернышко.

Один из подростков выбежал из строя в сторону и, упав на колени, взялся рвотой: наелся с голоду зерен.

Объездчик, увидя все это, вытащил из-за голенища сапога кнут и стал стегать его. Евгения Федоровна бросилась, накрыв собой ребенка, и объездчик стеганул кнутом и ее несколько раз, злобно выругавшись:

- Сука! Смотри за своими щенятами.

Возвращались все с поля домой беспорядочной толпой, помрачнев в лицах от впечатления случившегося и усталости, как «пленные французы под Москвой». Каждый думал о своем, думала и Евгения Федоровна не без сожаления и иронии, конечно: «Человек, это звучит гордо»…

Дни и месяцы своей мрачностью тянулись, как по небу серые облака, складываясь в годы, полные забот, лишений и тревог.

Наконец пришла долгожданная Победа! Но не сильно-то радовала людей эта победа, вернее, внешне все было соблюдено до крайности благопристойно, под зорким оком тех, кто больше всего в войне повинен. Но у каждого на душе был какой-то горестный осадок за унижение, страдание, лицемерие, ибо народ уже настолько был замучен бесконечными тяготами, что стали все с вытравленным начисто чувством собственного достоинства.

Строгость военного режима перекочевала и на трудовые будни, ибо надо было поднимать запущенные хозяйства.

Лишь через пару лет после войны наступило кое-какое послабление: отменены продовольственные и промтоварные карточки. Кое-что завозилось для свободного приобретения в сельскую кооперацию.

И в школе тоже мало-мальски все потихоньку обновлялось, это радовало Евгению Фёдоровну как руководителя пед.коллектива.

Из райцентра в село зачастили разной масти чиновники райкома и райисполкома, помогая хозяйствам села налаживать организацию работ. Часто

собирались совещаться в школе, больше негде было. И Евгении Федоровне, как хозяйке, невольно приходилось общаться с такого рода посетителями. Как правило, это были молодые мужчины – бывшие фронтовики, и кое-кто из них оказывал знаки внимания молодой женщине, хотя она давно уже смирилась со своим одиночеством. Это внимание к ней впервые за столько-то лет заставило ее подумать о себе, о своем женском счастье.

« Встретишь хорошего человека, выходи за него замуж», - эти слова, посланные ее Сашей «издалека», вертелись в голове после разговора с одним из таких районных работников, который был более настойчив и внимателен к ней, как ей показалось. В конце концов, ей, как любой женщине, нужно крепкое мужское плечо даже при ее сильном характере. И она сдалась на милость судьбе.

Вскоре избранник ее сердца перебрался в село, получив новое назначение. Теперь она опять замужняя женщина. Один за другим появилось еще трое детей. И поначалу вроде все и было неплохо, но постепенно ее суженый стал проявлять неуважительное отношение к матери своих детей. Долго не задерживался ни на одной работе и, в конце концов, из руководителей перешел в разряд изгоев.

Все свои неудачи стал вымещать на семье. Много стал пить, и было так, что иногда доходило дело до рукоприкладства. Но она все терпела из-за детей. Да и давно, еще в тот военный год, как получила весточку разлуки, смирилась со своей женской судьбой: терпеть и переносить все трудности, и не быть уже тому счастью, что довелось в молодости когда-то испытать…

Шли годы, и она уже пенсионерка, бабушка, и судьба преподнесла ей еще одно испытание: на руках остались на ее попечении малолетние дочки сына. И она тянула этот кряж как могла:

«Слава Богу, не война все же», - успокаивала себя.

Выросли и покинули бабушку-маму внучки, – последняя ее надежда на счастливую старость…

Ей давно уже за девяносто, но она в здравом уме и светлой памяти. Как будто за те все муки и лишения, что пережила, судьба наградила ее таким долголетием…

Она тихо лежала в своей комнате. Время за полночь, за окном в темноте блеснула молния, и она ждала первого в эту весну раската грома, но было тихо. В памяти стал вырисовываться тот непогожий день, когда она молодой девчонкой шагала по бездорожью к деревушке, где начала свой долгий учительский путь.

Поплыли образы тех людей, идущих за гробом, и в нем старушка-учительница. Она «наклонилась» к ней, в лике лица покойной узнала себя и испуганно отшатнулась – дернулась в постели, намереваясь приподняться, но не было сил.

В ушах послышалось:

« Боже мой, а ручонки-то у нее белые, детские, – в голосе она признала ту женщину, которая приветливо встретила ее, подходя к деревне, – задушевная была, тихо жила и тихо померла»…

Затем все куда-то стало удаляться и погружаться в темноту. Тихо померла, никому не желая зла за свою горькую судьбу.

Память любящего сердца

1

Настали сентябрьские дни, кроны деревьев и кустарников желтеют и редеют от опадавших листьев. По тротуару вдоль железной высокой ограды, за которой по всему периметру тянулся кустарник, шел молодой человек. Он шел не спеша, словно впервые попал в этот огромный суетливый город, и наслаждался всем, что окружало его: кустарниками, домами, машинами, наконец, людьми, с которыми ему хотелось заговорить, поделиться чем-то своим сокровенным, но им и дела не было до него. Его трогательное сердце бьется в ожидании неизвестного, но дышится в осенней утренней прохладе легко и сладко. Он был в этот момент мыслями в каком-то другом измерении, что ли! В последнее время одолевала болезнь, и он зачастил в больницу. Работа или несуразный образ жизни, связанный с его одиночеством, являлись причиной недуга, как тут сказать!

Причем болезнь начиналась, как правило, в самые неподходящие моменты жизни, то с работы, то во время отпуска его отвозили на «скорой» в больницу – сердце, знаете, не давало покоя. Там, в больнице, уколами и капельницами его подкармливали и через неделю – другую отпускали с советами беречься. За последние полтора года он лежал два раза в больнице. И сейчас, его не как прежде привезли в лечебное учреждение, а он сам, на своих двоих, шел в областную поликлинику, знаменитую своими врачами-профессорами…

В приемном отделении, предъявив паспорт с направлением на госпитализацию, выпиской «родословной» болезни, его принимал дежурный врач с мед.сестрой:

Поступил 16 сентября 1981 года

Осташов Сергей Николаевич.

Возраст – 32 года

Место работы – гл. инженер треста, –

зачитывала мед.сестра, заполняя приемные документы. Дальше упоминался диагноз с приложением результатов последних обследований, послуживших причиной принятия решения о его госпитализации…

Его облачили в больничный гардероб, приняв личные вещи на хранение. Определили в хирургическое отделение. Позвонили, и тут же откуда-то с этажа спустилась другая мед.сестра, чтобы проводить его до места. Они вошли в пустую палату с одним койка-местом, позаботились сослуживцы по работе.

– Устраивайтесь, пожалуйста, сегодня, а завтра вам назначат лечащего врача, ну и затем уже процедуры, прочие обследования, – любезно отрапортовала она, представившись ему Мариной, - если что, я на этаже в ординаторской отделения.

– Спасибо, Марина.

Обустроившись, разложив свои вещи по местам и выложив принесенные с собой фрукты в вазу на стол, прилег. Прилег на кровать и тут же уснул, утомленный своими тягостными мыслями о предстоящих ему испытаниях в этих больничных стенах…

Проснулся неожиданно, глянул на часы, проспал всего полтора часа, а показалось что долго.

Он встал, подойдя к окну, открыл его. Во дворе было много гуляющих в больничных халатах и пижамах. Они ходили группами и в одиночку, переживая каждый по-своему испытания, и делились своими впечатлениями. Глядя сверху на них, ему почему-то пришла на память, и так может быть не к месту, одна притча, как цыганка гадала одной порочной девке:

«Эх, милая! У тебя все еще впереди,…а нагнешься, все окажется позади».

Усмехнувшись, отойдя от окна, опять прилег, чтобы почитать, но тут в дверях показалась детская мордашка любознательного мальчугана. Он молча бегал

глазами по палате.

– Здравствуй! Как тебя зовут? Сколько тебе лет? – спросил Сергей Николаевич у непрошенного гостя.

– Марат, на следующий год в школу пойду, – шустро отозвался малыш.

– Ну проходи, гостем будешь. Ты здесь один или с мамой?

– С Олей. Там наша комната, – он произвольно указал рукой на выход.

– А Оля, это кто, сестренка?

– Нет, подружка моя.

– Даже так! Ну понятно. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо!

– Угощайся, – протянул ему в руке яблоко.

– А вас как зовут? – взяв с руки яблоко, еще больше осмелел малыш.

– Меня зовут дядя Сережа!

– Ну я пойду. Приходите к нам в гости.

– Спасибо, дорогой, обязательно, еще увидимся… и с Олей тоже.

Встреча и знакомство с этим ребенком несколько взбодрило его:

«Хороший мальчуган, компанейский, черненький и Марат, почему-то, скорее всего татарчонок», - улыбнувшись, подумал он…

Двери были приоткрыты, и из соседней палаты иногда доносился женский разговор со смехом.

« Женщины по соседству не к добру», - цинично заметил он.

В дверях появилась полноватая, невысокая женщина лет пятидесяти, может, чуть старше, но довольно подвижная.

– Можно, молодой человек!

– Да, пожалуйста! «Сегодня какой-то день свиданий и знакомств», - любезно пригласив незнакомку, подумал он.

– Ну-с, здравствуйте вам, вы стало быть и есть наш новый «постоялец». Я тетя Дуся, Евдокия Ван-новна собственной персоной, если угодно. Санитарка и техничка ваша, приставлена смотреть за чистотой.

– Очень приятно, Сергей, – добродушно ответил он.

– Приятного мало, молодой человек, потому как не по доброй воле вы здесь. Но все равно за участие спасибо! А по батюшке вас как же величать?

– Сергей Николаевич, да зовите просто по имени, Евдокия Ивановна.

– Это я так, для порядка, сынок. Апартаменты-то вон вам выделены отдельные, – она глазами пробежала по палате, – не как всем, значит, большого полета птица, я так разумею.

– Ну что вы, тетя Дуся! Я простой инженер. Простой главный инженер, – поправил он себя для пущей важности. – Друзья сочувствуют и из уважения выхлопотали место, вот, – он виновато опустил глаза.

– До вас тут с обкома один лежал, господи, носит же грешная земля таких, не к месту будет сказано, так к нему и на рябой кобыле не подъедешь. А вы, я смотрю, нашенский, свой.

Она, несмотря на свою полноту, принялась ловко орудовать тряпкой и шваброй.

– Осень нынче, - продолжила она, – одна благодать господня, ни тебе распутья, ни холода лютого. К вам, смотрю, только вселились, ребятня стала бегать с соседнего блока, давеча видела, малец к вам прибегал. Только грязь вам тащат, – сказала со всей строгостью, как работник, борющийся за чистоту. Но тут же смягчила свой гнев. – Жалко детишек. Бывало, и прикрикну на них, а у самой на сердце неспокойно.

– Болезнь не разбирается, Евдокия Ивановна.

– Ну-а, вы! Как же это…парубок, я смотрю, хоть куда, а занемог.

– Да, говорят доктора, что один желудочек у сердца барахлит немного.

– Подумаешь, один. У меня, бывало, насмотришься на этих галчат-детишек, да иной раз так прихватит сердечко, аж все четыре желудочка надрываются, и то я ничего, скрепю потихонечку.

– Их всего два желудочка у сердца, – поправил ее.

– А это, милый, у кого сколько.

Она, охая, чтобы ей посочувствовали, тут же управившись со своими делами, вышла.

«Простая, неграмотная баба, а сколько участия в чужом горе, сколько доброты и сочувствия», - думал он про себя…

2

Жизнь Сергея Николаевича после окончания института, затем почти сразу же женитьбы, пошла как-то наперекосяк. Их эта женитьба хотя и была обдуманным шагом, по крайней мере с его стороны, но как-то все произошло скоропалительно. Через год родилась дочь. Очаровательное создание, названное Снежаной. Работа его по большей части была связана с командировками. Жена молодая, красивая, работала официанткой в ресторане, с работы часто возвращалась поздно, стала увлекаться другими мужчинами, и в конце концов им пришлось расстаться по истечении семи лет, прожитых вместе. При расставании они не ссорились, не ругались. Запомнился ему день, в который он уходил, оставив им квартиру.

– Ты хотя бы поматерил меня на прощанье, а то как-то аж не по себе, – стоя с сигаретой в руке у кухонной форточки, говорила ему жена, которая являлась инициатором развода.

– Нет, что ты! Зачем? Мы взрослые люди, надо уметь сдерживать свои эмоции и держать себя в руках.

– Ну, тогда прощай!- сказала она, когда он взялся за чемодан, собираясь уходить. - Теперь уже навсегда.

– Прощай! – кротко бросил он, не оглядываясь. Они с того дня никогда не виделись. Договаривались, когда надо было ему брать дочь, по телефону. Мать девочки не подавала на алименты, и он ежемесячно за все это время перечислял бывшей жене на счет деньги на содержание дочери, – так договаривались изначально, при расставании. Девочка теперь была уже подростком, и она с отцом встречалась без посредничества матери.

У мамы, рассказывала ему дочь, был сначала дядя Коля, затем дядя Миша, а потом и вовсе… Одним словом, «мужья» мамы после их развода стали меняться, как солдаты на посту, и это не могло не беспокоить Сергея Николаевич, как отца девочки.

Он после развода не женился, и вот, когда у него вроде появилась женщина, с которой он вместе работал и мог бы связать свою судьбу, у которой был сын,

ровесник его дочери, и по обоюдному их согласию они собирались забрать, после того как сойдутся, и его дочь, стало давать о себе знать его здоровье. И все опять затянулось на неопределенный срок.

«Верно говорят в народе: «Как бедному жениться, так и ночь коротка», - думал он про свое непростое положение.

3

Первый обход для него начался со следующего утра. К нему вошли сразу три женщины. Одна из них, самая молоденькая, была ему уже знакома, это мед. сестра Марина, устраивавшая его вчера в палату.

– Здравствуйте! Как вы тут устроились? – начала разговор самая старшая, которой было наверно чуть больше сорока лет, но выглядела на все пятьдесят. Постоянные операции и дежурства сделали свое дело, наверно!?

– Спасибо, хорошо! – поблагодарил за заботу Сергей Николаевич.

- Я заведующая хирургическим отделением Надежда Ивановна, – представилась она, – а это моя коллега Любовь Ананьевна, будет вашим лечащим врачом, – обратила его внимание на молодую, среднего роста красивую женщину, лет тридцати.

– Здравствуйте! – приветливо на представление отозвалась та.

– Так что прошу, как говорится, любить и жаловать, – продолжила общение Надежда Ивановна, – а мы со своей стороны постараемся обеспечить вам максимум внимания, чтобы поправить ваше здоровье. Ну а с Мариночкой вы уже явно знакомы, прошу не обижать прелестное создание, – та мило улыбнулась Сергею Николаевичу. – С сегодняшнего дня и займемся вашим здоровьем. Начнем с общей терапии и анализов, ну а дальше все по плану, – обратилась она уже к своей коллеге Любовь Ананьевне. Та согласно кивнула головой. – Покажем вас и нашей профессуре в свое время, посмотрят все «узкие» специалисты, одним словом, постараемся вас по максимуму оздоровить. Засим спасибо за внимание, молодой человек!

– Спасибо вам, – он встал со стула, и врачебная чета вышла из палаты.

В обращении с больными у Надежды Ивановны было столько простоты и доброты, одним словом труженицей была еще той. Вторая назначенная ему лечащим врачом Любовь Ананьевна не отставала и старалась подражать первой во всем в обращении с больными.

Надежду Ивановну и Любовь Ананьевну больные очень уважали и их так меж собой и называли: наша Надежда и Любовь, обе кандидаты медицинских наук.

4

Сергей Николаевич был из тех самоорганизованных молодых людей, в которых деловитость и порядочность подчеркивалась во всем, и он всегда понимал то положение, в котором невольно оказывался, но сейчас попал в такую жизненную ситуацию, что ему трудно было обрести уверенность в себе, что дальше будет, и он как никогда нуждался в чьей-то помощи и сочувствии. Озабоченный мыслями о своем непростом положении, вышел из палаты и не без крайнего любопытства к неведомому житию-бытию своей жизни, которая ждет его здесь впереди и к которой надо привыкать, пошел по коридору. Двери у палат были приоткрыты, и он невольно бросал свой взгляд на находящихся в палатах. Не во всех были заполнены места. Всегда одно, а то и два места, судя по заправке, из четырех имеющихся пустовали. Дойдя до остекленной перегородки следующего блока отделения уже было повернул обратно, но тут через открытую дверь услышал знакомый голос тети Дуси, вышедшей из какой-то комнаты со своим орудием труда:

– Ну-ка, быстро в палату.

Он увидел, как на ее окрик во весь дух пролетел впереди знакомый, как ему показалось, мальчуган Марат, скрывшийся за какой-то дверью.

– Где оно там, у черта, больное, – на его прыткость ворчала себе под нос тетя Дуся, заходя в очередную палату.

Пройдя по коридору к двери, куда так стремительно занесся ретировавшийся ребенок, он увидел Марата, уже лежавшего на заправленной постели и перед девочкой проделывавшего причудливые чудеса ловкости и степени реакции, ловя подбросанные в воздух пилюли ртом.

Девочка при этом заливалась смехом:

– Марат, они ведь горькие.

Она первая увидела Сергея Николаевича, стоящего по ту сторону приоткрытой двери.

Оторвавшись от созерцания очаровательных проделок Марата взглядом указала ему на дверь.

– Дядя Сережа, проходите! – вскочив с кровати, он бросил свое занятие.

– Здравствуйте! Видишь, Маратик, как и обещал, принимайте гостя. А ты, стало быть, Оля, – обратился он к девочке, – неплохо вы здесь обустроились, уютно!

Широкие раскрытые блестящие голубые глаза Оли смотрели на Сергея Николаевича, та беспокойно окидывала углы палаты. Вялая, несколько желтоватая кожа девочки обтягивала худые очертания лица, прямой пробор разделял ее русые волосы на две половины. Губы были сухи, а под глазами тени. Лицо, в общем, выражало усталость от привычного постоянного недомогания. Им овладело неудержимое желание бежать куда попало, чтобы только не видишь эти болезненные глаза, при одной мысли, что из-за «недостаточности» какой-то там сердечной мышцы эти глаза могут угаснуть навсегда. Она глядела во все большие глаза на него и пыталась улыбаться. Мысль о страдании этого невинного существа с русыми косичками и большими голубыми глазами вдруг ужаснула его:

«Господи! Кто будет любить… »

С этого дня они стали посещать его уже вдвоем, и он ублажал их разными причудливыми рассказами и из использованных систем – трубочек делал им всякие поделки. Всю свою скрытую нежность души и потребность сердечной любви он перенес на этих двух детей, и этого не могли не заметить женщины из соседней с Сергеем Николаевичем палаты, которые были знакомы с этими детьми еще раньше.

– Здравствуйте! – появилась в дверях его палаты молодая женщина, голос и смех которой он чаще всего и слышал из соседней палаты.

– Оля, Марат, вы и тут уже успели быстро перезнакомиться, – обратилась она к детям.

– Мы у вас здесь по соседству, я Мария, – обратилась она к Сергею Николаевичу.

– Я понял. Сергей Николаевич, здравствуйте! – ответил он.

– Сергею Николаевичу, может, отдохнуть надо немного, пойдемте, детки, я вас провожу.

– Мы пойдем, дядя Серёжа, – ответил за обоих Марат.

– Ну давайте, потом договорим.

Мария увела детей.

« А она приятная во всех отношениях женщина», – подумал он про Марию.

Высокая, красивая, стройная женщина из какой-то деревни. Если бы не ее часто употребляемый в разговоре фольклорный говор вперемешку с русским и хохлацким, который он слышал по соседству, спокойно могла сойти за интеллигентную женщину, которой можно было увлечься.

«Чего это я так разболтался и болезненно размечтался?» – подумал он.

5

Лечение началось, как прежде, с уколов и капельниц.

– Вас надо сначала подкормить, прежде чем определиться с операцией, – говорила ему лечащий врач. Приятная во всех отношениях молодая женщина. Она нравилась всем больным прежде всего своим спокойствием, рассудительностью и лишенной, как им казалось, всякой строгости, лицо ее всегда было приветливо.

За первую неделю пребывания в клинике Сергея Николаевича посмотрели также все «узкие» специалисты – таков порядок, и каждый вроде не выказывал никаких особых опасений по своей части. Затем его долго держали в рентген кабинете. Врачи смотрели и иногда тихо о чем-то говорили, употребляя латинские слова, которых он не понимал. Шел уже к концу сентябрь, но по-прежнему стояло тепло, как летом, и в палатах весь день окна держали все еще открытыми.

С улицы бился о шторы ветерок, шелестя листьями клена и тополя. В палату доносится слабый шумок где-то носившихся по городу машин…

– У вас есть спички? – находясь у окна, услышал Сергей Николаевич голос Любовь Ананьевны, стоявшей в дверях в четверть оборота.

– Нет! Я не курю.

– О, господи! Пока спустишься вниз, – раздраженно произнесла она…

– А вы проходите. Курите здесь у меня в палате, окно ведь открыто. А спички я вам сейчас организую.

Он мигом выскочил из палаты, а она молча, не думая, прошла к открытому окну. На подоконнике стояла пепельница, поскольку, видимо, в силу важности

пребываемых в этой палате пациентов, разрешилось здесь курить.

– Вот, пожалуйста, – воротясь, зажег спичку и дал ей прикурить.

– Спасибо!

С минуту молчали. Затем он улыбнулся, вспомнив что-то, по-видимому, забавное.

– Был как-то по туристической путевке в Югославии, – начал он, – так там Гид нас предупредил, чтобы не просили у местных жителей прикурить спичку. У них это слово означает, одним словом, ругательское слово.

Она мило улыбнулась, посмотрев на него.

– Я от кого-то это уже слышала.

– Ваш муж тоже здесь работает? – как можно тактичнее спросил он про ее замужество.

– Нет, – ответила она, – у меня нет мужа, живем вдвоем с дочерью, дошкольницей.

– Простите! – он виновато опустил глаза

Она глубоко затянулась сигаретой и, выпустив клуб дыма, продолжила:

– Бывший муж тоже хирург, учились на одном курсе, у них в семье это наследственное. Это у меня мама продавщица, а отец шофер, – не без иронии сказала она. – После нашей женитьбы, против которой естественно была свекровь, относящая себя к «голубой» крови в пятом поколении, свекра вскоре перевели в Москву. Он военный хирург – полковник и потащил за собой сыночка, – моего благоверного, устроив ему там теплое местечко, – она опять глубоко затянулась сигаретой и, выдохнув, продолжила. – По два - три месяца не виделись в первый год отъезда, а затем и вовсе забыл про нас с дочерью, прислав нам развод. Вот такая банальная история.

– Я вас никогда не бросил бы, – вырвалось у него непроизвольно, и он смущённо отвел от нее взгляд.

– Простите, я что-то разоткровенничалась, – почувствовав в его словах что-то интимное, неловко улыбнулась.

– Ну что вы! Я вас понимаю. Надо же кому-то излить свою пережитую когда-то боль души. Сам когда-то был обманут близким человеком.

– Да-а, было в пору мне тогда не только закурить, но и спиться, благо спирта в отделении немерено, – она через силу улыбнулась, затушив сигарету. – Спасибо за компанию и сочувствие.

– Заходите, Любовь Ананьевна, «покурить», – бросил он ей вслед. Она не оборачиваясь махнула рукой.

«Судьба бывает так причудлива, но, к сожалению, не ко всем благосклонна», - подумал он, глядя ей вслед.

6

Шел уже октябрь месяц.

Раз в неделю обход делал профессор Петр Андреевич со своими ассистентами и лечащими врачами. Он в сопровождении своего ассистента Владимира Викторовича, молодого хирурга, зав. отделением Надежды Ивановны и лечащего врача Любови Ананьевны первый раз посетили палату Сергея Николаевича. Петр Андреевич, на вид совсем еще был не старый, но правда за пятьдесят, и чувствовалась в нем какая-то озабоченность и усталость. Он нравился всем больным больше всех врачей, потому как вызывал у них чувство знающего свое дело человека.

– Ну-с, что тут у нас, здравствуйте! – подойдя к Сергею Николаевичу, обратился он не к нему, а к зав. отделением.

– Сейчас процедуры, анализы, результаты исследований будут чуть позже, – заученным языком отрапортовала Надежда Ивановна.

– Хорошо. Продолжайте наблюдение. Настроение как? – обратился он, наконец, к Сергею Николаевичу. - Как процедуры переносите, что-нибудь беспокоит или не устраивает?

– Да нет, все хорошо. Грех жаловаться.

– Ну вот и прекрасно. Немного еще понаблюдаем за динамикой изменения процессов в организме от действия лекарств и потом уже пойдем дальше.

Они вышли.

Проводив профессора, Надежда Ивановна, возвращаясь в ординаторскую и проходя по коридору своего отделения, из-за приоткрытой двери услышала женский смех и, не удержавшись, заглянула туда.

– Здравствуйте, девочки. Я слышу ваши жизнерадостные нотки выздоровления, это хорошо!

– Надежда Ивановна, – начала Мария, едва та переступила порог, – ну шо у нас за медицинское обслуживание в советском государстве?

– А что случилось, что такое? – удивилась она.

– Ну як шо. Вот полюбуйтесь, – она ей продемонстрировала в руке пустой маленький пузырек с узким горлышком, граммов на сто, – принесла сестричка, шоб ей пусто було, говорит, сдайте мочу на анализы. Я шо вам шнайпер (снайпер). Вы уж там скажите девчонкам.

– Хорошо, не волнуйтесь, я разберусь.

– Да уж будьте так добры.

– Нестерова, к телефону, Маша! – заглянула в дверь санитарка тетя Дуся.

– Надежда Ивановна, так я пойду?

– Идите!...

Минут через десять Мария вернулась в палату.

– Ну как там дома, Маша? Все в порядке, как там дети? – спросила одна из женщин, видя удрученный ее вид.

– В порядке, в таком порядке...от дав Бог мужика, – присев на кровать, начала она, – ага, звонить, спрашивает, Маша, куда быка девать, в череду-то уже перестали скотину гонять. До соседа, кажу, отведи, в сарай постав, вин тоби еще спасибо скажить.

Морозы уже по ночам, а он скотину не знает куда определить, о господи! Дети, спрашиваю, в школу ходят. Та говорит, ходят куда-то. Так ты ж, бисова душа, поинтересуйся, в школу зайди, в дневники хоть раз к детям загляни, а то выучатся детки, як их батька: ни положить, ни поставить. Наступило в палате недолгое молчание.

– Сама выбирала мужика-то, – наконец отозвалась та же женщина.

– Выбирала, – Мария усмехнулась, вспомнив прошлое, – як только после школы в руки аттестаты взяли, мы с ним у вечери за село в канаву побежали, та и бракосочетались, вот и весь выбор.

– Зато сама говорила, не пьющий мужик, на работе передовик, деньги все до копеечки приносит домой, не то что некоторые, – выговорилась другая женщина.

– Шо правда, девчата, то правда, так ничего мужик, но все делается из-под палки. Пока не скажешь пару «ласковых» слов, дело с места не сдвинется. За день другой раз так вымотаешься, шо уже ничего не надо и билый свет не нужен. К вечеру упадешь на кровать, и все уже – ничего не хочется. А это мурло тут як тут, под бочек моститься, – по ее лицу пробежала легкая улыбка, и она, потянувшись, прилегла, продолжив. – А як потом ножки раздвинешь, та то шо вам, тетка, было непотребно, тут в самый раз!

– Маша! Вот скаженная, – отозвалась одна из женщин.

По палате прокатился смех

7

У Сергея Николаевича стала все чаще появляться Любовь Ананьевна и каждый раз, пройдя в палату, вынимая из кармана сигареты, кокетливо роняла:

– У вас есть спички, – и сразу же иронично, – ах да, я все забываю, что вы не курите.

– Скажу друзьям, чтобы следующий раз принесли блок сигарет и спички, - благосклонно отреагировал он на ее иронию.

Он заметил, что возбуждает у нее некоторое живое любопытство. Оба с минуту молчали, он, сидя на стуле, она с сигаретой у окна.

– Послушайте! – вздохнула она. Отчего вы так сегодня грустны? Отчего так не разговорчивы? Дама все же посетила вас, или вы не польщены, раз все молчите!

– Странная вы женщина, Любовь Ананьевна! В моем-то положении устраивать какие-то интрижки, если вы об этом, – и чтобы не обидеть ее, тут же продолжил. – Впрочем, я подумаю. Соберу все силы моей души в один комок и может тогда…Однако, я не совсем здоров, Любовь Ананьевна!

– Да-а! – протяжно, как бы вспомнив зачем пришла. – Ваши обследования уже идут к концу. Кровь у вас в порядке, хватает и белка и кальция. Предстоит не сегодня-завтра последняя консультация у профессора, – она сочувственно посмотрела ему в глаза и, отвернувшись к окну, тихо проронила:

– Скорее всего, операции не избежать.

– Спасибо за откровение и заботу, Любовь Ананьевна.

– Чего уж там, – опять глянула ему в глаза. – «Может быть, ценою счастья я спасу этого человека», – подумала она и тут же прямо:

– «Спасибо» не отделаетесь, дорогой!

– А что еще, – несмотря на мрачную перспективу, которую она обрисовала, улыбнулся. По ней было видно, что хочет что-то еще сказать, но колеблется. Но вот, затушив сигарету, обидчиво проговорила:

– Ну и мужики пошли. Не знают что нужно…

– Люба, дорогая! – Ты что серьезно? – он впервые обратился к ней на «ты».

– Уже дорогая! Вы делаете успехи молодой человек, – опять не без иронии сказала она, и сверкнув на него глазами, направилась к выходу.

«Этого мне еще недоставало, – подумал он, – а может, и правда того… Кто его знает, чем закончится мое здесь пребывание».

8

Как всегда с наступлением очередного дня наступают и очередные больничные будни.

Все обитатели палат разбрелись после завтрака по своим углам в ожидании обхода лечащими врачами и консультантами. Обход в «профессорский день» возглавлял на этот раз не сам профессор, а его ассистент Владимир Викторович с лечащими врачами…

Они вошли в палату Сергея Николаевича. В отличие от Петра Андреевича с приятным выражением лица, Владимир Викторович всегда был с сухим, ничего не выражавшим лицом, прикрытым большими линзами очков. Он также сухо поздоровался, и как бы невзначай Сергей Николаевич у него поинтересовался:

- Долго еще будут меня мучить-исследовать?

- Вы сколько уже находитесь здесь? – спросил тот.

- Больше трех недель, – ответила за него лечащий врач.

- Ну, – он пожал плечами, – исследование и подготовка двадцать- двадцать пять дней. Стало быть, уже скоро окончательные результаты к операции, – проговорился он.

«Операция все-таки», – промелькнуло в голове Сергея Николаевича в подтверждение Любиных слов.

- Да вы не волнуйтесь, такая операция, как предстоит вам, уже делалась сотню раз, и все успешно!? – поспешил успокоить его, глядя на его несколько растерянный вид.

- Спасибо за надежду, – проронил Сергей Николаевич.

- Все будет хорошо, – на его сухом лице появилась гримаса слабой улыбки.

Они вышли, оставив ему надежду на выздоровление. Зашли в соседнюю палату.

– Доброе утро, – начал Владимир Викторович, войдя со всей свитой в женскую палату, – как себя чувствуем, – обратился он ко всем разом…

– Эх, доктор! – облегченно вздохнув, Мария присела на угол кровати, – как ваш обход, сердечко так и клокочет, так и клокочет, ну нету ему, бедному, места у груди, – она распахнула халат.

– Мы сделаем вам еще раз кардиограмму, сказал он, смущенно отводя взгляд от ее обнаженной груди.

– Кардиограмма, это хорошо, – продолжила Мария, – но тут, понимаете, нужен особый индивидуальный подход и методы лечения неординарные, поскольку особый случай, хотя, – она слегка махнула рукой, – всем давно известные.

– Маша! – одернула ее одна из женщин по палате.

– Будем думать, – скромно ответил ассистент на розыгрыш Марии.

– Думайте, на то вы и доктор, – вздохнув, трогательно искоса посмотрела ему в глаза. Он в сопровождении коллег направился к выходу, и, только взялся за ручку двери, за спиной послышался тонкий напевающий голос Марии.

– Отцвели уж давно, – затем уже с участием всех женщин палаты за закрытой дверью прогремело, – хризантемы в саду…

Послышался многозначный женский смех.

– А вы делаете поразительные успехи у женщин, молодой человек, – с некоторой иронией сказала Надежда Ивановна. Он ехидно улыбнулся.

То что Сергей Николаевич был добрым, умным и искренним человеком, это Любовь Ананьевна сразу поняла и охотно видела их приятные отношения. Она любила бывать у него, опрометчиво бросаясь к окну покурить. Любила его философию, когда рассуждал о смысле жизни. Должно быть, полюбила и его самого? Но в этой любви было что-то неудобное, – неудобным была, наверное, его болезнь. Она тоже чрезвычайно нравилась ему, и всегда при виде ее он рисовал в своём воображении в своих объятьях эту красивую женщину.

«Жизнь скоротечна, непредсказуема и в чем-то даже страшна, – думал он, глядя на нее, стоящую у окна, – так что надо бесцеремонно брать от нее все, что можно».

Он молча подошел к ней, обнял и стал целовать ее брови, виски, шею…

– Я прокляну тебя, если останусь одна в эту ночь, – сказала она перед тем как уступить ему губы. Ее слова были сердиты, но глаза были полны самой нежной, страстной любви.

Сергея Николаевича томило очаровательное чувство. Разве он мог знать, что будет обнимать, целовать, прижиматься к ее роскошному телу. Ему стало немного даже страшно от своего блаженного состояния – случайного счастья. Давно они уже не переживали таких восторгов. В их обоюдной любви не было никаких разговоров об их общем будущем.

– Вот мы дали волю чувствам, – начал он философствовать, – открыли ворота каждый к своему сердцу, а сердце - это ведь не проходной двор. Но может случиться так, что одно из них перестанет биться, не станет его. Останется в другом только память – память любящего сердца. Мы живем, а зачем живем, зачем любим, чтобы в одно время уподобиться просто животному и пропасть, – он замолчал, задумался. Она смотрела пристально на его задумчивое лицо, и он, уловив на себе ее взгляд, посмотрел ей в глаза. Глаза у него были грустные, искренние и немного испуганные, как будто он уже чувствовал, что ждет впереди его страшное-непредвиденное. Он смотрел ей в глаза и продолжил своим умоляющим голосом:

– А, может, любовь для того и дана, чтобы что-то осталось после человека.

– Останется! Философ ты мой, – и стала целовать его в щеки, в лоб, и он почувствовал слезы на ее ресницах…

Часа в три ночи они проснулись. Она оделась, поцеловав его, собралась уходить. Он стоял в дверях, пока она не скрылась в конце коридора.

« Бог всегда дает тому штаны, у кого нет зада», - иронически подумал он про их отношения.

10

Утром перед обходом в тот день в палату к Сергею Николаевичу вошла Любовь Ананьевна одна. Он подумал сразу, что так зашла, по-приятельски «покурить», но она, сочувственно посмотрев на него, тихо проронила:

– Собирайся, дорогой, пойдем на беседу к профессору. Результаты исследований готовы, - она держала в руках всю его подноготную болезни и лечения. Они пошли в другой корпус по переходу и вошли в кабинет профессора Петра Андреевича…

– Что же, дела наши сложны, Сергей Николаевич, – начал профессор, просмотрев результаты лечения, принесённые лечащим врачом. – Не хочу от вас скрывать, операция предстоит сложная, сердце все-таки! Но оперировать необходимо, и сделать это надо как можно скорее.

– Ну, если другого выхода нет, – ошеломленный откровенным высказыванием профессора сказал он, – то я на операцию согласен.

– Вот и славно. Вы человек мужественный и сильный, все будет хорошо.

– А когда? – спросил Сергей Николаевич.

– Сегодня у нас что, среда? – он посмотрел график плановых операций. – Я думаю, в следующий вторник. Готовьте все, – обратился он уже к своей коллеге.

– Хорошо, Петр Андреевич! – ответила та.

Они вышли.

Оставим их одних на эти дни. Дела любовные свершатся и без нас…

В понедельник накануне операции вечером пришел анестезиолог и принес таблетку.

– Выпейте на ночь. Будете лучше спать, вам надо хорошо выспаться, отвлечься от всего…

Он уснул быстро, приняв таблетку, и когда проснулся утром, в палате уже стояла каталка. Спросонья сразу ничего еще не понял, но был совершенно

спокоен.

Затем вошли в палату мед.сестра из операционной и анестезиолог. Сняв больничное обмундирование по просьбе прибывших, забрался сам на каталку. Его прикрыли простыней и повезли к операционному блоку.

В операционной уже были знакомые ему Петр Андреевич и Владимир Викторович и еще несколько их коллег, все в повязках на лице и в перчатках. Его переложили на стол под огромный серебряный колпак. Анестезиолог подсоединил что-то к руке, надели ему маску…Стал куда-то проваливаться. Что было дальше, он уже не знал – началась работа.

– Можно начинать, спит больной?

– Спит.

Последовали команды одна за другой:

– Скальпель!

– Микуличи!

– Ножницы!

– Пилу!

– Билль роты!

– Томпон!

Сергей Николаевич ничего этого уже не слышал – ничего больше и не было для него на этом свете…

11

Вечером палата Сергея Николаевича опустела, и дети еще не знали о случившемся горе. А утром следующего дня в женской палате тихо говорили между собой, скорбя о случившемся.

– А наша-то Любаша, лица на ней нет, хотя сама хирург, вроде не привыкать ей, – причитали женщины, зная историю их взаимоотношений.

В палату к ним заглянули дети, Марат и Оля.

– А где дядя Сережа?

Его палата была закрыта. Женщины переглянулись, шепотом между собой что-то говорили, затем одна из них Мария, взяв у женщин две шерстяные кофты, подошла к детям.

– Пойдемте, деточки, – она облачила их в эти кофты, и они не спеша пошли по коридору до лифта…

Утро было особенно прекрасно, было достаточно еще тепло. Деревья и кустарники уже оголились, и газоны с дорожками сплошным ковром застилала опавшая багровая листва. К моргу, особняком стоящему в больничном дворе, окруженном целым лесом кустарника, подъехал небольшой автобус, из которого вышло трое молодых мужчин.

Это одноэтажное здание из красного кирпича имело той особый унылый вид, какой обычно бывает только у больничных построек. Передним фасадом обращен он в больничный забор. От этого помещения с тыльной стороны здания шла узкая тропинка прямо к входу одной из боковых дверей большого многоэтажного корпуса больницы. Один из мужчин вошел вовнутрь и скоро вышел, подойдя к автобусу. Двое других выставили из автобуса гроб и понесли вовнутрь, а первый понес в руках прикрытую тканью одежду на плечиках.

Стеклянные окна здания изнутри до половины закрашены белой краской. В коридоре освещенного большой лампой воздух был удушливый, тяжелый и прохладный. Все замерло и казалось погруженным в покой.

В равнодушии санитаров, с которым они приняли от них гроб и одежду для покойного, лежал какой-то отталкивающий ужас.

Может, только родным и близким, забиравшим своих умерших, казались они такими равнодушными?

Наверное, факты и логика убеждали их, что все смертны. Если взглянуть на эту проблему логично, то нет ничего в этом странного работать здесь и их совесть спокойна. А если они начнут рассуждать, то будут вызывать в себе мучительное состояние тревоги.

Мужчины вышли опять из здания, двое присели в автобус, а тот, что отдавал одежду, нервно затягиваясь сигаретой, прохаживался недалеко от входа. Он увидел, как какая-то высокая женщина в сером больничном халате зачем-то вела к моргу обряженных во взрослую одежду двух детей…

– Вы за Сергеем Николаевичем! Здравствуйте!

– Да! Здравствуйте! – ответил он.

– О господи! Такое горе, детишки так сдружились с ним за это время. Маратик, Оленька, пойдемте, деточки, присядем. Вы скажите когда будет готово, чтобы они попрощались.

– Да конечно.

Мария с детьми присела на лавку у входа.

Минут через десять в дверях показался санитар и кивком головы дал понять, что все уже готово.

Гроб-домовину, обтянутый красным кумачом, вынесли из подсобного помещения и поставили на пол посередине коридора. А в нем уже с восковым лицом Сергей Николаевич. Рядом уже стояла Любовь Ананьевна, Мария потихоньку вошла с детьми, и все стали у раскрытого гроба.

– Вот, деточки, прощайтесь с дядей Сережей, – тихо сказала Мария.

По ту сторону гроба стояло трое мужчин. Дети ничего не чувствовали, кроме растерянности и недоумения. Затем закрыли крышку гроба и вынесли, погрузив его в автобус…

И вот его увезли, а им еще после этого понадобится время, чтобы пережить свой новый душевный недуг.

12

Прошло тридцать лет.

Время летнее. На загородной даче в окружении пышно разросшихся хризантем, в кресле-качалке под солнечным зонтом и с книгой в руках сидела пожилая женщина. На лице под глазами и у оснований губ глубокие уже морщины. Но все это не омрачило ее лица из-за голубых жизнерадостных глаз. Кроме нее на даче еще была молодая пара и с ними ребёнок-дошкольник. Они собирались уже обратно к выезду домой, в город, побыв здесь выходные дни.

– Мама! Мы готовы, уезжаем!

– Хорошо, сынок.

– Вы отдыхайте, Любовь Ананьевна, не надрывайтесь тут на грядках, разве что со своими цветами позабавьтесь, – сказала сноха.

– Ладно, Наташенька. Коля, сынок, поезжайте!

– Сереж, где ты, Сергей Николаевич! – обратилась мать к ребенку. – Иди, попрощайся с бабушкой.

Она всегда при свекрови обращалась к сыну «Сергей Николаевич», зная историю появления на свет своего мужа.

– Бабуль, пока! Ты не скучай без меня. Я тебя люблю.

– И я тебя тоже. Сереженька Николаевич, – поцеловались с внуком, – будь здоров. Пока!

«Уехали! Сережа Николаевич» - в ее памяти возникло то ощущение теплоты и счастья, которое испытывает по-настоящему любящая женщина.

_____

Нет она не одинока в своем одиночестве, с ней всегда память о нем – память любящего сердца.

Стерва

Я сразу же узнал ее, когда она шла мне навстречу по безлюдному тротуару майским полднем. «Она мало изменилась, – подумалось мне, – разве что немного стала плотнее, но глаза все те же заискивающе-загадочные в своей голубизне».

Увидев, тоже узнав меня, сдержанно любезно улыбнулась, слегка качнув головой.

- Кажется, мы с вами были когда-то знакомы, хотя боюсь ошибиться, – сказал я, когда поравнялись.

- Да-да, вы не ошиблись, Мишутка, простите, кажется, так я вас когда-то называла, – пошутила она. – Конечно, мы давно знакомы, так давно, что уже думается: это было в какой-то другой жизни.

Она пристально всматривалась в меня своими слегка, увы, слезящимися от старости глазами, а я виновато опустил свой взгляд, чтобы не видеть ее растроганных чувств.

- Вы Наташа! – наконец, собравшись с духом, посмотрел на нее в упор.

- Да, Михаил! Как Вас по батюшке, никогда не знала.

- Да Бог с ним, с отчеством, присядем где-нибудь немного поболтать, простите, побеседовать. Время ведь у нас есть?

- Время есть, – вздохнув облегченно, все еще не отрывая своего пронизывающего взгляда, проронила она, – хотя с каждым днем его становится все меньше у нас, – философски она отнеслась к мною сказанному, – но зато оно полностью теперь работает на нас. Не надо уже никуда спешить, строить какие-то грандиозные планы на будущее, так что можно и поговорить, отчего же не поговорить!

С каким значением, прожив много лет, произносишь это слово «поговорить». Поговорить со своим прошлым, хотя когда-то, в молодости, это слово ничего не значило. Она опять слегка улыбнулась, наконец, отведя свой взгляд, видно, тоже значительно подумав о слове «поговорить».

- Раз мы давно знакомы и были, простите, когда-то близки, – ничуть не стыдясь, сказала она, – давайте перейдем на «ты».

- Да, конечно. Может зайдем в кафе? – предложил я.

- Нет-нет, – и сразу же, – прости, может ты голоден?

- Нет.

- Ну и прекрасно. Тогда лучше присядем где-нибудь, тут и парк рядом. В кафе полно молодежи, шум-гам, а хочется уединенной тишины, – уже по дороге в парк, взяв меня под руку, продолжила говорить, как и тогда, в молодости, взяв инициативу разговора на себя.

- Сколько лет прошло, – вздохнув, начала она, когда присели на лавочке в парке, – где все это теперь. Почему-то воспоминания в душе по большей части остаются те, которые в поисках своего счастья были мучительны для нас.

- Это сейчас так нам кажется. К старости, прости, мы ко всему становимся гораздо чувствительнее, чем в молодости. Только одну весну и сейчас мы воспринимаем, как и в молодые годы, мечтательно что ли. Но все же грустновато, ты права. Было это так давно, что уже не верится, было ли вообще.

_____

Было, как же! И нет ничего удивительного в этом. Она студентка одного из вузов, родом из Кокчетава, приехала в Омск учиться и жила в студенческом общежитии. Я жил в небольшой квартирке дяди, который от одиночества подался к какой-то вдове, подруге молодости. Познакомились зимой при обстоятельствах, не имевших для нас обоих особого значения.

Заснеженные улицы и деревянный дом в два этажа, где я жил, пристроился, казалось, так не к месту среди частных маленьких хибарок, между которыми надо было пробираться узкой тропинкой по сугробам к своему дому. На доме был единственный фонарь, который в сумерки, покачиваясь от ветра, освещал небольшой дворик. Иногда казалось из-за его тускло-оранжевого света, что он висит больше для того, чтобы покачиваться на ветру, нежели светить.

Надо признаться, неприятно и скучно я жил тогда. Днём работа на заводе, а вечером учеба на вечернем факультете. Но в выходные дни меня изредка навещали друзья, которые тоже, работая, учились кто где. В один из воскресных зимних дней вечеров сидел как всегда за учебниками, когда в прихожей позвонили в дверь.

Я пошел открывать: в подъезде стояли мои два приятеля со своими подругами. Познакомившись и с девушками, быстро организовали чай и легкий фуршет (они пришли с тортом, а у меня была бутылка хорошего вина «Терик»). Как обычно в таких компаниях вели разговор по пустякам: с полуправдой-полувымыслом, с жаркими новостями откуда-то и легкими на слух анекдотами…

Уже потемну проводил их к трамваю со словами:

- Буду рад видеть вас всех у себя в любое время. Пожалуйста, без излишних церемоний, до свидания!

- Пока! – дружно ответили гости, входя в вагон.

Прошло недели две, наверное, после этого, и как всегда в выходной я сидел дома, когда зазвенел в прихожей звонок. Отворил дверь: у порога стояла девушка одного из моих приятелей Наталья, которая была с ними в прошлый раз.

- Здравствуйте! – виновато опустила глаза.

Довольно удивленный, я все же ответил тем же и любезно пригласил:

- Проходите, вы разве одна? – спросил, думая, что сейчас ввалятся в подъезд и остальные.

- А разве ваши друзья не у вас? – с некоторым лукавством, переборов застенчивость, спросила она. – Куда-то запропастились, – и уже в прихожей, глядя жалобно мне в глаза, тихо шепнула, – мы с ним расстались неделю назад. Он показал с первых же дней свою невоспитанность и получил от ворот поворот.

- Странно, я за ним не замечал ничего подобного, – поспешил вступиться за своего приятеля.

- Странно для вас, наверное, то, что я пришла без на то, казалось бы всяких причин, хотя и было от вас приглашение в прошлый раз, – она вздохнула, начав снимать пальто, – мне самой как-то на душе паршиво, так что о нем не говорите больше ни слова.

- Хорошо, проходите!

От нее пахло свежестью с морозной улицы, пахло всем тем женственным – молодым, что было в ней, и я почувствовал, едва сдерживая улыбку, некое удовольствие – надо же!

Затем мы прошли в комнату. Она села на диван, а я, не зная, о чем говорить, сказал:

- Пойду поставлю чайник.

- Да, пожалуйста! Никак не могу согреться.

Я поспешил выйти. Затем тихо с опущенной головой, как будто в чем-то провинившись, вернулся обратно. Она, видя мое смущение, уже властно произнесла:

- Так и будете стоять! Присаживайтесь! – и подвинулась на диване. – В кинотеатре «Октябрь» идет новый фильм «Приваловские миллионы», я сумела достать билеты только на послезавтра, на вторник, неудобно среди недели, ну что поделаешь. Хочется посмотреть, как жили когда-то аристократы.

Затем сдержанно засмеялась:

- Воображаю, что вы обо мне думаете сейчас. Явилась девица легкого поведения.

- Ну что вы! Наоборот, я даже рад. Вдруг ниоткуда счастье привалило, словно во сне нахожусь, - неожиданно для самого себя пошутил я.

Послышался свисток – закипел чайник. Она помогла поставить чашки и заварить чай. За чаем говорили об учебе, работе, обо всем, только не о том, что могло бы

нас «сблизить» в этот день, хотя меня волновало все в ней женственное, и я чувствовал все ее молодое сильное тело и еле сдерживал себя. Затем, уже одевшись в прихожей, перед тем как выйти, она застенчиво сказала:

- Вы мне еще в тот раз понравились. Потому и пришла сегодня с билетами, между прочим.

Сдерживая улыбку, я ответил той же любезностью:

- Вы мне тоже нравитесь, – и окрыленный успехом обнял ее. Она нисколько не отстраняясь, запрокинув голову, закрыла глаза, и я не спеша долго целовал ее лицо и губы.

_____

Вечером на учебу «после завтра» я, конечно, не пошел, смотрели «Приваловские миллионы», после которых мы уже не расставались всю зиму. Она практически жила у меня, даже ключ от квартиры имела, изредка возвращаясь в общежитие. Иногда уже в сумерки я встречал ее с занятий на трамвайной остановке. Старались, подбадривая и подгоняя друг друга, быстро добраться до заветного подъезда с тусклым фонарем, и уже в подъезде жадно целовал ее в губы, казавшиеся горячими от прикосновения ее холодных щек. Затем, вбегая в квартиру, быстро, как заведенные, раздевались, бросая одежду куда попало, и все начиналось опять как в первый раз.

- Скорее! – бормотал, помогая расстёгивать ей кофточку.

Затем она на минуту, буквально, забегала в ванную.

- Куда спешим? – с наивной глупостью лукаво спрашивала, вернувшись.

Как прекрасно это «скорей». И вот уже от «скорей» с томными телами лежим с избытком счастья, прижавшись лбами, обдавая друг друга горячим дыханием. Это легкое телесное и душевное счастье продолжалось всю зиму. Никогда еще не жил так счастливо…

Что еще было? Была весна, с наступлением которой зачастили дожди с первой майской грозой, правда, темнеть стало ближе к полуночи. Мы стали видеться реже из-за подготовки к экзаменам. Но странно, при этом на душе было какое-то спокойствие. Встречались в основном по выходным, дружно обедали где-нибудь в кафе, аж на целых 5 рублей, бродили по весеннему городу.

С наступлением лета Наташа с сокурсниками студенческого отряда уехала в Краснодар на сбор чая. Я провожал ее на железнодорожный вокзал и, прощаясь,

горячо целовал с надеждой на скорое возвращение.

_____

Явилась она через месяц так же неожиданно, как и в первый раз. Было это во второй половине выходного дня. Зазвенел в прихожей звонок, я отворил дверь: стояла она и была бледна, или мне так показалось, но во всяком случае к ее черным волосам и карим глазам не шел южный загар, которым обзавелась там. Была слегка взволнована, и по тому, как она спешила меня обнять, во мне вызвало скорее некую жалость к ней, чем восторг. Войдя в квартиру, она даже не поцеловала меня, только слегка неохотно улыбнулась и, пройдя в комнату, присела на диван.

- Я совсем устала, вчера только с поезда, еще толком не выспалась.

- Не вижу препятствий для этого, – и придвинулся к ней вплотную.

Она дала поцеловать себя в губы, затем отстранилась и, тяжело вздохнув, виновато заговорила:

- Я послезавтра прийду к тебе, сегодня и завтра еще нельзя, так что, дорогой, не заводи себя понапрасну.

Разговор у нас был короток: я поинтересовался ее поездкой и сколько «выдали на-гора», и удалось ли побывать где-нибудь, юг все-таки. Она же спросила, что нового произошло в ее отсутствие, и на этом все закончилось. Она засобиралась уходить, и я не препятствовал этому, надеясь на скорую встречу послезавтра. Удивительно, но ее скорый уход, как и появление, не вызвало во мне никакой тревоги и печали, и это после всего того, что между нами было.

«Послезавтра» с работы летел, словно на крыльях, надеясь на скорую заветную встречу с той, которая скрашивала мое одиночество счастливыми днями. Войдя в квартиру, я не сразу обратил внимание на небольшой листочек на столике, у дивана, небрежно вырванный из записной книжки, на котором размашисто было написано знакомым мне почерком:

Мишутка, Дорогой! Я больше не приду.

Прости меня и не ищи, пожалуйста.

Ты хороший, добрый, милый.

Будь счастлив и прощай.

Наталья

Внизу приписка: ключи от квартиры в почтовом ящике.

«Почему?» - спрашивал я сам себя, держа в руках роковой листок.

Сердце колотилось, отдавая в виски, в горле пересохло: «От же, стерва!»

Гречанка

1

Село Кобельцы, это на Подольщине, жило своей мирной тихой жизнью. В таких малороссийских деревушках-куренях, во второй половине девятнадцатого столетия, жизнь всегда протекала скромно. Низенькие хатенки с белыми боками и маленькими окошками, но с большими-высокими крытыми соломой-старкой или очеретом-комышом крышами, стояли в разброс среди разной зелени, словно грибы-боровички. Жизнь там спокойная, потому что живут люди каждый своей уединенной жизнью. Но живут все же дружно, без ссоры, ибо нет причин для раздора. При таких домишках-хатках, как правило, растут плодовые кусты, скажем, вишни или черемухи, так роскошно цветущие и пахнущие по веснам. Тут же, чуть по одаль от дворов стоят фруктовые деревья, к осени увешанные спелыми плодами. Усадьбы, как правило, обнесены плетнем по всему периметру. Народ, хотя и смирный, но гордый и разный, по крови, разумеется. В любой хате, какая только есть на лицо, можно встретить полурусского, полухохла, полуполяка, но все непременно привержены одной вере и считают себя не иначе как русскими – православными людьми. И как будто на розживу стоит в околотках жилье иного люда, скажем еврея, держащего на селе шанок, а при нем небольшую лавку…

В одной из таких хат, на краю села, там, где сразу за дворами особняком порос развесистый клен, вдовствовал который год пан Сашко, по фамилии Заметельский. Его жену и двоих детей бог прибрал до сроку, в разное время, и остался у него один сын-парубок Данило, с которым в последнее время он не виделся почти год, по причине учебы сына в бурсе, и со дня - на дань ждал его возвращения по случаю окончания учебы. Он уже не думал, как обустроить дальше свою жизнь, он думал теперь о сыне Даниле, о том, как все сложится у него хорошо с семьей, и он в окружении внуков будет доживать свой век. Эти

мечты приводили его иногда до такого умиления, что невольно наворачивались слезы на глаза, так это трогало его душу.

Еще издали подъезжая к селению, видна его усадьба с выкрашенными на окнах ставнями, разительно отличавшее это жилье от остальных более простых, без ставен, хат. А когда, кто-либо подъезжал к самому причилку-крыльцу этого двора, то всегда находил в нем спокойствие, поскольку с того дня как свезли на погост хозяйку двора, перестала в нем водиться всякая живность: не погомонит криком более гусь, не пропоет петух в предрассветный час. Просто потому, что пан Сашко не занимался дворовым хозяйством, как его жена. Битую птицу себе на потребу получал с других дворов, в свою очередь получавшие от щедрого пана благодарность в виде части урожая с его весьма солидного клина земли. Довольно таки приличный, по своей площади , фруктовый сад был тоже запущен, поскольку он не любил возиться со стволами деревьев и особо не был строг со своими «помощниками», которые немилосердно обирали фруктовые деревья, не заботясь о их приличном состоянии. Не занимаясь дворовым хозяйством и садом, он все же ездил на пашню к косцам и жницам, иногда сам берясь за работу. А в последнее время, как старшина куреня, оставил и это занятие…

2

Пану Сашко за пятьдесят лет, сам из числа дворовых крепостных, из поместья усадьбы поляка, пана Метельского. Отца своего не знал с рождения и не досаждал в будущем с этим вопросом свою матушку. А мать была дворовой девкой и злые языки дворни поговаривали, что нагуляла она его от самого пана Метельского, который был чересчур охотчь к женскому полу, и не очень разборчив. Ну как бы то не было, когда вышло время учиться грамоте единственному сыну пана, Ежему, который был ровесник Сашку, и с которым по ребячьи сдружились, бегая вместе, во время занятий барчуга с приглашенными для этого воспитателями, пан по просьбе своего малолетнего сына не возрожал, чтобы во время его занятий с ним слушал грамоту и этот босоногий дворовый мальчуган. И когда пани Метельская с льстивым польским тоном, явно недовольная решением мужа, спрашивала его: «Зачем вы это дозволяете?», он всерьез отвечал: «Пусть познает грамоту. Может из него выйдет хороший управляющий имением… для нашего сына». Убедившись в правоте мужа, но все же оставшись не вполне довольной его решением, ибо была тоже в курсе дворовых сплетен – оставила этот разговор.

Так, мало-мальски постиг Сашко грамоту. На Украине, находящейся под долгим Польским влиянием в те времена, заводились ее порядки.

Сашко, тоже, взрослея, тяготел к их нравам и культуре. Он любил их умеренность во всем, нравились ему порядки, заведенные панами: как они проводят обеды, вечера, охоты и прочие бытовые штучки.

Когда они стали уже парубками, молодой пан Ежий собрался уезжать из этих мест учиться в Киев, а затем в Петербург. И старший Метельский, может чувствуя за собой какую-то вину за прошлое, не зря же баили дворовые на счет появления Сашка на свет, да к тому же чтобы угодить своему сыну, находящемуся с ним все еще в дружбе, дал Сашку – вольную.

Когда писарь-дьячек выправлял бумаги, чтобы дать ему фамилию, ехидно спросил Сашка: - «За чьим ты, холопье, был двором?», - зная наперед решение пана.

За Метельским – ничуть не обижаясь выпалил молодой парень. Так с легкой руки писаря ему была дана фамилия – Заметельский.

Сашко, владея грамотой, был помощником управляющего имением пана и в последствии женился на его дочери. В 1956 году у них родился сын Данило.

Когда было отменено крепостное право (1861 г), все дворовые и крестьяне получили вольную, не сразу правда, а в течении двух-трех лет.

А Сашко со своим семейством продолжал трудиться в усадьбе, выполняя обязанности уже управляющего. Но вскоре после этого умер хозяин имения, и постепенно стало хозяйство расстраиваться – разоряться, уже используя не подневольный, а наемный труд. Наследник пан Ежий, вызволив к себе в столицу вдовую мать, поручил стряпчему хлопотать о продаже имения, упомянув ему однако о Сашке, чтобы тот опирался в этом щекотливом деле и на его доводы и советы.

Из продажи имения, кое-что перепало и ему, и с тех пор, его уже в околотке именовали все не иначе как – пан!

Вот такая родословная у молодого человека Данилы, возвращавшегося в родные места.

Сам Данило имел чувства отличные от отца. Был проворен, словоохотлив и вспыльчив, ежели чувствовал свою правоту в каком-либо деле, когда его склоняли к обратному. Одним словом, имел сильный характер…

К приезду Данилы, все комнаты в хате были прибраны девчатами, посланными вдовой кумой пана Параськой, которая после смерти кумы, стала вести себя на этом дворе не иначе как «хозяйка» и за это, за глаза, девки на старый лад

называли ее ключницей, распоряжалась добром пана, по мелочи конечно, как своим. Да к тому же у нее была дочка Ганна, на две весны моложе Данила и, сначала в шутку, а затем на полном серьезе, все донимала пана: «Как бы хорошо вышло поженить наших детей», как только Данило закончил учебу. Сама же языкатая Параська с некоторой горделивостью трепалась бабам, что могла бы уже давно сойтись с паном, да мол нельзя, из-за детей»: «Породнюсь с паном с другого боку».

Ганочка, как ласково называл ее сам пан Сашко, была красавицей, слов нет, и вряд ли кто на селе из девок мог составить ей конкуренцию, претендуя на внимание Данилы. Поэтому кума Параська, привлекая девок к работе на его усадьбе, не опасалась за дочь и заставляла их делать все наилучшим образом: «Для дочки же стараюсь».

Сами же молодые больше проявляли в общении дружеские отношения, как брат с сестрой, поскольку росли вместе, нежели между ними можно было заметить вспыхнувшую искорку страстных чувств.

- выйдешь за Данила, сама запануешь – все наставляла дочь неуемная мать – эко сколько у них добра. Сама всему этому будешь хозяйка.

3

Июнь месяц. День выдался жаркий и куда ни глянь в степную даль, везде сухой воздух переливался струями. Пан Сашко успел уже отправить прибывших с раннего утра мужиков, на сенокос. Пришла пораньше и кума Параська с девками – помощницами, готовить обед по случаю приезда Данилы. Сам же хозяин, успев уже уходиться в заботах, присел у крыльца хаты под навесом и оттуда, из тенечка, оглядывал свой двор:

«Господи ты боже мой, милосердный, какой я хозяин, везде все в запустении. Строения все стали ветхие, требуют участия. Сад тоже в запустении… вот воротится сынку Даноло, все поправит, все приведет в порядок». И как бы внимая его рассуждениям, вскорости подкатила к усадьбе посланная за сыном в Кременчуг телега на взмыленных лошадях, обдавая двор клубом пыли…

- А, сынку! … а ну покажи свою бумагу, что выдали тебе в бурсе. Посмотрю какой ты стал граматей.

С такими словами отец встретил сына, когда тот только что слез с повозки и, отряхнувшись от пыли, подошел к крыльцу.

- Постой! – вытянул вперед руку перед собой – дай хоть гляну на тебя. Ну здравствуй, сынок!

Они обнялись и отец от умиления пустил даже слезу. Затем Данило из внутреннего кармана свитки вынул свернутую трубочкой грамоту об окончании учебы. Утерев слезы, отец развернул лист и оглядел его пристально, всматриваясь на приложенную внизу печать.

- Ах ты такой-сякой сук-кин сын! Осилил все-таки грамоту. Добре, сынок! Ей-богу, хорошо! Ну, пойдем в хату.

Не успели они поворотиться, как увидели куму Параську, вылезшую из кладовой под навесом амбара во дворе, которая, кряхтя, вытащила набитую всякой съестной всячиной корзину. Завидя рядом с хозяином Данила, охнув, выронила из рук ношу:

- Боженько-ж ты мой, Динилка! Приехал!

- Здравствуйте, тетя! Я смотрю вы все такая же, неуемная. Все хлопочите по хозяйству. Здоровья вам!

- спасибо, сынок. Как же не хлопотать – обняла и поцеловала возмужавшего за последний год дюжего парня – что же мы стоим, пановье, пошли в хату. Мы сейчас зараз соберем обед.

Затем прошли в светелку, где трое девок, одна из них дочь кумы, Ганна, возились у стола. Они, увидев молодого паныча, вскрикнули, а Ганна бросилась Даниле на шею – Братушка!...

- Давайте девчата все что не есть ставьте на стол – сказал Сашко, чтобы укоротить минуты встречи Данило и Ганны видя как от их объятий двое других, соблюдая свой девичий обычай, от стыда прикрывали лица руками.

Большой стол был заставлен закусками и графинами со всякими наливками.

Пришли двое товарищей Данила по детству и началась пирушка. Гости поздравляли Данила с окончанием учебы и хвалили дядьку Сашка за то, что тот сделал доброе дело, отправил сына на учебу. Теперь его ждет хорошее будущее, раз он стал слишком умным…

Когда гости разошлись, а вместе с ними пошел по селу и Данило, солнце еще висело в уголку неба. Пан Сашко уже в глубоком хмелю, чего раньше редко позволял, взял еще раз грамоту сына, не мог налюбоваться на нее, затем, свернув опять в трубку, ступая, ища равновесия в походке, вышел во двор,

намереваясь пройтись и показать этот документ сельчанам, так в нем воспряла гордость за сына. Пошатываясь, дошел до плетня и, увидев своего шедшего товарища, окликнул его:

- Панас? Подь сюда. Данило бурсу окончил… ось бумага – он поднял над собой бумажный сверток. В глазах его затуманилось, и промычав еще что-то несуразное себе под нос, грохнулся тут же у плетня и громко захрапел, еще до того, как подошел к нему его товарищ.

Прошла уже неделя, как Данило в отчем доме, и отец все водил его по усадьбе и знакомил с расстроенным хозяйством. Но сын не проявлял к этому никакого интереса. После Киева, городской жизни, он смотрел на всю эту усадьбу, и перед ним вырисовывалась жалкая картина. Он никак не мог заняться каким-нибудь делом, хотя дел было невпроворот. Не лежала ко всему этому его душа, и глядя на все это, он чувствовал в себе какую-то духоту в сердце. В глубокой тоске томилась его душа и собрался он в Кременчуг, посмотреть как живут там люди, оглядеться вокруг, может и сам в чем-то проявит интерес к какому-нибудь делу. С одобрения отца, покинул он село:

«Хотя это не Киев, но все же, веселее здесь живет народ» - размышлял он.

4

Данило, бродяжничая по улицам Кременчуга, забрел на базар, излюбленное место препровождения бурсаков, когда свободны от учебы, еще по Киеву, где они, «хозяйничая», заставляли торговцев быть осторожными и внимательными к своему добру, увидев шуструю шандропу-бурсаков. Но теперь Данило – дюжий парень, не своим видом обряженный в новую суконную свитку, статью и учтивым поведением, не выказывал того, что он выходец из бурсачьего племя.

На базаре куча народа, торгуют всякой всячиной и греки, и татары, и евреи, и нашего брата-православного довольно-таки много, и язык вокруг пестреет разным говором-разноречием. Идя по торговым рядам, он услышал вдруг звонкий девичий смех, и поворотившись, на соседнем ряду противоположной стороны, увидел девушку, как раз на том месте, где висела торговая вывеска:

«Промышленные товары»

Купец 1-й гильдии Циберцаса.

Под вывеской стоящий молодой человек в сером сюртуке, по-видимому, приказчик хозяина, то и дело нашептывал девушке что-то на ухо, и она заливалась заразительным смехом.

Едва глянул Данило на нее, как почувствовал что пропал. Чаще застучало сердце, потому что ничего подобного он еще не испытывал.

«До чего же хороша» - подумал он, и глядел на нее не отрываясь, не зная что делать. Затем подошел поближе, и воспользовавшись моментом, когда ее развлекатель отошел за какой-то надобностью, обслуживая очередного покупателя, встал против нее. Их взгляды сошлись. Прекрасная черноволосая, белая лицом девушка так испугалась, что перед «покупателем» не смогла проронить ни слова, а только скраснев лицом, мило улыбнулась:

- Кто ты? – вырвалось у него после недолгого замешательства – как тебя зовут, красавица?

Она, смущаясь молодого человека опустила голову.

- Ты разумеешь по нашему?

- Да! – живо ответила она и глаза ее вдруг пронзительно-ясно впились в него. С минуту оба пребывали в оцепенении, но затем где-то там, глубоко внутри, прихлынувшая кровь к вискам внезапно вызвала в нем потребность в любви и он, бессвязно заговорил:

- Ты… ты свободна? – спросил, по-видимому, подумав об удалившемся на время молодом человеке – где я могу видеть тебя? Ты только скажи!

Она, улыбнувшись, отвела свой взгляд куда-то в сторону и, взяв рукой кончик шелкового платка, повязанного на ее тонкой длинной шее, и прикрыла им слегка лицо.

- Почему пан интересуется? – щуря глаза спросила так, как быдто сама уже проявила к нему интерес.

- Как почему? Странная какая ты, однако! Я… меня зовут Данилой. Я из ближайших хуторов, у родителя своего … после учебы… в гостях. А ты?

- Я, Олимпия – перебила его – я здесь присматриваю иногда за нашим семейным добром, помогаю родителю – указала вверх пальцем на торговую вывеску.

- Дак, ты….

- Да, я гречанка. – не дала договорить – а что? – она посмотрела на его удивленное лицо – вы чем-то разочарованы, пан? На вас лица нет – уже она взяла инициативу в свои руки – вы удивлены, молодой человек? – не унималась она, стараясь при этом чем-то заняться у прилавка.

- Ну что ты, краса… Олимпия! – недоговорив, поправил сам себя – где мы можем видеться? – быстро спросил, опасаясь что вот-вот появится тот молодой ее обольститель и испортит им всю «обедню».

- Пан, Данило намерен назначить мне свидание? – искоса посмотрела она не его озабоченное лицо – Я ведь Вас не знаю. А вдруг вы губитель дамских сердец, любовный соблазнитель или того хуже – отъявленный злодей?

- Помилуй, Олимпия! Душа моя! – в горле у него пересохло и он еле выдавливал слова, не зная, чем ее завлечь и как расположить к себе – я скорее сам расправлюсь с любым злодеем… кто только посмеет обидеть мою паночку…

При словах «мою паночку», она слегка по-девичьи смутилась и не стала больше задавать дерзких вопросов, потому что уловила своим женским чутьем его влечение к ней, со всей его искренней простотой и душевностью. Они оба чувствовали друг к другу не выразимый словами интерес, и уже нельзя было вот так, по живому разорвать это мимолетное знакомство…

5

Данило все чаще стал пропадать из села, уезжая в Кременчуг, для встречи с Олимпией. От нее он узнал, что ее мать с отцом из Крыма, с Феодосии. И сама она родилась там же. Но отец, ища выгоду в торговле, обосновался в Кременчуге. С каждой встречей их сердца находили все больше отклика на заботу и внимание друг к другу. И вот однажды, заявившись домой после очередного свидания, сказал отцу, что хочет показать ему свою избранницу. Отец сперва проявил даже беспокойство, ибо кума Параська не переставала ему досаждать о скорой женитьбе детей, а тут - такое!

Он поначалу недоумевал:

-Ты что такое говоришь, сынок! А как же Ганочка?

- Да что вы, ей-богу, со своей Ганочкой – вскипел Данило.

- Грех Бога гневать, сынок! – стоял на своем отец.

Потеряв жену и двоих детей, вся теперь привязанность его сосредоточилась только на единственном сыне Даниле и все его мечты о спокойной жизни в старости обернулись теперь в сущий кошмар, с этим выбором сына…

Делать было нечего, как только согласиться со случившимся. Буквально через день после их разговора, собрались ехать в Кременчуг за покупками и заодно глянуть отцу на выбор сына.

Кума Параська, завидя бравых мужиков, сына с отцом, собравшихся в дорогу и обряженных в новые свитки, непременно поспешила вставить словцо:

- Пановья собрались на Ярмарку в город, за покупками? … Помогай вам бог.

Она на радостях подумала: «Дело к свадьбе, наконец-то».

В город добрались, выбравшись спозаранку, когда базар был в полном разгаре, и повел Данило отца по его многочисленным рядам, к тому, теперь уже заветному для него месту. Остановились напротив, как и тогда, где впервые увидел ее. Улыбчиво кивнул отцу, чтобы тот взглянул напротив, указав на стоящую за прилавком статную девицу.

- Ну как, бать? Хороша? – спросил, не скрывая восторга.

- И-и, бусурманка! – воскликнул отец, увидев девицу с черно-смоляным отливом волос.

- Не бусурманка, а гречанка.

Хороша то хороша, но все же отцу не давало покоя то, как все выйдет с этой гречанкой. И не зная, как поступить с выбором сына, все еще стоял на своем:

- А как же Ганочка, сынок?

- Да что вы, ей-богу, со своей Ганочкой – пуще прежнего вскипел Данило. При этом вся кровь бросилась ему к лицу, и сейчас же отхлынула назад, так сильна была его потребность любви к ней.

Данило, видя такое озабоченное настроение отца, не стал подводить и знакомить его со своей избранницей, оставив это действо на потом. И потому, обойдя ряды и прикупив кое-что с базарного дня, к вечеру воротились в родное село.

Месяц, висевший на небе, давно уже осветил весь двор, а пан Сашко все сидел у крыльца, обдумывая их поездку, принесшую ему беспокойство.

Он озадаченный просидел бы так до самого рассвета, если бы дремота не стала туманить его разум, и он тяжело вздохнув, отправился на покой.

6

Закручинился пан Сашко, огорченный выбором сына, с этой гречанкой. И, чтобы как-то утешить, успокоить самого себя, свою печаль, найти возможность поправить, так сказать, положение дел – обратился он за советом к своему

давнему приятелю, еврею Яше Циммерману, державшему лавку, а при ней шанок-кабак, и который пользовался у всех в округе мудростью и ученностью…

- Здорова, Яша, здорова, друже! – пожали друг другу руку – все торгуешь, – он не разнимая руки взглядом окинул его заведение, – все богатеешь, еврейская твоя душа, – улыбчиво погрозил пальцем – я рад за тебя, друже!

- Доброго дня, пан Сашко! Я так думаю, что ко мне пожаловали не только ради чарки горилки – с его лица не сходила улыбка от похвалы пана, не лишенная, однако, ехидности.

Они присели за стол.

- Пришел просить совет, Яшка – оправив усы, он немного в растерянности, не зная как начать разговор об этом весьма деликатном деле.

- Какой совет? – засуетился корчмарь – что за просьба? – пан Сашко молчал, и он продолжил, воспользовавшись паузой – если есть такая услуга, почему бы и не помочь, доброму человеку.

- Не говори ничего – перебил его пан – лучше выслушай меня. Я бы не стал просить тебя, Яша, но я не горазд на такие тонкости, какие учудил мой Данило. А вы, евреи, в таких делах мастера – погрозил улыбчиво пальцем – по этой части умны.

- Да что случилось? Пан, скажи, наконец!

- Одним словом – замялся было он – Данило влюбился и путается с иноверкой.

- Н-ну, так и пусть путаются. Та-а, поплюйте и забудьте.

- Как, пусть? Как наплюй? – удивился тот – а наша вера, разве можно?

- А-а, пан разве не знает, что бог на то и создал мужчину и женщину, чтобы любились и плодились. Э-эх – тяжело вздохнул – не такое уж ваше горе – он подал ему чарку с горилкой – выпейте для успокоения души своей.

А я в этих делах вам не помощник – он лукаво посмотрел на угрюмое лицо пана – ай-ай – закачал головой – пан думает раз уж и еврей, значит все может, значит все знает, по-вашему.

Сашко с еще большим огорчением посмотрел на него.

- Пан, так на меня смотрит, как будто я задолжал ему десять червонцев… а, кто такая? – наконец полюбопытствовал – знатного ли рода? – съязвил он.

- из Кременчуга, купца-грека Циберцаса дочь, Олимпия!

- Боже, Олимпия!

- Дак ты знаешь, видел ее?

- А как же! – корчмарь соскочил с места, поднял руку вверх, прищурил глаза и покачав головой, продолжил – боже, какая красавица! Мои очи еще никогда не видели такой красоты, как… спелый персик!

Он затем склонился к пану поближе и, сделав знак обеими руками, как будто хочет объявить что-то важное, продолжил:

- Не все же, пановье, вашему роду потреблять одни «галушки», а и треба попробовать хоть раз «персика» - образно выразился предприимчивый еврей, на счет выбора его сына – я вам так скажу: велика власть женщины, коли человек влюбится – и тут же сразу запричитал – дай бог им здоровья, и побольше детишек. Прощай, отчий дом и пусть хранит их бог от всякого несчастья – уже с некоторой печалью, сочувствуя пану как родителю, пропел он.

Подивившись его умственной натуре, пан облегченно вздохнув, пожав плечами, осушил содержимое чарки…

- Коли свадьба, за мной бочка горилки – после небольшой паузы, подмигнув пану с юморцой сказал корчмарь, наливая вторую ему чарку, видя, что тот, вроде уже согласился с его доводами на счет молодых…

Делать было нечего, как ему взять приятеля Яшу в «сваты», ибо надо было уже что-то предпринимать:

«Данило не отступится от своего, и кто как не Яша может разрешить это щекотливое дело. К тому же, он уже, наверное, прикинул, сколько сможет заработать на моем горе с этим сватовством и нашей свадьбой. Не говоря уже об укреплении своего авторитета, разрешив такой вопрос» - думал Сашко.

7

Когда молодые решили не расставаться, пожениться, сообщив об этом каждый своим родителям, пан Сашко, чтобы соблюсти приличие наперво решил познакомиться с ее родителями, чтобы обговорить все дела, надеясь при этом на помощь своего приятеля Яши Циммермана.

В один из ближайших погожих дней, когда солнце подходило к полудню, явился он к нему, чтобы уточнить время поездки.

- Ну так, что Яша, когда едем? – едва переступив порог его жилища, перешел сразу к делу.

- Ай, ай, ай! – покачал головой, - пан думает, что вот так прямо запряг сивку-бурку и айда, в дорогу, - он трогательно улыбнулся, сойдясь в рукопожатии, - что можно вот так не подумавши ехать, сломя голову, к чужим людям, как за своим добром?

- Ну так думай, - не разнимая рук сказал тот, - делай что хочешь только скорейше давай разрешим это дело.

- Завтра! – резанул тот – и рано, так чтобы еще солнце не взошло, - улыбнулся.

- Добре, Яша, - повеселел Сашко, - велю готовить лошадей. До свету будем уже у тебя. Почевай.

- Всего вам, до завтра – Запер осторожно за паном дверь.

Он уже давно обдумал все наперед, что будет говорить родителям невесты, но не признавался пану, поскольку прелюдия разговора будет зависеть от переменчивого настроения купца, которого он знал не первый год, сойдясь с ним, однажды, по торговым делам…

Прибыв на место, к жилищу купца, как и перед всяким важным делом, сойдя с брички, корчмарь, посунувши обшлаги рукавов своего савана, схватил себя обеими руками за пейсики, свисавшие из под яломка и, поворотясь то в одну, то в другую сторону, сплюнул по обычаю своей веры, прежде чем они показались на глаза хозяину. Вышел на крыльцо хозяин и корчмарь начал кланяться ему, поглядывая украдкою на пана, как тот тоже проявит свое уважение, но пан Сашко, только сняв папаху, перекрестился на три раза и водрузил ее на прежнее место.

- Что, за товаром? – пошутил купец, вышедший им навстречу, признав в одном из них своего давнего приятеля, зная наперед, зачем явились.

Корчмарь тут же в ответ тоже шутливо запречитал:

- Ай славный же у вас товар! Ай добрый товар! Такой товар, что ни за какие деньги не купить… Разной веры мы, - сказал уже серьезно, когда сошлись с хозяином в рукопожатии, - но бог ведь у нас один, верно?, - подмигнул, - и когда мы, торговые люди, захотим что-то сделать, то тому и быть.

Хозяин, улыбаясь, доброжелательно кивнул головой, и глядя на них, пан Сашко получил уже некую надежду на положительное разрешение своего вопроса.

Затем, познакомившись и с паном, хозяин любезно пригласил их в дом.

Нет нужды пересказывать их разговор в «покупке» эксклюзивного «товара», стоит только, однако, отметить, что этот «сват» был настолько убедителен, употребив при этом столько лести, что купец был готов не только отдать свою дочь за человека другой веры, но и сам перейти в нее.

- Дай бог им здоровья и побольше детишек. И пусть хранит их бог от всякого несчастья, - сочувствуя уже обоим родителям как родственникам, под конец беседы заключил корчмарь. Договорились о месте и времени свадьбы для молодежи, гости любезно распрощавшись, отправились в обратный путь.

8

Свадьба была пышной. Гуляло все село с приглашенными гостями невесты. Сельчане по-разному отнеслись, обсуждая новости, закончившиеся свадьбой. Одни искренне были рады за молодых, желая им счастья. Другие, не без ехидцы, конечно, заметили, что: «Деньги к деньгам», имея ввиду достаток обоих породнившихся семей, а третьим и вовсе не было дела до каких-то слухов и сплетен, они были рады, что выдался случай погулять-повеселиться. Не было только на свадьбе кумы Параськи, гости баили, что от досады, на нервной почве заболела она горячкой.

И вот в самый разгар веселья, выйдя из-за стола, в укромном местечке возле Яши Циммермана собралась кучка подгулявших уже мужиков, и он с присущей ему деловитостью стал рассказывать: как все началось то, что закончилось этой свадьбой…

- Приходит как-то раз ко мне пан Сашко, - после тяжелого вздоха начал он в расстроенных чувствах, - и поведал то, что случилось с его сыном. Был тот в городе, на ярмарке, и увидел там Олимпию. Как увидел ее, так и потерял дар речи, - он приложил руки к сердцу, - сразу же горячо полюбил ее. Так в этом я вам скажу, нету ничего удивительного, сами глядите на этот… персик, - он взглянул в сторону застолья с молодыми, - главное в том, что она тоже полюбила… этого лоботряса. И вот с этой новостью родитель пришел ко мне за советом, и стал жалобно просить, как разрешить эту историю. Ей богу, так жалостно просил, аж зашло у меня сердце, так просил. Если , говорит, Яша не поможешь, то видит бог пойду и… утоплюсь. О, вей мир! (о, горе мне!) – он устремил свой взор куда-то к небу, - не пропадать же доброму человеку. И что же вы думаете: Как гречанке жить с православным? Их ведь нельзя обвенчать. И тогда моя душа призвала к себе Моисея, в заповеди которого сказано, что мужчину и женщину бог на то и создал, чтобы любились и плодились. Раз так, то

тогда и разрешился мой совет пану. Решили наперво Олимпию покрестить по-православному обычаю и наректи Анисьей. И вот вам, соединились наконец-то любящие сердца…

Так, что же вы думаете, - немного помолчав не унимался он, - эта чертова Параська, раскудахтала по всему околотку, что Яшка Циммерман со своими еврейскими штучками навел порчу на пана и его сына, наделив их этой гречанкой. Эта гадюка Параська ляпнула такое на мою голову за то, что ей не довелось стать тещею Данила, с их добром. И теперь все бабы закудахтали в тон ее злому языку, и когда случается, что я иду по селу, все презрительно оглядываются на меня, проявляют моей персоне неуважение… хотя случалось раньше, что сами благодарили меня за помощь и советы, - он покосился на одного из присутствующих, - а всякая там мелюзга, так те и вовсе завидя меня, проходя мимо крутят мне дули (фиги). Вот как у нас умеют благодарить за помощь.

Закончив свой сказ, он сделал жалобную мину на лице, ища сочувствия у присутствующих, дав понять, что если бы ни он, то не было бы сейчас ни свадьбы, ни на славу закатившейся родителями молодым этой гулянки.

- Я всегда говорил, что Яша Циммерман наипервейший человек во всех житейских делах, - отозвался один из присутствующих в хмельном угаре, и уходя опять к столу, оглянувшись, буркнул себе под нос, - даром что еврей, а не православный – хороший человек.

Это немного облегчило душевной состояние деловому корчмарю: «Все же нашлись сочувствующие люди». Он облегченно вздохнув, посмотрел еще раз на невесту, сидящую за столом и умиленный ее красотой, поворотившись, сошелся взглядом со своей рябой женой, тоже присутствующей на гулянии: «Боже, куда смотрели мои очи, когда ты посылал мне мою Сару» - с грустью думал он.

Обломки

Когда, он выбросил пакет в мусорный бак, медленно возвращаясь к подъезду дома подумал:

«Невероятно, но факт!» - то что с ним произошло, поднимаясь по лестнице, на третий этаж, отмеряет не спеша каждую ступеньку, пытаясь растянуть как можно дольше время.

На этаже, дверь в квартиру была приоткрыта и на площадку с прихожей, пробивалась узкая полоска света. В гостиной был уже погашен и при тусклом

вечернем свете с улицы было видно, как через открытую дверь балкона лёгкий ветерок волновал шторы…

- Ты скоро, где ты там? – послышался её голос из спальни, когда услышала, как за ним захлопнулась входная дверь.

- Да, иду! – и он вошёл… туда, чтобы забыть своё прошлое, и с надеждой на счастливое, пусть может и короткое будущее…

Она стояла у обочины дороги на центральной улице, ближе к вечеру, когда он выехал с какого-то переулка. Ехал не спеша-бесцельно, чтобы может вечером припарковавшись побродить где-нибудь по городскому парку. Глаза его сразу приковались к этой молодой незнакомке, когда она увидев «пустую» машину, быстро нервно бросив сигарету, подняла руку.

У него было время и поравнявшись с ней, стал на тормоз, приоткрыл окно.

- Вам, куда? Здравствуйте!

- Буд-те добры, опаздываю!

- Вижу и так, что вся на нервах, спешите? Садитесь, пожалуйста!

-Подвезёте? Здравствуйте! У моего водителя машина сломалась, не успел починить – сказала куда ехать, захлопнув дверь на заднем сидении. Он тронувшись с места, с лёгкой иронией пошутил:

- У нас имеется даже личный водитель?

Она улыбнулась на его каверзный вопрос.

- Да. Сама тоже вожу… Мало практики… Дела не позволяют… попрактиковаться.

- Понятно. Мы значит бизнес-леди! Завидую вашему водителю – сказал, глянув на неё через зеркало заднего вида.

Она опять улыбнулась и польщённая как-бы безучастно, глядя куда-то в окно проронила:

- За леди, спасибо! Но я не бизнесменша, преподаю в университете и даю частные уроки иностранного языка…

Когда они подъехали к указанному месту, это был жилой дом, она открыла молнию на сумочке, висевшей у нее через плечо, чтобы расплатиться.

- Сколько? – спросила она.

- Нисколько! Когда за вами заезжать?

- Что? Мы разве знакомы? – удивилась она его предложению.

- Тогда может, познакомимся?

- Даже, так! – усмехнулась она и не зная как поступить, поколебавшись несколько секунд, сдержано ответила – Я думаю ближе к девяти.

Он был так очарован её нерешительностью, что быстро произнёс:

- Хорошо! В девять часов буду на этом же месте.

- Спасибо!

В установленное время, он подъехал к тому же месту, где был тремя часами ранее. Вскоре из подъезда дом появилась она, и он заметил, по небрежно наброшенной на плечи кофточке, что она немного выпила – «Была в гостях» - подумал он.

У него появилась тогда желание поиграть с ней. Он вышел из машины и любезно открыл ей заднюю дверь:

- Вечер добрый! Были в гостях, с вами всё в порядке?

- Что заметно? – улыбнулась, глядя ему в глаза.

- Всё хорошо! – сел в машину.

- Тогда поедем.

- Поедем. Вы где живёте? – Она сказала адрес.

Ехали молча, затем первой заговорила она.

- Простите! Вам сколько лет?

- Семьдесят! Легко произнёс он, потому что сказал правду.

- Да! – улыбнулась она – а на вид, я бы дала 50-55.

- Спасибо за комплимент.

- А мне, через месяц будет 45- вздохнула она.

- Вот видите, мы с вами, почти ровесники – взбодрившись, ответил он - что не похоже?

- Да нет, не знаю.

Она видимо подумав о чём-то, засомневалась, стоит ли к себе по приезду приглашать 70-летнего мужчину, пусть даже и моложавого, и он чувствуя её нерешительность, чтобы на этом не оборвалось их знакомство, подъехав к месту, решительно спросил:

- Простите! Можно к вам? Ещё ведь не поздно?

-Да. Прошу вас. Правда я не готова к гостям, но чай для беседы всегда найдётся.

-Ну вот и славно! Я, где-нибудь припаркую машину и забегу в магазинчик, на минутку… За джентельменским набором… Для лёгкого фуршета. Вы не возражаете?

- Нет!

- Ну и прекрасно. Я мигом, а вы пока… Посидите на лавочке… У подъезда – вспомнил, что она курит.

- Конечно, подожду, Вас! Там рядом, есть и стоянка машин- посоветовала она.

Когда он вернулся, уже без машины, с пакетом в руке, она выкурив сигарету, медленно прохаживалась возле подъезда, смотря себе под ноги и увидев его, слабо улыбнулась.

- Простите, что заставил вас ждать – виновато отреагировал он на её улыбку.

В тени брошенной от стоящих у подъезда деревьев; при свете заката её тело казалось загадочным. С той медлительностью, с какой она подошла к двери подъезда, ему показалось, что храбрость её оставила. Чтобы она не сочла его грубым и бывалым в таких делах, намереваясь вместе провести вечер, он решительно сказал:

- Вы не беспокойтесь, я не собираюсь покушаться на вашу невинность… Пусть это вас не тревожит. Просто нуждаюсь в дружеском общении, по причине своего одиночества – он замолчал, затем добавил – в жизни часто случается такое с людьми – помрачнел лицом.

- Я вас понимаю – она вздохнула – тревоги никакой нет, просто, если хотите женское любопытство, толкнуло меня на этот поступок, по всё той же причине обозначенной вами.

Они вошли в подъезд.

- Вот видите! Мы едва знакомы, не зная даже друг друга имён, а уже каждый из нас почувствовал в себе родственную душу. Дорого я сейчас отдал бы за наше понимание друг друга. Во всяком случае, наше знакомство ни к чему нас не обязывает, если что не так, каждый останется при своём мнении.

- Да, вы правы. Жизнь сложная штука.

Когда поднялись на третий этаж и стояли у двери её квартиры, она доставая ключи из сумочки виновато проронила:

- Наверно уже слишком поздно для ужина – глянула на массивный пакет в его руке.

- Для ужина поздно. Вы, правы! Но бокал сухого вина нам ведь не помешает?

- Я думаю, нет!

У входа за дверью прихожей на крючке висела вешалка, она сняла её и подала ему. Он принял от неё снятую на плечики кофточку и повесил на крючок.

- Вы тоже можете снять пиджак – сказала приняв от него протянутый пакет.

- Да, конечно. Спасибо!

Пока она возилась на кухне, он взглядом прошёлся по квартире. Вернувшись с подносом в руках, на котором стояли два бокала, бутылка вина и ваза с фруктами, следя за его взглядом спросила:

- Что-то не так?

- Да нет, всё хорошо. Извините! – ответил он, зная, что неприлично в гостях разглядывать по углам, при хозяевах…

Они сидели в креслах друг против друга, за маленьким столиком, и она нагло разглядывала его. От выпитого он почувствовал в теле игру вина, которая как бы обволакивала его хроническую застенчивость в таких делах.

- Простите великодушно, мне хотелось бы знать, зачем вы на это пошли? – спросил он.

- Вы имеете в виду, зачем пригласила я вас? Разве тут нужны объяснения?

Сказала так, что в её голосе было что-то на грани рыданий, с каким-то отчаянием.

- Вы правы. Извините !!! – смущённо проронил он…

У вас есть семья? – спросила она, когда выпили уже по бокалу вина.

- Нет. Был, конечно, когда-то женат.

- Как же это вы один?

- Так вам и один – вздохнул.

- Кто же управляется с вашими домашними делами?

- Домашние дела мои скромные: небольшая квартирка на первом этаже, которую успел получить до развала… Готовлю сам.

Не такое уже хитрое дело сварить щи и заварить чай, приготовив бутерброды. Стирка в автомате. Так что обхожусь в этих делах без помощников.

- И за всё это время у вас не было женщин?

- Были. Как без них? Но вы сами догадываетесь, какие: Сауны и прочие… Не хочу об этом говорить.

- Вас наверно, мучает вопрос, одна ли я? Да, я одна!

- Нет. Извините! Я взял за правило, знакомясь с женщиной, никогда не интересоваться её прошлым, в особенности, если ты почувствовал, что она тебе нужна. Лучше сделай так, чтобы было счастливое совместное будущее…

Она улыбнулась, видно её устраивал его ответ.

- Раз уж у нас пошел откровенный разговор. – продолжил он – одно вам скажу: Никогда я не был счастлив в личной жизни.

Есть правда у меня взрослый сын, обожал его пока он рос, строил большие надежды с ним на будущее, а вырос… Без сердца, без… Он на минуту замолчал… Бизнесмен. Хотя, не знаю, по сегодняшним меркам нравственности, может и надо быть таким… Иначе не выжить!? Материально всё у него благополучно – «топ-менеджер».

В прочем такое сегодня случается сплошь и рядом. Другое время – другие нравы. Что поделать?

- Но у вас ведь есть, наверное, друзья?

- Друзей нет, равно как и врагов. Приятели есть и недоброжелателей немало.

- Вы, наверное, были руководителем?

- Да. Директор предприятия – он улыбнулся – увы, сегодня такие Топ-менеджеры никому не нужны – немного смутился.

- Я вас понимаю.

- Почему вы так подумали?

- Вы умеете слушать и выражать свои мысли обдумано, эта черта характерна как раз присуща многим руководителям: выслушивать своих подчиненных, коллег, что бы потом сделать правильные выводы, для принятия решения.

- Вы ещё и тонкий психолог.

- Нет не психолог. Но работаю, тоже постоянно с людьми и жизненный опыт кое-какой есть!

А у меня дочь – помолчав продолжила она – рано от меня ушла – как бы в ответ на его откровения сказала она – практически после школы. В прошлом году закончила университет. Поманили её в модельный бизнес, в котором принимала участие ещё будучи студенткой, как я не противилась…

Не удержала. Все хотят красиво жить, причём иметь всё и сразу. В моей опеке не нуждается… Ну да бог ей судья. Она у меня девочка умная, и решительная, найдет своё место в этой нелёгкой жизни. Так, что я за неё спокойна.

Про бывшего мужа ничего плохого сказать не могу, расстались по всё той же банальной причине, присущей многим мужчинам…

- «Может это и есть долгожданная встреча – выслушав её, подумал он - только поздно, очень поздно, но что поделаешь, жизнь проходит и в ней так мало счастливых встреч».

- Вы если хотите, выпейте ещё! – допив бокал сказала она, а я не могу, только из гостей. Пойду приму душ. Вы тоже можете освежиться. В ванной найдётся всё и для вас…

Она поняла, что смутила его, и чтобы поправить положение. в котором оказался он, встала, подошла и села к нему на колени, поцеловав его в щёку.

- И потом – продолжила она – раз я вам позволила войти… В общем нам не надо расставаться и может перейдём уже на «ты».

- Да, конечно! – Он поцеловал ей руку, рука была бледная. Затем поцеловал приподнятое обнаженное её колено подумав: «Как изумительно пахнет её тело», поразившее его желанием и страстью. От этого запаха почувствовал себя сильным, как никогда.

Она рукой погладила его по волосам.

- Пока я буду в душе, вынеси, пожалуйста мусорный пакет – и поднявшись принесла его из кухни – бак во дворе напротив, и поскорее возвращайся…

Он взволнованный не мог ничего ответить, и молча приняв пакет, повернувшись вышел за дверь…

Замужняя невеста

Не помню, как ранним утром сошел с трапа самолета, не чувствуя под собой его ступенек, в голове стояло лишь одно: «За что мне такое испытание». Уже внизу, опомнившись, мне показалось, что эти слова я от отчаяния произнес вслух и что все, недоумевая, посмотрели на меня. Но мне ровным счетом было все равно. Вернувшись домой, сразу же прилег и задремал, забывшись. Проснулся, когда уже уличный свет был подернут сумерками. Прошло всего несколько часов с тех пор, как мы с ней расстались…

_____

Ехать в Сочи пришлось поездом, так как по каким-то причинам «не дали» самолета, хотя в оба конца, согласно путевке, дорога была «авиа». Не отказываться же от отдыха из-за чьей-то безалаберности в работе, тем более, что турагентство клятвенно пообещало компенсацию за ж/д и возвращение обратно только самолетом. Было это во второй половине августа 80-х годов. Поезд Новосибирск-Адлер тронулся, когда в Омске стояла безветренная жара, в вагонах духота. Когда едешь медленно, да еще ничего не делаешь, время идет еще медленнее, много свободного времени. Я привык, в сущности, что у меня всегда так выходило, что много свободного времени, но это уже стало томить.

Ежечасно с некоторой нервозностью я выходил из купе под приоткрытое окно и смотрел на российские дали. Ехал отдыхать по так называемой «горящей» путевке с группой, состоящей из студенток последнего курса технологического института (в народе его еще называли девичий из-за 95% студентов – девушек), решивших провести последнее лето вместе. Таких по «горящим» было в группе нас четверо мужиков, и всем далеко за тридцать. Четверо их сокурсниц не поехали из-за своего замужества. Одна из девушек, как и я, часто выходила из своего купе. Солнечный свет заливал ее русые волосы, когда она стояла у окна. Было видно, что от неудобств и томительной дороги она тоже, как и я, испытывает некий дискомфорт. Глаза ее приковывались ко мне каждый раз, как только я выныривал в очередной раз из своего купе, и мельком замечал, что меня «оценивают». Затем она, отведя свой взгляд куда-то в необозримую оконную даль, давала понять, что ей безразличны частые мои появления. Не имея привычки в подобной «уличной» ситуации заговаривать с женщинами, все же из любопытства изредка посматривал на это прелестное создание. Но это обычно кончалось ничем, переглянувшись несколько раз, каждый возвращался в свое купе.

Меня заставил заговорить с ней на второй день пути случай, когда к ней подошел подросток лет тринадцати, ехавший с нами в группе. Было видно, что они давно и хорошо знакомы. О чем-то переговорив, он ушел, а она продолжала стоять, оглядываясь на каждый стук двери в тамбуре от проходящих по вагону.

- Это ваш брат? – спросил я, придвинувшись к соседнему с ней окну.

- С чего вы взяли?

- Нет, но вы так разговаривали с ним…

- Как? – перебила меня.

- Как старшая сестра.

- Разве? – она улыбнулась, наконец. – Нет, это сын нашей классной из института, которая едет с нами старшей. Светлана Николаевна, да вы уже знаете.

- Да, конечно. А я уже грешным делом подумал, что вы оба с мамой едете, – и облегченно вздохнул.

- Что? – повернулась ко мне, поняв, о чем я, улыбнулась и опять отвернулась к окну.

- Когда уже эти Сочи покажутся на горизонте, наконец, – после минутного молчания произнес я.

- Не терпится искупаться в море?

- Я не люблю море.

- Вот как! Зачем тогда едете? – удивилась она

- Отдохнуть от ежедневной суеты, от этой работы, где добывается хлеб насущный, ну и, может, судьба благоволит на какую-нибудь романтическую встречу. Кто не мечтает вдали от забот пощекотать себе нервы и завести какую-нибудь интрижку. Хотя это меня меньше всего касается.

- Почему? – усмехнулась она.

- Потому что это мечта в основном женатых мужчин, а я холостой, разведенный, если угодно, хотелось бы более серьезных отношений. Я и правда не такой, – сказал это, чтобы подогреть к себе ее интерес.

- Все мужчины холостые, как только вырвутся подальше от дома, – поспешила возразить, чтобы скрыть свое любопытство к последней мною сказанной фразе.

- Вы правы! А все почему? Потому как не удовлетворены ими, этими своими женами, я говорю сейчас не о физическом неудовлетворении, простите, а о неудовлетворенности душевной. Ведь что получается? Мы, однажды встретив молодых-красивых, в силу своей влюбленности возвышаем их над собой – «носим на руках». А женившись, со временем выясняется, что нет в них ничего такого возвышенного. Они просто, простите, самки, рожающие нам детей. И прожив совместно некоторое время, начинаем чувствовать себя обманутыми во сто крат, нежели они нами, когда мы им изменяем. Конечно, можно жить и дальше, уже не любя, по своей привязанности своим долгом и обязанностью перед теми же детьми, заботясь о них, потому что в них есть и частица нас самих, и уж как тут не любить самого себя! Большинство мужчин так и живут с одним долгом и обязанностью. И потом, любая женщина хорошо знает, по природе своей, что мужчине нужны не разговоры о возвышенной любви, в которой клянутся поначалу ей, а ее, простите, тело. Это природная необходимость, куда от этого деться…

Вас не просквозит? – спросил я после недолгого молчания, видя, как проникающий через приоткрытое окно ветерок треплет ее длинные волосы. - Может, разбежимся по купе?

- Очень мило! Только заинтересовали зря своими выводами о нас, уж договаривайте до конца, чего это мы еще не знаем сами про себя, – она пожала плечами. – Да вы просто женский сердцеед какой-то, я посмотрю, прям второй

Мопассан.

- Вы читали Мопассана? – удивился я, в силу ее молодости.

- Кто его не читал, или вы думаете, что мы читали только одну чеховскую Каштанку, – сказала, дав понять, что и они (девушки) знают уже кое-что о мужчинах тоже.

- Вы страшно любопытны.

- Я, – она усмехнулась, – нет, если бы это были все эти ваши рассуждения на отвлеченную тему, тогда я, может быть, нашла это скучным и ненужным для себя, а так, о чем вы сейчас поведали, касается и меня как женщины, разумеется, девушки, – поправила себя.

- То, о чем я говорил, лучше познается на практике и одними здесь рассуждениями женщину не удовлетворить, простите, сейчас мне меньше всего хотелось бы выглядеть хамом в ваших глазах.

Она, улыбнувшись, пошла к своему купе.

- Вас как зовут? – спросил, глядя ей вслед.

- Лена, – не оборачиваясь ответила она

- А я Владимир!

Она на мое произнесенное имя, кивнув головой, вошла в купе…

_____

На третьи сутки пути вагон превратился в какой-то «муравейник». Все ехавшие спешно забегали по вагону с туалетными принадлежностями, приводя себя в порядок после утомительной дороги, везде пахло туалетным мылом, духами и прочей парфюмерией. Но скоро, через час, все успокоились прильнули к окнам, кто в открытых теперь уже настежь купе, кто в проходе вагона. А за окнами нестерпимое сухое солнце, стали появляться признаки первых гор, запахло морем. Я не первый раз в Сочи и потому выработал сам себе некий план пребывания: поселиться по возможности где-нибудь поближе к морю в частном секторе, так легче уединиться и прожить эти две недели; утром ходить на набережную купаться в теплых с ночи водах; днем с корзиной фруктов безвылазно с книгой и прессой-корреспонденцией в руках, в тени на лежаке, а вечером где-нибудь в кафе ужин, и непременно потом побродить среди черных кипарисов. Утреннего чая и дневного фруктового десерта достаточно, чтобы

протянуть до вечернего ужина…

Вот долгожданный Сочи, стали на тормоз у Адлерского маленького вокзала. Побывав в турагентстве и расселившись по углам, группа расползлась, и моя жизнь пошла по намеченному плану. Полный покой, хотя и без особых удобств в частном секторе на какой-то летней пристройке-веранде, совершенно один. Так в одиночестве накупавшись по утрам, належавшись и отдохнув днем, прогулявшись вечером я прожил первую неделю. Но скоро такой распорядок стал надоедать, и я накручивал свое воображение, чем заняться, чтобы не хандрить.

«Куда исчезла моя попутчица? – задал себе вопрос. – А впрочем, это я сам себя заточил…». На другой день не спешил вставать и идти к морю чуть свет, а решил пойти как большинство отдыхающих, ближе к полудню, когда можно принимать солнечный загар. Подойдя к набережной, сняв шорты и футболку, высматривал для себя лежбище, где бы пристроиться.

«В это время всегда многолюдно» - подумал я, оглядывая набережную, и увидел стоящего возле волнореза знакомого подростка. Подошел к нему. Он, повернувшись, щурясь солнцу, глянул на меня.

- Здравствуйте! – узнал меня.

- Привет! Значит ты и есть сын Светланы Николаевны?

- А то вы не знаете.

- Да, теперь уже знаю. Зовут-то тебя как?

- Коля. А Вас?

-Я Владимир Николаевич.

- А чего вы не со своими мужиками? – полюбопытствовал он. – Не любите пиво?

- Какое пиво? Причем здесь пиво!

- Ну как же, ваши друзья каждый день с утра начинают с пивного ларька.

- Ну, во-первых, они мне не друзья, просто из одного управления, поэтому и попали вместе, коллеги, так сказать, по работе; во-вторых, я их хорошо знаю, это уважаемые порядочные люди, инженеры. Что до пива, как ты подметил, то я думаю, что могут позволить себе на отдыхе, как ты думаешь?

- Да мне-то все равно, – отмежевался он.

- Ну и ладненько. Послушай, раз мы теперь знакомы и нас двое среди этого девичника, давай по именам и перейдем на «ты», не возражаешь? – он кивнул головой.

- Ты где поселился? – сразу же он воспользовался моей доверчивостью.

- Да тут недалеко, в частном секторе, во дворе на веранде.

- А мы в пятиэтажке, мама любит, чтобы жилье было благоустроенное. С нами еще две девочки из нашей группы. Лена и Света, ты их видел. Мы одни в квартире, без хозяев.

- Это та Лена, с кем ты разговаривал там, в вагоне?

- Та-та, – заулыбался. – Что понравилась? Ты ведь тоже с ней говорил.

- Да было дело. А ты откуда знаешь?

- Слышал, как она болтала про тебя со Светой.

- А где они, дома?

- Зачем, вон лежат на матрасах, загорают. Посередине пустое место, мое, – гордо заявил он. – Мама сегодня не пошла с нами, перегрелась вчера, отдыхает на квартире. Ну что, пойдем к девчонкам?

Мы подошли к ним. Они лежали, подставив спины солнечным лучам и за неделю изрядно подзагорели, стали их тела отдавать кофейным блеском.

- Привет всем! – сказал я, и на моё обращение подруга Лены повернулась набок. – А вы Света, стало быть – поспешил я избавить ее от излишней вежливости.

- Да, здравствуйте, – мило улыбнулась, – и мы наслышаны о Вас, – она взглянула на Колю и, поднявшись, кокетливо сказала ему. – Пойдем покупаемся, а то я без тебя боюсь воды.

Она из любезности оставила нас, чтобы мы могли поговорить. Они пошли к воде. Я присел на край матраса. Лена, до этого не реагируя на мое внезапное появление, после их ухода обернулась ко мне, сверкнув глазками и печально усмехнувшись, опять отвернулась.

- Вы не скучали без меня? – первым заговорил я. – Моя наука не пошла вам на пользу?

- А вы не засиделись дома? – с какой-то даже ехидцей на мою дерзость отреагировала она.

- Упрек принимается. Судя по вашему настроению, мои предсказания насчет «практики», извините, за эту неделю не сбылась, и слава Богу!

Она, опять повернувшись, со строгим лицом посмотрела на меня, но, не справившись со своей серьезностью, улыбнулась.

- Как-то странно, – продолжал я, – все же мы не виделись целую неделю после нашего разговора там, в вагоне, а мне кажется, что я уже привык к вам, чувствую в себе что-то тайное к вам, даже не знаю, что делать, то ли страдать, то ли негодовать или радоваться.

- Как можно страдать по человеку, – оживилась она, – когда в сущности не знаешь его.

Мы стояли у волнореза под греющими лучами солнца, когда из-за горного склона зашла серая туча. Слегка дунуло ветерком, и на минуту туча закрыла солнце, потянуло прохладой сразу же.

- Вдохните, какой озон! - сказал я, почувствовав на обнаженном теле свежесть.

Она развела руками, подставляя загорелые ладони дуновению ветерка. Я взял ее руку. Она не отняла руки и взглянула на меня так, как будто хотела сказать: «Я ничего не имею против наших отношений».

- Послушайте, Лена! Не поужинать ли нам сегодня вместе, я приглашаю. А затем можно побродить по парку или по склонам Голубых далей.

Она свое согласие выразила молча, только улыбкой, при этом слабо сжав мне ладонь.

- Судя по сему, ночь сегодня будет прекрасная и интересная, надеюсь.

- Надежда - неплохое слово, – уклончиво ответила она, чтобы скрыть свое смущение.

_____

По вечернему городу шел к условленному месту встречи, когда уже большой месяц висел на небе зеркальным кругом. Было немноголюдно. Широкая улица была хорошо освещена и этот свет странно как-то мешался с лунным светом. Вечер был так свеж, и было так тепло, что в легком наряде было идти одно удовольствие. Дойдя до места, не успел оглядеться вокруг, как увидел ее. На

ней было вечернее легкое малинового цвета платье и такого же цвета туфли на шпильках. Платье очень нарядное, длинное, облегающее ее великолепную фигуру. Оно необыкновенно шло к ее тонкому загару обнаженных плеч и русым волосам, и во всем этом было в ней что-то таинственное. Ее лицо отдавало прекрасной бледностью, той бледностью, какая бывает у всякой взволнованной женщины.

- Добрый вечер, – мило улыбнулась она, чувствуя по-женски, что я восхищен ею в этом наряде.

- Добрый! Какой вечер все же, – поспешил заговорить, чтобы не смущать более в себе ее очарование, – есть нечто совсем особое в таких теплых и светлых вечерах. Ты не находишь?

- Да, ты прав. Какое счастье бродить по вечернему городу, – сказала, улыбнувшись, тоже в первый раз говоря мне «ты».

На мое предложение ехать в Лазаревское в ресторан, она отказалась, сказав, что туда и обратно дорога займет много времени, и предложила пойти здесь, в Адлере, на какую-то веранду, пристройку к ресторану, что было почти совсем рядом…

Мы вошли в тускло освещенный летний ресторанчик. Заказали ужин и поначалу выпили по бокалу белого вина. За столом говорили по пустякам: об учебе ее, как дороги здесь фрукты на юге, дороже, чем у нас в Сибири, и болтали о прочей чепухе.

Я за разговором доверчиво смотрел на нее и думал: « А мне чего-то лучшего, чем она, и не надо». По причине одиночества и влюбчивости я быстро привязывался к новым знакомым. За ужином мы почувствовали себя близкими. Когда, наговорившись и допив вино, вышли под слабым хмельком из ресторана, я чувствовал уже ее расположение к себе. Сразу это создало некую интимность между нами, дало мне смелость в дальнейшем обращении с ней, и уже как бы некое право на нее. Хотя темнело поздно, все же у нас почти не оставалось времени до полной темноты побродить по городу, а нам не хотелось расставаться, и я предложил:

- Пойдем ко мне.

Она усмехнулась и, взяв меня под руку, прижала ее к себе. Расслабившись, шла, положив голову на мое плечо…

Вернулись к полуночи, когда во дворе моей хижины стоял полусвет и царила тишина, только иногда стоящие во дворе большие кусты осторожно трепетали листвой от набегавшего слабого ветерка. Войдя ко мне на веранду, не зажигая света, сели в плетеные кресла. В полумраке глядя на нее, я оцепенел в том страшном и дивном, что так внезапно и неожиданно совершилось: «она со мной». Я сидел, даже как бы потерявшись во времени, когда услышал ее негромкий голос:

- У тебя есть здесь душ?

- Да, конечно, – поднялся с места, – вода теплая, нагрелась за день, тут за ширмой. Душ, правда, одно название, но ничего, всегда можно освежиться.

- Зажги свет, или нет, не надо. Где у тебя полотенце?..

Она сняла через голову платье, положив его на спинку кресла, сняла не спеша туфли. Молодость и красота ее волновали мне сердце. Подойдя к ней сзади и подавая полотенце, я не совладал уже с собой, и обнял за обнаженные плечи. Она запрокинула назад голову, и я поцеловал ее в щеки, губы. Когда она вышла из душа, прикрывшись полотенцем, и что-то болтала, приводя волосы в порядок, меня в ней еще больше возбуждала та откровенность, с которой она говорила, расхрабрившись от действия выпитого вина. Во мне сразу же вспыхнуло сладострастное желание воспользоваться ею, как мне показалось, еще совсем неопытной. Подойдя, обнял ее и почувствовал тягу ко всему ее телу. Она с веселым спокойствием подняла руки, положив их мне на плечи, уронив полотенце. Взяв ее на руки, шагнул в угол, где стояла кровать. Когда, откинувшись на подушки, я жадно целовал ее, она сладостно что-то бормотала, вызывая во мне еще большую страсть к ней…

Проснулся, когда на наше ложе уже упали лучи утреннего рассвета. Она лежала на моем плече, слегка отстранившись, глянул на нее. Она, почувствовав мой взгляд, открыла глаза и спешно отвернулась, тяжело вздохнув, я понял, что ее что-то беспокоит. Был ли этот тяжелый вздох признаком любящей женщины или таил в себе что-то, что ее волновало, не знаю, но она побледнела, когда я спросил:

- Что-то не так?

- Что я делаю, – в сердцах проронила она, бросилась в объятья, и чуть слышно дыша, с умирающими глазами шепнула:

- Бери меня всю!..

Провалявшись в постели до полудня, наконец поднялись. Она стала приводить себя в порядок, пройдя в душ. Когда вышла, я предложил чай, но она отказалась, сказав:

- Какой чай в это время.

На мое предложение проводить ее она пошутила:

- На улице ведь день, поди не потеряюсь.

- Тогда до вечера, Леночка! Нет, давай через 2-3 часа, до вечера не выдержу без тебя, – пошутил уже я.

- До вечера, – надев туфли, взяла сумочку.

- На том же месте, в тот же час.

- Хорошо.

Дойдя до калитки, она сама нежно меня обняла и поцеловала в щеку, затем быстрыми шагами пошла, стуча каблучками.

Стоит ли говорить, с каким трепетом и желанием я ждал вечера и встречи с той, которая стала дорога моему сердцу. Днем выбрался в город пополнить нашу корзину фруктами и сладостями. Запах лаванды и прочей экзотической зелени этих мест стоял повсюду от прогретого к полудню воздуха…

Она была на этот раз в белых шортах, белой футболке и легких туфельках с сумочкой на плече и пакетом в руке. Мы уже как близкие, не стали обмениваться любезностями при встрече, я только, приняв от нее пакет с какими-то вещами, спросил:

- Мы сегодня где ужинаем?

- Дома, – спокойно ответила она.

- Дома! Ну что ж, прекрасно. Здесь по пути есть гриль. Как мы относимся к «Цыплёнку табака»?

- Положительно.

- Ну и ладненько.

Вечер у нас получился намного романтичнее, нежели в прошлый раз, с застольем и при свечах.

Ночь была так тепла и великолепна, что нам казалось, нет ничего милее этой нашей хижины, где мы, налюбившись, лежали с каким-то умилением.

На следующее утро проснулись рано и до чая успели пойти искупаться, как это делал один я прежде. К этому времени, в ранний час, туман у набережной уже расходится и уходит куда-то выше к вершинам гор. Во второй половине дня, приводя себя в порядок, она не была уже так смущена, в разговоре весела и рассудительна. Я взялся проводить ее, когда она сказала, что нужно ей прийти сегодня пораньше к своим. Подойдя к пятиэтажке, где они квартировали, поинтересовался, нужно ли договариваться о дальнейшей встрече.

- Что здесь договариваться, – ответила она, – встаем мы поздно, а ближе к полудню всегда у моря на прежнем месте.

- Все понятно, – я поцеловал ее в щеку, и она вошла в подъезд.

В этот вечер был один, и как-то все без нее вдруг стало безразличным и серым вокруг, эта наша убогая обитель, подарившая нам несколько часов счастья. Прилег уже поздно с надеждой, что завтра снова увижу ее. Так в мечтах и грезах, забывшись, уснул.

Утро следующего дня было как всегда теплым, но солнце с его живительными лучами стали чаще закрывать целые полчища туч, и я был обеспокоен, пойдут ли они в такую погоду на пляж. Но скоро с появлением ветерка тучки скрылись за гребнями гор, и мои опасения были напрасны. Близился полдень, и было уже даже жарко, воздух во дворе стоял неподвижный со слабым запахом хвои. Я, собравшись по-пляжному, пошел к морю.

Мой юный приятель Коля стоял уже на волнорезе «маяком», дав мне сразу возможность сориентироваться в этом многолюдном лежбище голых тел. Подойдя к нему, поздоровались как приятели. Я стал высматривать, где же мой предмет обожания, а он все как-то загадочно смотрел на меня, а потом спросил:

- Ты что, влюбился в Ленку? Она сегодня не пришла, ей нездоровится.

Я подумал: – «Мал ты еще рассуждать о любви».

- Она ведь замужем, – воспользовался он моим молчанием.

- Да ну!

- Правда-правда. Четверо девчонок из их группы, что поженились, не поехали, а ее дома отпустили, потому что со Светой, они с детства подруги. Не веришь, можешь у мамы спросить. Света этого, конечно, не скажет тебе.

Тут же внизу у заветного теперь уже волнореза я увидел ее подругу одну. Ошарашенный такой новостью, не знаю зачем, подошел к ней.

- Приятного отдыха, – поприветствовал ее.

Она кивнула молча головой и, сурово посмотрев на меня, сказала:

- Приятного мало.

- А что так! Что-нибудь случилось?

- А то вы не знаете. Заморочили девчонке голову, она места себе не находит. Вчера вечером чуть до истерики дело не дошло. Поиграли ись, молодой человек, и довольно, – настаивала на своем.

- Я вижу, вы посвящены в наши отношения.

- А то трудно догадаться, когда она не живёт по ночам дома.

- Нет, но я к ней со всей серьезностью.

- Да в том то и дело, что мы всегда такие серьезные, когда не надо!

- Она что, замужем? – после недолгого молчания спросил я.

- Это она пусть сама вам скажет, и, пожалуйста, не зовите ее больше к себе, я прошу вас, наберитесь мужества!

- Да, но я ведь не просто так, ради развлечения, как вы выразились, «поиграли сь и довольно». Простите, вы не допускаете разве, что у меня могут быть к ней какие-то чувства.

- Вот именно, какие-то! Начувствовались уже, довольно! – не унималась она. – А то для нее этот отдых превратился в сущий кошмар, извелась уже вся. Ладно она, но вы-то мужчина, простите, должны быть сильнее своих чувств. Осталось два дня, пусть хоть успокоится.

- Извините! – сказал я и поспешил покинуть набережную.

_____

Еще вчера я даже не подозревал ничего такого, блаженно и страшно замирало сердце при одной только мысли, что мы уже не будем вместе. Я помнил ее еще всю, помнил запах ее и молодое красивое тело. Чувствовал в себе еще испытание наслаждений ее женской прелестью и вдруг тут такое. Я не находил себе места и думал, как прожить эти полтора оставшихся суток до отъезда. Неужели все, что было между нами, только забавное знакомство, о котором, судя по реакции ее подруги, посвященной в наши отношения, уже нельзя даже думать. Эти полдня прошли в кошмарных муках, не помню, когда уснул, но проснулся поздно, когда уже был день. Нужно было отвлечься, чем-то заняться, отвлечь себя от мрачных мыслей. Удивительно, но встал я со свежей головой, и ясно представлял, что до этого со мной произошло.

Приняв водные процедуры и приведя себя в порядок, вышел побродить по городу и выпить в какой-нибудь забегаловке чашку – другую горячего черного кофе.

Прогуливаясь, бесцельно бродя по улицам, не знаю зачем подошел к тому летнему ресторанчику, где были вдвоем. Днем там было немноголюдно, вошел и сел за столик в углу окна. Заказал мясное и сто пятьдесят граммов водки. Затем опять бродил по городу, было как-то тихо, немноголюдно на улицах и казалось, что этот совершенно чужой для меня городишко, был проникнут сочувствием ко мне…

Вернулся к месту, где квартировал, уже ближе к сумеркам, когда уже красноватым диском висело вечернее солнце. Прийдя прилег на кровать, чтобы передохнуть, а затем собраться назавтра в дорогу, но неожиданно для себя заснул, а когда проснулся, было раннее утро. Не спеша умылся, долго пил чай, потом собрал свои вещи и сразу же поехал в аэропорт, хотя до отлета было еще много времени. Скоро стали съезжаться все наши, весь этот девичник и мои мужики-коллеги, которым после регистрации я составил компанию, и шутя они делились впечатлениями от пребывания на море. Наконец объявили посадку. Мы вошли последние, когда наши девушки уже расселись по местам. Когда взлетели, я попросил девушку, сидящую рядом с Леной, пересесть на мое место, и по тому, как она молча поднялась, не задавая лишних вопросов прошла на мое место, мне стало ясно, что о наших отношениях она тоже в курсе. Когда я тихо присел, Лена даже не взглянула на меня.

«Снова она рядом». Я взял ее ладонь в свою, она не отстранила ее. За все время полета мы не проронили ни одного слова, только слегка задремав, она опустила свою голову на мое плечо. Я нежно поцеловал ее в лоб, чувствовала ли это она?

Приземлившись, выходили из салона последними, так как сидели в первых рядах. Я, поднявшись, пропустил ее вперед, затем она жалобно взглянула на меня, наконец, и виновато тихо проронила:

- Вовочка, ты не подходи ко мне, пожалуйста, меня могут встречать.

- Кто? – вырвалось у меня.

- Муж. Если захочешь увидеться, то в институте, группа 53т.

Она пошла, а я остолбенел на месте. Затем меня кто-то взял под руку. Я оглянулся, это была Светлана Николаевна:

- Послушай, я не думала, что это у вас с ней так серьезно. Думала, пусть потешатся и разойдутся. Да, история! Ну возьми ты себя в руки, – говорила все время мне «ты», хотя мы едва были знакомы, – пойдем, уже все сошли, – и в сопровождении, вышел из самолета.

Компаньон

Я жил тогда уже в деревне, когда, уладив все дела в городе, оставив в положенном месте машину, в центре, направился в летнее кафе-веранду перекусить немного перед дальней дорогой к дому. Не успел отойти и десяти шагов, как меня окликнул, как мне показалось, знакомый голос мужчины, я оглянулся на окрик.

«Николай!» – мелькнуло у меня в голове. Оставив тоже свою машину, он подходил ко мне сбоку, на ходу приглаживая свой поседевший и поредевший плешивый чуб. С тех пор как мы виделись последний раз, вернее, расстались, и надо сказать, совсем не дружелюбно, прошло более пятнадцати лет. Когда-то мы были служащими одного предприятия и в девяностых годах, оставив службу, организовали фирму, став соучредителями на равных правах.

Деятельность фирмы была связана с работой на химическом производстве, сулила неплохие в будущем доходы. Николай возглавил ее, а мне была отведена роль технического руководителя, поскольку я по образованию инженер, а он гуманитарий. Так условились изначально. Поначалу шло все хорошо, и, обустроившись, союзно проработали несколько лет, с каждым годом все крепчая. Но потом я стал замечать за ним, что он несколько изменился, старался решать в обход меня какие-то ключевые вопросы, в которых мое участие

обязательно как соучредителя. И мне вдруг «стукнуло» в голову в части траты наших общих производственных денег заподозрить его в махинациях. Подозрения дали сразу же о себе знать, я оказался прав. Преданность друг к другу, которой мы дорожили все эти годы, куда-то сразу исчезла, а появилась ненависть у меня к нему за его невежество, предательство и нечистоплотность в наших отношениях.

Помню, как тогда, изобличив его, у меня во рту все пересохло, и это мое непонятное состояние не прошло до того момента, (он был на тот час в отъезде), пока я не высказал ему всю подноготную которую он чинил в обход меня. Одним словом, мы расстались навсегда, разделившись…

Как-то неловко я первый сунул ему руку, видя его замешательство, он же, напротив, изъявил свой восторг встречи, крепко сжав мою протянутую руку. Хотя он за эти годы внешне изменился, но блеск его бесстыжих голубых глаз был тот же.

- Время у меня в обрез, – сказал я, - тормознул перекусить перед большой дорогой. Можешь составить мне компанию, – не глядя ему в глаза, любезно предложил ему.

- Да, конечно, можно поговорить, – отозвался он на мое предложение.

«И зачем я его пригласил» - думал я, когда мы остановились на площади, чтобы пропустить уходящий автобус. По тротуару зашли в летнее кафе. Присев в уголке, заказали по мясному блюду и чашке кофе. Он тут же стал припоминать разные случаи того времени, когда нас объединяла совместная работа. Не знаю, искренне ли, но сожалел о том, что не сумели сохранить товарищеские отношения, намекая на то, что мои обвинения послужили раздору. Пока, сидя за едой, не спеша жевали, он изливался и кипел воспоминаниями, а я с каким-то странным чувством зачем-то поддакивал ему. Иногда покачивал головой и бормотал что-то ему в ответ. Когда работали, имели в то время и собственное местечко для отдыха, сауну со всеми атрибутами активного отдыха, где ни одно застолье не обходилось без девиц.

Он впился в меня своими голубыми глазами, как будто спрашивая: «Ты счастлив», ибо, по-видимому, никакое состояние не смогло принести ему счастья. Мне, признаюсь, никогда не приходило в голову, что такой человек, как он, может быть несчастным.

- Ты помнишь, у меня была тогда девушка Анюта, не из тех, что…

- Да конечно, помню, – перебил я его, – продавщица парфюмерии из бутика в торговом центре. Приметная была девушка, тебе всегда везло больше на них, красивых и длинноногих.

- Вообще-то я не люблю распространяться на амурные свои похождения, – продолжил он, – но то было время, когда я не на шутку увлекся ею, и что характерно, она мною тоже, несмотря на разницу в двадцать лет между нами.

- Да я знаю, при мне же все происходило.

- Но я же человек семейный, хотя и был привержен любовным страстям. Была в Анюте какая-то особая черта и порядочность, и какая-то особая гибкость в поведении.

Он бросил на меня удивленный взгляд, словно задав себе вопрос: «Слушает ли он меня». Я кивнул головой, и он продолжил:

- Как-то вечером зашел в торговый центр. Бог ты мой, как я тогда волновался, увидев ее в первый раз. Сколько их перебывало в нашей сауне, – продолжал он задумчиво, – проще всего совратить девушку. Едешь на «джипе», увидел «всю из себя», тормознул, и уже полдела сделано. Собственно, в такой обстановке и слов никаких особых не требуется. Все бесстыдное, похабное сглаживается само-собой. На близком расстоянии все становится проще. Но в тот раз с Анютой, – помолчав секунду, снова заговорил он, – я вынужден был обходиться более чем деликатно: простите да извините, а когда следующий раз встретимся и т.д. Одним словом, ни о каком-то интимном сближении в первую встречу и речи не могло быть. Мне интереснее было добиться ее согласия через ее чувства. Ну я и начал обхаживать, – отхлебнув остывший уже кофе, все продолжал он.

- О чем же ты говорил? – неожиданно для себя зачем-то задал ему вопрос.

- О себе разумеется. Я хотел ее заинтересовать собой и, по-моему, мне это удалось.

Боже, до чего я был взволнован, слушая его, и старался сам не смотреть ему в глаза, а уставился куда-то в пол. Сентябрь месяц на исходе, и гулял по веранде слабый ветерок, принесший откуда-то кленовый лист, катавшийся по полу. Мне вдруг вспомнилось, что и тогда тоже стояла осень, в тот день, когда он впервые заявился с ней в нашу обитель.

- Ну а дальше, – зачем-то спросил я, не поднимая глаз.

- Дальше, счастье было уже… позади. Конец в таких случаях всегда один, это до первого сближения летаешь в облаках, а потом… Я стал от нее уставать. Она все

чаще стала расспрашивать об моих отношениях с женой, намекая на развод. Я, конечно, все спокойно выслушивал, а сам думал: «Так чего доброго попросит денег на свой собственный бутик или небольшой магазинчик». Но как-то проронила раз, что мечтает стать учительницей, и у меня немного отлегла от души тревога. Так что тянулся наш роман не особенно долго. Ты уже уходишь? – спросил он, когда я, допив кофе, взглянул на часы.

- Да, тороплюсь, я ведь тебе говорил перед встречей, что уезжаю из города. Приятно было повидаться, – слукавил я.

Перед тем как мне встать, он сам себя же спросил, что стало с ней, где она теперь.

- Где-где, – вырвалось у меня, – в деревне работает директором школы.

- Ты что ее видел? – удивился он.

-Видимся каждый день.

-Как?

-Как! Очень просто.

«Ему надо было сказать, наверное, сразу о ней, как только он затеял этот разговор, может, тогда эта встреча была бы не так унизительна для меня,» - подумал я.

- Она замужем? – поинтересовался он.

- Да!

- И кто же муж?

- Я.

Его обе щеки нервно дернулись и опали. Блестевшие всегда так неотразимо глаза потускнели. Я, взглянув на него мельком, подумал: – «Неужели эта скотина склонна к переживаниям?»

-Да, вот такая история, – сказал я, – встретились с ней случайно, сперва у меня и в мыслях не было, но потом мы поженились, несмотря на разницу в двадцать пять лет. Я ведь после развода больше десяти лет был один, «сауна» спасала. У нас уже дочь через два года школу заканчивает. Она очень похожа на Анюту и не только внешне. Я с ними очень счастлив.

Я посмотрел на него, и мне показалось в этот момент, что он стал не похож сам на себя, такой был у него удручающий вид. Я еще подумал про себя, последний раз взглянув на него: «И этот серенький мужичишка когда-то унижал то, что так мне дорого».

-Будь здоров! - не подав и руки ему на прощанье, я встал и вышел.

Настоятельница монастыря

Майский вечерний день. Холодно горят уличные фонари в центре ночного Омска – везде веет прохладой. Разгоряченная и возбужденная танцами молодежь расходилась с набережной площадки с лирическим названием «Волна», - завсегдашное место препровождения в выходные дни в начале 70-х годов. Они оживленно спешили в одиночку, парами или группами по тротуарам центральных улиц, кто в ближайшие свои переулки, а кто на остановку последнего уходящего транспорта. Выделившись из общей толпы, возвращались домой и мы с товарищем. Пройдя не спеша мост, а затем центральные площади, свернули на полузатемнённую ул. Оржоникидзе, по которой в то время бегал еще трамвай. Ехать к моему жилью было всего три остановки, но, пропустив уже два вагона, решили пройтись пешком и незаметно нагнали двух идущих впереди девушек….

– Девушки, не хотите ли разделить с нами компанию, – вызвался мой приятель.

– Да не цепляйся ты, к школьницам, – одёрнул я его.

На мое высказывание по поводу их малолетства одна из них оглянулась назад и, бросив равнодушно взгляд на нас сверху донизу, отвернулась проронив:

– В другой раз, мальчики.

– Другого раза может и не быть, девочки, - отозвался опять мой товарищ. – Тем более, нам, наверное, по пути. Вы ведь недалеко здесь живете?

– С чего вы взяли? – отозвалась она же.

– Два вагона уже прошло, а вы не стали садиться, значит, живете где-то рядом, раз решили прогуляться.

– Ну допустим, что из того? – наконец заговорила вторая.

– Да, ничего… Ой! Мой трамвай, – обратился ко мне товарищ, – я, наверное, все же поеду…

Подходящий трамвай загремел рельсами, и в сумерках было видно, как над ним от контактного провода сыпались с шипением и угасали зеленые звезды. Из вагона вышла небольшая группа молодежи, похоже студенты, поскольку двинулись шумно гурьбой в сторону рядом расположенного института. Приятель мой вошел в полупустой ночной вагон, и через минуту его огни уже замаячили где-то там, впереди. Пока мы с ним обменивались прощальными любезностями, договариваясь о следующей встрече, я потерял из виду девушек – попутчиц. Направился дальше к дому на ул. Кемеровскую… Впереди меня шла одна из них, та, которая по большой части молчала, – как и я. Она свернула в проулок. Я было уже пошел прямо дальше, но из праздного любопытства повернул за ней, стараясь быстрым шагом догнать ее…

– Вы тоже остались одни, проводив подругу? – спросил я, когда поравнялись. – Простите, раз уж мы с вами немного знакомы, хотя, может, и таким бестактным образом, то с моей стороны было бы большим свинством не проводить вас к дому, в столь поздний час… Да, вы не беспокойтесь, мой поступок в отношении вас совершенно бескорыстен… хотя, если вам неприятно, я могу уйти.

– Как вам угодно, – не глядя на меня наконец отозвалась она на мои притязания…

– Не понимаю, какая нелегкая занесла нас на эту площадку, когда бродили по вечернему городу. Это все мой приятель, – оправдывался я перед таинственной незнакомкой, – простояли там как идиоты до полуночи…

Звали ее Полиной Говоровой и родом вроде откуда-то с юга, а в общем, я особо не допытывался. Она жила в общежитии финансового техникума, который уже заканчивала. Общежитие находилось недалеко от церкви на ул. Тарской. И теперь уже каждый вечер я приходил туда в установленное время, и мы с ней ехали на трамвае до центра, а затем уже оттуда шагали, взявшись за руки, по вечернему городу. Я не знал, чем это все должно было кончиться, да собственно старался и не думать. Но несколько майских вечерних дней препровождения с ней давали мне понять, что думать о какой-то скорой близости с ней было бесполезно – не тот случай. Она хоть и не была строга и неприступна в наших отношениях, но все же держала меня в каком-то мучительном ожидании, и я надеялся, авось все переменится. Но как бы то ни было, я все равно был рад, даже чувствовал некую обязанность уже проводить с ней вечера…

Когда приходил к ней, то всегда она пробегала по коридору молча, не глядя, мимо меня, и когда мы уже были на улице, она вместо «здравствуй», кокетливо повернув слегка голову, подставляла щеку для поцелуя. На этом изо дня в день наша с ней близость заканчивалась. Затем она всегда протягивала теплую руку, и, взявшись за руки, мы бродили так по вечерним улицам. Мы были молоды и настолько хороши собой, что некоторые прохожие провожали нас взглядом. Характера я был спокойного, рассудительного, мог выслушать собеседника, дав ей высказаться, если даже в чем-то с ней не согласен или не настроен был на предложенный ею разговор. А она была живая, даже чересчур разговорчива и, по-видимому, думала, что всегда права в своей высказанной правоте, поскольку я ее никогда не перебивал. Одним словом, насколько я был молчалив, ровно настолько же она была склонна к болтливости. Ее красота была в великолепных до пояса густых тёмно-русых волосах, голубых, как небо, глазах, великолепную фигуру подчеркивала легкая, голубая под цвет глаз кофточка и такого же цвета штаны, взятые снизу на пуговицы чуть выше щиколотки…

Ее любимой темой были рассказы про различные храмы и монастыри, а еще про цветы.

– Откуда ты все знаешь? – клирос, диакон, риза и слова то какие, – удивлялся я.

– Я иногда захожу в церкви, – улыбнувшись, искоса посмотрела на меня, как я отреагирую, – когда там проходят службы, ну и, конечно, если позволяет время.

– Разве в наше время проводят службы, в церквях? – еще больше удивился я.

– Да! Здесь, правда, на Тарской только по церковным праздникам, в пасху, к примеру, а на ул. Труда каждую неделю верующие посещают церковь.

– Это где?

– За ж/д вокзалом, где конечная остановка трамвая.

– Не знал, что ты не на шутку увлекаешься религией, а еще, наверное, комсомолка? – уже серьезно спросил я, подумав: «Монашки» еще не хватало в моей «коллекции».

– Комсорг курса, – усмехнулась она. – Я не увлекаюсь религией, – она, помолчав немного, пожала плечами, – просто это так все театрально… все эти службы!

Когда же я насмешливо подшутил над ней: – «Вот что значит жить рядом с божьим храмом, как это заразительно действует на человека!» - она обидчиво высвободила свою руку из моей, удивленно посмотрела на меня и, отведя свой взгляд в сторону, сказала:

– Ты ужасно не выдержан и лишен элементарного чувства такта.

– Это я-то, по большей части молчаливый.

– Дай мне договорить.

На что я не без иронии на ее упрек ответил: – Я уже благодаря твоим рассказам настолько осведомлен и погружен в эту тему, что идя к тебе, проходя мимо церкви, рука сама тянется перекреститься.

На мое высказывание она ни чуточку не чувствовала обиды, а даже довольна была собой, как мне показалось, и продолжила говорить как ни в чем не бывало…

– Да-а, если такой интерес к делам духовным, то тут уже не до любви, – я все своими высказываниями подвигал ее на более близкие отношения, на что она ответила уклончиво:

– Что касается любви, то ты у меня первый и последний. …Но довольно об этом…

– Начало любви во внимании глаз, – не унимался я, продолжая ее заводить, – в поцелуе в уста, – шутливо начал преподносить уроки любви, - а конец… «конца», по-видимому, у нас с тобой не будет никогда!? Мое дерзкое бесстыдное высказывание, по-видимому, задело ее за живое, и она тут же выказала свое самолюбие, не разнимая наших рук, резко повернулась навстречу, и мы стали лицом к лицу. Осторожно, как неопытная девица, она, не разжимая своих губ, коснулись моих…

– Доволен? – ничуть не смущаясь своего поступка и неопытности, сказала она.

– Ну, это уже что-то.

Минут пять мы шли молча. Вечер был тихий, от солнечного заката багровел горизонт, воздух хотя и прогретый за день, но все же мягкий, весенний и на душе как-то нежно, а мне немного почему-то все равно грустновато.

– В прошлом году, – первая прервала она молчание, – здесь, в городе, в это же время убили священника, присланного, кажется, из Смоленска, молодой, лет тридцати, и хоронили его из храма. Я была тоже…

Хотел было спросить, как она попала туда, но промолчал.

– Представь себе, – продолжила она, – храм с его расписными сводами и стенами сумерки, внутри зажжены свечи, а напротив алтаря стоит на колоде гроб, покрытый золотой парчой, и поверх парчи – черная вязь. Красота и

одновременно ужас, покойник все же под этой красотой лежит. У гроба стоят диаконы со свечками в руках, а один у изголовья с кадилом.

– Какие страсти мы рассказываем, – отозвался я, когда она на минуту замолчала.

– А на двух клиросах по обе стороны предела иконостаса стоят два хора женщин и поют перекликаясь, – продолжила она, – все поют в унисон, один предел стихнет – второй запоет, стихнет этот, подхватит первый. Есть что-то в этом… какая-то старая дивная Русь. Она только и осталась в монастырях – в церковных песнопениях. А на праздники до чего дивно поют. Я прошлый год ходила туда прослушиваться, – как мне показалось не без гордости сказала она. – Поют, а народ-прихожане тихо входят и выходят. И так весь день, пока идет служба… Ой, уйду когда-нибудь и я в монастырь!

От ее рассказов отвлеченных и далеких от желания двух молодых людей признаюсь иногда задавал сам себе вопрос: Зачем я вообще с ней встречаюсь? «Мой интерес невыполним в моих желаниях, ибо для этого нужно какое-то обоюдное влечение и, как минимум, проявление симпатий друг к другу…

Так прошел май месяц, и в начале июня, в одно из очередных вечерних свиданий, среди недели, уже при расставании она попросила на следующий день не приходить, а прийти дня через три в субботу, часам к трем, а не вечером, как обычно, поскольку эти дни до субботы будет занята сдачей гос. экзаменов.

Я пришел в назначенное время, через минуту-другую в фойе появилась она и тут же, подойдя ко мне сама, чего раньше не делала, поцеловала меня в щеку…

На ней было малиновое велюровое платье, облегающее талию, с глубоким декольте и без рукавов. Высокая, в такого же цвета туфлях на шпильках и с золотыми застежками. И вся была в этом наряде и макияже, который я никогда не видел на ней, кроме бледно подкрашенных губ, настолько хороша, что первый раз за все наше знакомство я подумал о серьезной любви к ней.

– Можно поздравить с успешным окончанием? Или…

– Спасибо! – не дала мне договорить.

– Я приглашаю пообедать в ресторане, в центре, – и чтобы она не отказалась, поспешил добавить, – днем там тихо, – зная по ее же словам, что она не любит, когда многолюдно, особенно по вечерам, когда «бринчат» самодеятельные музыканты, которых администрация заведения нанимает в оркестр. Она мило посмотрела на меня и ее молчаливый взгляд означал: «Затем собралась и

позвала тебя среди дня».

– Пообедаем, только здесь недалеко, – взяв меня за руку, сказала она, когда вышли на улицу, – на углу рядом есть кафе «Лотос», чтобы не ехать потом обратно, а спокойно прогуляемся домой.

– Как скажешь, сегодня твой день, дорогая!..

И опять за столом мы говорили о чем-нибудь постороннем, только не о нашем совместном будущем, правда, на этот раз, к моему удивлению, обошлось без упоминаний монастырской жизни…

Вышли мы их кафе в восьмом часу, когда уже к вечеру стали набегать завсегдатаи посетители, в основном молодежь, и засуетился в углу оркестр, готовясь играть.

Выйдя, свернули в тихий переулок.

– Погода-то какая, прелесть!.. ты ведь рядом живешь, так что не будем спешить, весь вечер у нас еще впереди, – и посмотрев неравнодушно в мои глаза, усмехнулась, отводя взгляд.

Это высказывание, меня обнадеживало.

– Да! не только вечер, а и вообще… может, сегодня мы наконец узнаем, что такое настоящая любовь? – как можно серьезнее отозвался я.

Она одернула меня за руку и положила голову на мое плечо. Затем, оставив меня, шагнула быстро вперед и, крутанувшись в вальсе, остановилась, глядя мне в глаза:

– Правда, ты меня любишь? – сказала она с тихим недоумением и с особой угодливостью запрокинула голову, когда я подошел к ней.

– Да! – и мы сплелись в длительном поцелуе…

Вскоре после нашего сближения она, положив мне голову на грудь, сказала:

– Через три дня, во вторник, я уезжаю домой. Ты ведь придёшь меня проводить? Приходи как всегда, вечером, поезд отходит поздно ночью.

– Да, приду! Постой, а как же я? – спохватился, не взяв сразу в толк еще ею сказанного.

– Там видно будет, дорогой! Я тебе обо всем напишу, сразу же, хорошо!

После ее слов наша близость казалась мне недоразумением. «Но почему я так встревожен, то, чего добивался, исполнилось. Зачем и почему надо так мучить себя?» - задавал сам себе вопросы…

В окне забрезжил утренний рассвет, когда я проснулся, открыв глаза. Она в упор смотрела на меня. Затем принялась целовать мою грудь, руки, и возбужденный от ее поцелуев, я заставил ее очередной раз испытать то крайнее в любви бесстыдство, которое испытывает женщина, угождая и отдавая всю себя мужчине…

– А, бог с ней, с этой любовью – успокаивал сам себя. И весь следующий выходной день мы провели вместе, валяясь в постели, не выходя из квартиры.

С меня было достаточно и того, что я с ней рядом, она в моих объятьях, слышу на своей груди ее легкое дыхание и целую всю…

Стало темнеть, когда мы вышли со двора моего дома. Провожая ее, мы в основном молчали, каждый думая о своем, и остановились на углу общежития, не подходя к крыльцу. Она сама обнимала и целовала меня в лицо, не давая мне своих губ, и, когда прижималась своими щеками и губами к моему лицу, я чувствовал, как моргают ее мокрые ресницы. Наконец, она успокоилась и уступила мне свои губы, и мы сплелись в жарком поцелуе.

– Пока! – спокойно бросила она и, не оборачиваясь, пошла, скрывшись за входной дверью.

Я повернулся и тихо пошел домой…

Во вторник пришел с работы домой пораньше и был полон надежды и испытывал ощущение счастья, что снова увижу ее и кто знает, как все сложится дальше.

В подъезде в своем почтовом ящике обнаружил письмо. Конверт был без почтового штемпеля, значит, опустил его в ящик собственноручно обладатель письма. На конверте без адреса было написано одно слово – мое имя. Войдя в квартиру, вскрыл конверт, где красивым убористым почерком было написано несколько слов:

Дорогой!

Я уезжаю сегодня поздно ночью. Прости меня, что не смогла тебе сказать правду о своем отъезде. Боялась, что не выдержу нашей прощальной разлуки.

Будь счастлив.

Целую и люблю.

Полина.

Внизу вчерашнее число, значит, приходила опускать конверт в понедельник перед самым отъездом.

Работа и вечерняя учеба в вузе – практически не было времени расслабляться и горевать. Через месяц я уже не вспоминал о ней…

С тех пор прошло почти сорок лет. Но лет десять тому назад, в начале двухтысячных годов, будучи в гостях у близкой знакомой семейной пары, был представлен хозяйкой дома ее подруге, нежданно пришедшей к ним по каким-то делам. Позже из разговора за чаем узнал, что эта женщина и хозяйка дома учились вместе и что она преподает в финансовом колледже…

После пребывания в гостях я вызвался довести эту женщину домой, лукаво сказав, что нам все равно по пути. Уже в дороге уточнил, тот ли это колледж – бывший техникум и как долго она там работает. Она ответила, что работает сразу же после института, с начала 70 –х годов…

– У меня есть к вам просьба, если это возможно, Людмила Степановна! – обратился я к ней.

– Да. Я вас слушаю!

– Нельзя ли узнать про одну выпускницу 1974 года.

– Да нет проблем. А кто такая?

– Некая Полина Говорова!

– Полина Говорова, как же была такая, – почти сразу же без затруднений ответила она, – неординарная была девочка, почему и запомнилась. Очень способная и закончила учебу с отличием, – немного помолчав, думая о своем, продолжила. – Она еще ходила пела в женском хоре во время служб в церкви… Знаете, это раньше не особо приветствовалось… Комсомолка все-таки.

Мы немного помолчали.

– Да, кстати! – спохватилась она – я ее видела года два тому назад.

– Как видели? – перебил я ее.

– Она служит настоятельницей в женском монастыре, куда я со своими ученицами ездила на экскурсию, там устраивают посещения по выходным.

– Как «настоятельница» - еще больше удивился я – разве после учебы не уехала домой, она ведь где-то с юга?

– Нет! Она здешняя не помню, с какого района, толи с Называевского, то ли с Тюкалинского, одним словом нашенская.

Она как не странно узнала меня первой – улыбнулась – мы с ней так мило побеседовали, как старые близкие «подруги». После учебы она работала в банке. Закончила еще институт – заочно по нашему профилю, даже возглавляла какое-то отделение банка. А вначале 90-х годов, когда все рухнуло, бросила работу и подалась на богослужение. Так одна и прожила – опять немного помолчав, продолжила она – я уж не знаю, что за причина. Такая видная из себя, казалось бы, не должна была остаться без внимания, а семьи так и не было. Может несчастная любовь, кто его знает, что ее подвигло на такое решение. Но умница была и активная общественница. Вела в техникуме у девочек секцию цветоводства, у нее мама агроном по цветам.

Квартира у нее в городе, но живет там, как и послушницы при монастыре – слушал я ее уже думая о своем…

Миг очарования

В ту весну было уже по-летнему тепло. Но с началом лета, как только в селах хозяйства управились с полевыми работами, наступила отвратительная погода. Поначалу разбушевались сильные ветра, дуя со степи, расшатывая деревья, ломая их ветви, а затем несколько дней моросили дожди, вконец превратив грунтовые дороги в сплошное месиво-грязь! Люди уже стали проявлять беспокойство с такой погодой за будущий урожай. Моим планам ненастная погода тоже могла помешать, поскольку уже не далее чем через неделю предстояла поездка в те места, где была размякшая грунтовая дорога. Но, к счастью, дней за пять до поездки наступила тихая безоблачность, и от простоявшего за это время солнечного тепла уже ничто не напоминало о тех мрачных событиях…

Я в числе других был приглашен на юбилей к одному из наших друзей еще по детству. Условившись о поездке, мы собрались заранее, чтобы не опоздать к назначенному времени, потому как в конце пути требовалось еще переправиться через реку на пароме, а мы не знали в точности его расписание. За разговорами время как-то пролетело незаметно, и вот уже подъехали к переправе. На берегу

стояло несколько машин и толпились вышедшие из них люди. Все вокруг громко говорили, смеялись. От излишней суеты мне как-то было неловко, и я, предупредив своих, отошел в сторону. С реки тянуло слабым ветерком. У берега царил какой-то беспорядок, по сторонам повсюду разбросаны выкорчеванные большие кусты прибрежного ивняка, и от этого весь берег был голый и глинистый, а сам подъезд к переправе - пристани неаккуратно усыпан крупным щебнем…

Скоро от противоположного берега стал отходить паром и, круто описав широкую дугу, уже через несколько минут стал выравниваться у нашей пристани, шумя вокруг буксира бурлящей водой. Команда закрепила швартовые и стала мостить сходни.

С парома сходили люди, следом съехали машины. Вернувшись к своим, узнал, что обратно паром пойдет через полтора часа и только за полчаса до отправления начнется погрузка. Глядя вдаль, в двух-трех верстах от переправы усмотрел черты знакомого поселка – райцентра, где по долгу службы приходилось бывать в молодые годы. «Как долго не был в этих местах», - подумал я. – Не велик был труд проехать каких-то сто верст, чтобы согреть свою душу воспоминаниями о тех годах молодости. Но все как-то не ехалось, а только иногда с грустью вспоминалось и, наконец, оказался теперь здесь при совсем других обстоятельствах. И находясь так близко, хотелось заглянуть туда хотя бы на минутку, Изнутри разбирало любопытство, и терзали душу томные мысли. Обратившись к своим попутчикам о своем намерении посетить со мной поселок, чтобы скоротать время ожидания до погрузки, они любезно отказались, сказав – поезжай!..

Уже у въезда в поселок понял, что все изменилось до неузнаваемости: еле усматривались прежние черты улиц, переулков, – так все обновилось и вновь застроилось. Проехав к центру, решил пройтись немного…

Да, где-то здесь хаживал в молодости в теплые летние вечера. А вот и аллейка, ведущая к обелиску. Как давно же я здесь не был, все мучился воспоминаниями. Как многое здесь изменилось, но аллейка в парке сохранилась прежняя, разве что постарели деревья, местами выдавая свой возраст сухими макушками. Я присел на рядом стоящую скамью и, глядя вдоль аллеи… В глазах у меня зарябило, и точно какая-то искорка свернула в голове, напомнив мне события тридцатилетней давности…

_____

Находясь тогда здесь в командировке, вышел вечерком из гостиницы прогуляться. Горизонт был уже окрашен багровым закатом, но было еще тепло и светло. Шел по этому парку, а точнее, по хорошо ухоженной широкой аллее, идущей к монументу славы в честь «Защитников отечества». Шел не спеша, без всякой цели, но глубоко задумавшись. Мысли мои все летали около чего-то недосягаемого и в то же время близкого по моему восприятию. У меня было какое-то угнетенное состояние ожидания, какое бывает у людей, ждущих чего-то более тайного и сокровенного, чем наша каждодневная обыденность. От терзавших изнутри мою душу мыслей ни как не мог вернуться в существующую вокруг меня реальность и отвлекся лишь тогда, когда увидел идущую навстречу девушку. Я не сводил с нее глаз, сколько в ней было нежности, девичьей чистоты и изящества. «Это она, это и есть, наверное, та, что мучает меня, – нашло мне тогда в голову, - ни на кого не похожая, единственная моя». Она еще на почтительном расстоянии своими голубыми глазами и тонкой улыбкой на устах уловила мой восхищенный взгляд…

Мы! Молодые, здоровые, красивые, молча, прошли мимо друг друга. Зачем? Однако через несколько буквально секунд я с необыкновенной быстротой обернулся и увидел, как она тоже обернулась, провожая меня своим взглядом…

Возвратившись в гостиницу, прилег и долго не мог уснуть. Из головы не выходила эта случайная мимолетная встреча с незнакомой. Мне сразу понравилось ее лицо, глаза, походка. Не зная ее, я уже скучал по ней, мое воображение охотно рисовало ее в своих объятьях, распалив этим себя до телесного возбуждения, и уже корил себя в нерешительности заговорить с ней. Я был тогда в том радостно-волнующем, щемящем сердце состоянии влюбленности, что потом по истечении многих лет, думая о своем идеале женщины для большой любви, память почему-то всегда возвращала ко мне именно эту мимолетную встречу в летнем парке…

Эти воспоминания настолько растрогали меня, что я слегка прослезился и, сняв платочком с глаз мокроту, уже наяву увидел, что издали шла немолодая статная женщина. Я мгновенно соскочил со скамьи и, видимо, под впечатлением воспоминаний, боясь опять что-то потерять, шагнул ей навстречу. Поравнявшись, оба мы точно по обоюдному согласию бросили друг на друга длительный умоляющий внимательный взгляд. Разойдясь, пройдя несколько шагов, я вдруг почувствовал настоятельную потребность обернуться назад. Обернувшись, увидел: она смотрела мне вслед. Мне показалось, что это была та из далекого прошлого, которую не мог забыть и лицо которой всегда вспоминал,

вернее, ее образ сам приходил ко мне, когда особенно мне было дурно и тоскливо. Женщина глядела на меня пристальными изумленными глазами, заметно бледнея от волнения. Я не выдержал ее взгляда, и какая-то сила толкнула меня вперед. Сильно заколотилось сердце. Мне показалось, что уже наяву на миг вернулся тот далекий летний вечер. Поравнявшись с ней, неловко моментально взял ее за руку, сам не сознавая своего поступка, так боялся вновь ее потерять.

«Это она, – отдавало в висках, – только она одна могла быть такой прекрасной, которая вошла в память и не отпускала вот уже столько лет». Ее уже кое-где подернутое морщинками лицо, когда она улыбалась, сияло оживлением и разбирающим любопытством. Она, слегка краснея, после недолгого замешательства спросила:

- Мы знакомы? - И сама же ответила. - Наверное!

- Извините! – замялся, было, я, неловко произнося. - Здравствуйте!

Она опять, о чем-то на секунду задумавшись, заявила:

- Но я вас видела…да, видела! – настоятельно повторила еще раз. - В такой же летний день предвечерний… Боже, сколько времени уже прошло, лет тридцать, наверное.

- Да, около этого. Я тогда проходил мимо. Мы проходили здесь, поправил сам себя, – шли, вернее, навстречу друг другу, и что-то тогда заставило нас обоих оглянуться, - поспешил ответить, догадываясь, о чем это она. Вот видите, как бывает: один какой-то миг, а в памяти на всю жизнь…

Она продолжала мило смотреть на меня своими голубыми ясными, еще молодыми глазами, и это ее расположение придало мне уверенности, поборов во мне застенчивость.

- Как все странно, однако, – она не сводила с меня глаз.

«И почему тогда было нам не броситься навстречу друг другу,» - подумал я, растроганный ее пристальным вниманием. Она, как будто прочитав мои мысли, умоляюще, через силу, как мне показалось, сказала:

- Если бы вы тогда сделали это, взяв меня в свои объятья, я, наверное, была бы самой счастливой женщиной на свете.

- У меня паром через час, - как-то не к месту вырвалось у меня от неожиданного ее признания.

- Мне некуда вас пригласить, - не взяв в толк сказанное мною, виновато замялась она. Я здесь в гостях из Омска. В молодости проходила здесь практику, - и улыбнувшись, грустно добавила: как раз в то самое время нашей в с вами встречи, несостоявшейся!

Она, задумавшись, урывками начала говорить:

- Как это все необыкновенно, Да и потом, зачем это теперь уже нам близкое знакомство.

- Да-да, вы, наверное, правы, но все равно вот увиделись еще раз через столько лет и как-то даже легче стало, хотя и грустно, конечно, годы-то улетели…

- Я тоже испытываю те же чувства, что и вы, - перебила она.

Она тихонько покачала головой. Мы все еще стояли, не разнимая рук и не зная, что дальше делать, продолжали смотреть друг на друга, не зная даже имен. В ее потухающих, слегка слезившихся глазах все глубже виделась печаль и разочарование, что нельзя уже ничего изменить и поправить.

И она все тоже, наверное, чувствовала и во мне, поскольку на моих глазах тоже появились слезинки.

- Это не сон! Это, несомненно, тогда были вы! – прервав, наконец, молчанье, сказала она уже с невыразимым сожалением. - Чудесный неизвестный, мой милый друг!

Она достала другой рукой из кармашка платок и нежно утерла свои, а затем и мои слезы. Потом, точно очнувшись от сна, по-молодецки выпрямилась и спокойно уже сказала:

- Прощайте! Больше не увидимся…

- Да, наверное! зачем-то поспешил ответить я, хотя хотелось сказать совершенно другое, да еще в завершение всего зачем-то добавил. - Извините за причинение беспокойства.

Она без всякого жеманства, как поступают искренне любящие нас люди, поцеловала меня, слегка коснувшись своими тонкими губами моих горячих губ и высвободив свою руку, не оборачиваясь, ушла, теперь уже навсегда…

«Да, мы никогда больше не встретимся, - с грустной печалью подумал я, - но то, что мы оба, не знавшие друг друга, однажды встретившись на миг взглядами, испытали одни и те же чувства, чувства несостоявшейся большой любви, это

одинаково для нас осталось несомненным».